

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 18

Тольятти
2020 год

Главный редактор: Сергей Сумин (Тольятти)

Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов (Тольятти)

Редколлегия: Денис Липатов (Нижний Новгород)
Георгий Квантришвили (Самара)

Художник номера: Александр Верёвкин

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

Март 2020 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

АЙВЕНГО. <i>Стихи</i>	6
Антон БАХАРЕВ-ЧЕРНЁНОК. <i>Стихи</i>	11
Иван КЛИНОВОЙ. <i>Стихи</i>	14
Дмитрий БЛИЗНЮК. <i>Стихи</i>	18
Андрей КОЗЫРЕВ. <i>Стихи</i>	23

ПРОЗА

Вадим КАЛИНИН. Маленький зелёный автобус	27
Александр ТЕНЕНБАУМ. Рассказы	52

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом. Екатерина Боярских.	60
Екатерина БОЯРСКИХ. <i>Стихи</i>	66

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

Дмитрий ДЕЙЧ. <i>Малахия (фрагменты)</i>	73
--	----

ИНАЯ ПТИЦА

Инга ГААК. ПЕСНИ НА ШАХМАТНОМ ПОЛЕ. Стихи	82
--	----

ОКРЕСТНОСТИ

Сергей БЫКОВ. Об одном литературном расследовании в связи со стихотворением Льва Лосева "Бахтин в Саранске"..	88
--	----

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Георгий КВАНТРИШВИЛИ. Поэт Виктор Багров.	96
Виктор БАГРОВ. Из главы VII. Пугачевцы в Самаре поэмы «Емельян Пугачев»	103

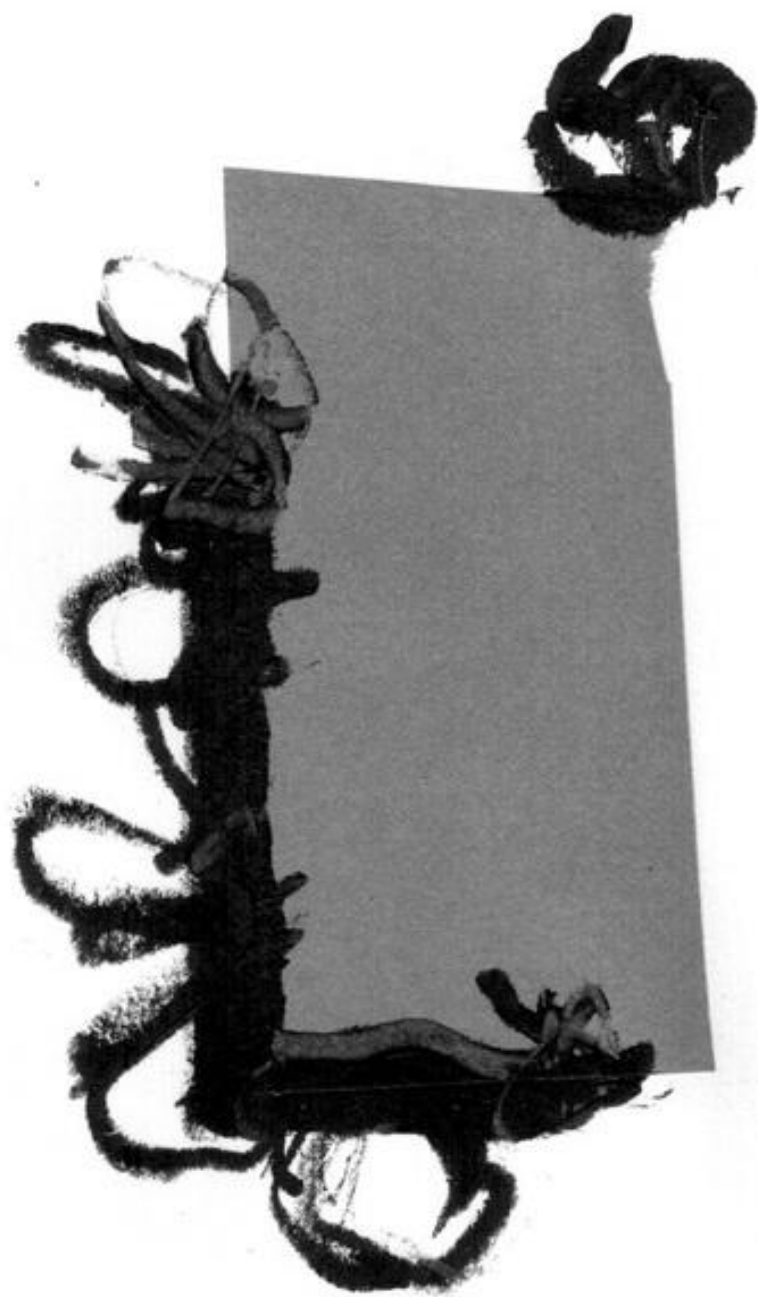
МИР – ЧУЖБИНА

Юрий АНДРУХОВИЧ. <i>Стихи.</i> (Пер. Андрея Щетникова)	114
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

ПОСТСКРИПТУМ

Елена КАРЕВА. Феерия года: Уэльбек, Пелевин и Фигль-Мигль	121
КНИГА ЗА КНИГОЙ	138
АВТОРЫ	152

ПОЭЗИЯ

АЙВЕНГО

бежит
кричит
неандерталец
и вдруг
кусает вас
за палец
бежите
и
кричите
вы
теперь и вы
неандерталец...

ленин тлеет
в мавзолее
мышка по
полю бежит
вон висит
картина Клее
и летит
метеорит

вот он бизон Стикса
а вот кальсоны Астерикса
а вот манишка Аронакса
а это просто собака Клякса

ПОЭЗИЯ

ГЛУПЫЙ СОНЕТ

русалка вышла из пруда
русалко только что открылось
и сразу всё переменялось
и я сказал: вот это да
и солнце светит так и сяк
оконце украшает кактус
и кот сидит на нём как туз*
проходим людям кажет фактус
ты спросишь: как же это так
и побежишь искать грибочки
до самой до заветной к(т)очки
а я отвечу: как-то так
и вслед пойду я за тобою
сонета глупого строкою

*на подоконнике

не пишуций поэт
качается в качалке
вокруг него рунет
и леденец на палке
вон селезень летит
а вон ползёт улитка
читатель мирно спит
а вот скрипит калитка
всё записал поэт
в дорожный свой блокнот
и выкинул в окно
на то он и поэт

ПОЭЗИЯ

по солнцу
ползёт
муравей

обыватель
заходит
в подъезд

на ели
сидит
сорока

мысленно
я с вами
говорит
собачка Жужа

по солнцу
опять
ползёт муравей

сидит диктатор
и диктует
свой незатейливый
диктант
лежит поэт –
слова рифмует
майор – лелеет
аксельбант
а муравей бежит
с травинкой
бежит бежит
себе бежит
серёга поругался
и зинкой
в корзинке
белый гриб
лежит

ПОЭЗИЯ

мефистофелеподобный
человек идёт купаться

глупый пингвин
машет брюхом
и приветствует героя

стаи чаек пожирают
косяки безмолвных рыбин

под кустом
лежит и дрыхнет
то ли Фауст
то ли слесарь

и носки стираются
и майки
только в старом
сараяе
висят старые
фуфайки...
повисят
повисят
да пойдут на
прогулку
по ночным улицам
топотать будут
гулко...
и встретят они
кошечку ёжика
и собачку
и получат животные
вкусную подачку...
а время
летит себе
не заметишь
не на все
вопросы
ты в жизни этой
ответишь...

ПОЭЗИЯ

пляшет винни пух
пляшет винни пух
вот костёр потух
но пляшет винни пух
вот другой потух
пляшет винни пух
вот ещё потух
но пляшет винни пух
от семи до двух
пляшет винни пух
самиздата дух
пляшет вини пух
сколько сдохло мух
пляшет винни пух
утомился дух
пляшет винни пух
а вот огонь потух
пляшет винни пух
а вот другой потух
пляшет винни пух
а вот ещё потух
пляшет винни пух
от подушек пухъ
пляшет винни пух
а вот сазан протух
пляшет винни пух
палтус вот протух
пляшет винни пух
пухъпухъпухъ
пляшет винни пух
только белый пухъ
пляшет винни пух
это снег – не пухъ
но пляшет винни пух
снег ведь он не пухъ
пляшет винни пух
снег похож на пухъ
пляшет винни пух
утомился - ух
не пляшет винни пух

ПОЭЗИЯ

Антон БАХАРЕВ-ЧЕРНЕНОК

Сердце Пармы

Где сердце Пармы? Может быть, и тут,
Где скалы проступили, словно кости.
Где небеса легли на рёбра Косьвы
И слушают земную пустоту.

Тебе там гул, а им — заветный стук:
Жизнь пролетает между двух биений
Пластом в каменноугольный бассейн —
И только брызги чёрные вокруг.

Мерцаньем их с изнанки бытия
Нагружен спектр видимого света.
Как будто бы замедлилась планета —
И наконец-то вздрогнула земля.

Пресветел августовский бор!
Плывущий вровень с небесами
Над тёмным бытом, над лесами,
Над нашей эрой, как собор.

Сосновый сад, счастливый сон,
В котором я смешной и грустный,
Меня придумал мальчик русский,
Когда-нибудь проснётся он.

И я не двигаюсь, храня
Здесь тишину. И тёплым, древним
Проходит светом сквозь деревья,
Как гребень, божья пятерня...

ПОЭЗИЯ

Отбросил тень, а свет пролил —
Душа нема, а руки-крюки...
Луна от баночки белил
Сухих откручена со скуки —
И поэтическую ложь
Такую, связанную с нею,
Периодически краснея,
Вполуха слушает. Ну что ж.
Тогда ты будешь, как и мы,
Небесным телом. До свиданья.
Я свет пролил, но не до тьмы.
Я тень отбросил — и страдаю.

В филологическом жару
Несносна ересь идиомья.
Срезая с яблок кожуру,
Они галдят у изголовья,
Они по дому ходят, как
Свои, задёргивают шторы,
Но, слово богу, те не впору
Окну, и я, как предикат,
Встаю, иду, живу... Сдаётся,
Что не заткнушь я, грамотей,
Покуда свет небесный льётся,
Пока отбрасываю тень.

В земле, как в чаше, мгла воды,
В воде, как в чаше, звёздный дым,
В дыму чудовищем немым
Стоит невидимая рыба.

А память у неё пуста,
И в разум ей ни свет костра,
Ни запредельная звезда
Не упираются фотоном.

ПОЭЗИЯ

Но в глаз её встают хотя
Бы. По законам бытия
Рождаясь так — себе найдя
Во тьме нечаянно опору.

И я, глаза на огонь
И угли двигая ногой,
Приобретаю со звездой
Необъяснимую свободу.

Только одно утешение
в бешеном беге дней —
до головокружения
верное — что на дне
хрупкого и двухкамерного
времени твоего
в скрупулах струйки каменной
больше ни одного
действия, ни единого
шороха — ничего,
что и тебя водило бы
в сутолоке вещей.

Но и обратному правилу
тоже не будешь рад:
вспомнив, как солнце плавило
шпал бесконечный ряд
и трепетала в мареве
каменная река —
ни листопада раннего,
ни грома товарняка,
ни даже вспышек бабочки
в недрах сварного шва
этого мира — мамочки,
смотришь — а жизнь прошла!

ПОЭЗИЯ

Иван КЛИНОВОЙ

* * *

Вместо лапы на счастье получишь ли счастья на лапу,
Если, свет принося, ты уносишь и холод, и тьму?
Не хватает кц, чтобы тут же купить гравицапу
И сменить этот глобус, устав объяснять, почему.

Потому что, наставивши клякс, видишь белые пятна:
Ты писал молоком, – но за сотни промысленных строк
Мир не платит тебе ни пословно, ни покиловаттно,
Только снег переводит на карту зарплатных дорог.

Потому что фуганок уже не выводит ни фуги,
Запорошен опилками старыми добрый верстак...
Бьёшься бабочкой бледной в немые стёкла фрамуги:
Цапа есть, но ведь с цапой ты можешь, увы, только так –

* * *

Вырвись сквозь все препоны, табу, границы
В город, где ты – никто, где язык – чужой,
Где на тобой исчёрканные страницы
Солнышко светит так, что relax, enjoy.

Там, где у края карты тебя драконы
Ждут, чтобы кофе пить и смотреть закат,
Для говорить достаточно токипоны.
Да и драконы лучше людей. Стократ.

* * *

Все слова неслучайны и чем-нибудь да чреватые.
Жизнь к тебе повернулась спиной – расстегни ей платье.
Сочини же молчанье и выруби сотни чатов,
Из которых летят сердечки и кружки латте.

На одних обнимашках, особенно, виртуальных,
Далеко не уедешь – у них КПД мизерный.
Потому и город вокруг тебя – Гроб-Хрустальный,
Что ты явно носитель СПИДа и прочей скверны.

ПОЭЗИЯ

Вот же был тугосеря, дорос и до тугодума,
И поэзия смерть попирает по всей футболке.
Ну, а то, что уже столько раз подводила сумма,
Знать, самум из тебя не вышел – сквозняк и только.

А кому на тебя не пофиг, так те далеко-далече
И молчат, и не знают, что мальчик созрел, фурункул...
Неприкрытые бледные ноги кладя на плечи,
Жизнь к тебе повернулась лицом – и позируй Мунку.

Злись, юродствуй, бесись, посылай всех пешком в Анкоридж,
Не скупись на фигуры высшего эпатажа –
Никаких егерей покерфейсом не объегоришь,
Все давно уже знают, что ты монстр-трак и няша.

И когда на тебя вновь накатит хандры Харибда,
А с другого конца подберётся уныльцы Сцилла,
Загляни на поля пожелтевшего манускрипта:
Там ещё обитают драконы, там место силы.

* * *

Если б только Марсуф и слушал, как ты растёшь,
То, наверное, в мире не было бы войны,
И слова, от которых всегда пробирала дрожь,
Не слагались бы в песни, пальцы и валуны.

Если б ты не снилась людям издалека,
То они бы не знали, насколько их дом – sweet home,
И намного бы легче тянулась к ружью рука,
А убить, вероятно, и не было бы грехом.

Если б только ты и взрывала асфальт и мреть,
То войны побрякушки не были бы в чести,
Никому бы никто не приказывал умереть
За ещё один клочок земли, где тебе расти.

ПОЭЗИЯ

* * *

На башнях перебиты прейскуранты,
И камеры обскурвились давно,
И плиточку кладущие мигранты
Киянки добывают из фо-но.

В доступных и достаточных бермудах
Прохожие наивны и мудры,
Их лица отражаются в талмудах
Бук-питчингом пропатченной лит-ры.

Дразня народ мулетами раздатки,
Толкутся матадоры у метро.
С билбордов полнокровные мулатки
То грудь покажут мельком, то бедро.

Под ними многократные мамыши
(«подай, милок, не то – аллах акбар!»)
И Будда, принимающий маваша
Как полноценный и прекрасный дар.

* * *

Мир обретает в сурдопереводе
Отчётливую кривизну стекла,
Но не ведёт ни к счастью, ни к свободе,
Ни к той любви, которая могла
Спасти мальчишку, или что-то вроде...

И ты идёшь, не думая о страшном,
Когда тебя ведёт за удила
Не мысль о том, что где-то одр и брашно,
Не чувство ритма и не басмала,
А страх, что день становится вчерашним

Быстрее, чем сменяются пейзажи
За – вот уже очередным – стеклом,
И если ты об этом не расскажешь,
То всё и вся тотчас пойдёт на слом,
И не спасут ни селфи, ни крестражи.

ПОЭЗИЯ

* * *

Дубляж, бубнёж и прочие субтитры,
Ночной сеанс ремастеринга звёзд,
И лишь Марию Магдалину Дитрих
Не исцелит от бесов мистер Фёст.

Уснул тапёр, «Тархуном» залит клавиш
За горизонт спускающийся ряд.
Кого ты пригласишь и обезглавишь,
Заранее тебе не говорят,

И ты идёшь встречать ближайший поезд,
Ловить коляску, кольцевать шоссе,
Как человек, нажавший кнопку «поиск»,
Но спутавший глиссаду и гляссе.

Пусть наизнанку наволочка ночи,
Но зрители простят и этот ляп,
Поскольку сами светят, что есть мочи,
И бесконечно временна петля.

ПОЭЗИЯ

Дмитрий БЛИЗНЮК

я живу внутри падающего самолета
падает десятилетиями
каждое утро посыпаюсь
точно зуб среди поля засеянного зубами.
так плотно подогнан к другим
и свободны лишь кариес и жнецы

неужели все мои стихи - это я
разбрызганный по миру
как яйцо птеродактиля
взорвавшееся в микроволновке?

посвящение

памяти Майи Шварцман

садовая роза под наркозом
первых заморозков
трется обрезанным горлом о
подоконник царапает кость гвоздем жечь
две недели назад умерла она и я беру ее смерть
как морскую ракушку нагретую солнцем
брелок сувенир чаша с музыкой все что остается от жизни
талантливой поэтессы растеряно верчу в руках
пробую на язык ракушку прикладываю к уху
напрягаю слух как алмаз мелкие треугольные мускулы
но не слышу музыку только шум шум
першит штрихованный но я знаю музыка есть
мелодию пропущенную сквозь коллаидер мне не понять
не понять как это умирать как это жить в стихах и памяти близких
и дальних да я дальний только вот все это ложь
расстояния она умерла в ночь на черную пятницу
опавшие лепестки розы на клавиатуре красивы
как изогнутые черно-красные плавники

ПОЭЗИЯ

я ел гречку за компьютером когда узнал
продолжал жевать и плакать странно это странно
эхом фиолетовым докатилась чужая боль уже и не боль
мы не дружили и не враждовали симпатизировали друг другу да
она белая аристократическая птица похожа на журавля
в туфельках рифмы
а я пират на галерах верлибра весь татуировках
дима всегда следуйте своим путем и не обращайтесь внимания на
обормотов не слушайте никого нужно заливайте уши
горячим воском но прислушивайтесь к голосу внутри
и я слушаю слушаю слушаю до тошноты
чужая смерть делает нас немного бессмертными
так дети бросают снежки
в черный подползающий танк она будет вечно танцевать
в длинных стеклянных амфорах своих стихов
женщина с гибким змеиным телом и черные влажные волосы
замочные скважины в черных глазах
ей не понравилось бы это сравнение но
это мой стиль мой мир то что осталось между нами
так пальцы скалолаза на запредельной высоте
сами собой разжимают камень
это черная вода дошла по подбородка и я случайно сделал глоток
смерти крепчайший черный кофе вальсирующее тепло
подташнивание тьма там за окном сознания
и садовая роза не узнаёт никого трется обрезанным горлом о
подоконник

ЭХО НЕВОЗМОЖНОГО

фонари проспекта с двумя головами:
одна нависает над второй, как самец гадюки над самкой,
а люди внизу проходят сквозь
прозрачные мясорубки времени мельчайшие,
не замечают, как их крошат на морщины,
на пыль и седение,
тощие скукоженные ангелы старости
наполнены слабоумием, как розовым сиянием.
это - чувство угля, который швыряют в топку,
а там кубический джинн огня

ПОЭЗИЯ

брыкается сотнями ног в чугунной колбе.
"бессссмертие" -
если произнесешь вслух сто раз подряд,
услышишь
шум далекого прибоя.
это вечность бьется о берега
несуществующего моря головой,
как рыжий веснушчатый Наполеон в дурдоме.
это - эхо невозможного, желание золотой пробки
создать нечто сложное и прекрасное.
живую рыбку.
наградить сознанием, вместилищем эмоций,
чтобы понял однажды - ты умрешь. исчезнешь. но о чудо,
слепой котенок в ведре с водой не тонет,
он научился дышать под смертью.
вот-вот откроются его глаза,
но как же выбраться из ведра
Вселенной?
и длится осознание,
беснуется штрихованный дождь за окном.
неужели. неужели. неужели.

снегопад в стиле модерн

горячие батареи на этажах
спасали нас в зимнюю стужу,
мы подростки набивались на этаж как молодняк крыс в лодку,
а корабль эпохи из грязного стекла и бетона спокойно тонул, не тонул,
рассекал звездную тину в перевернутом заилленном океане.
в мире так много потных шей и ожерелий
из искусственных жемчужин, так почему же я храню
эту раковину с моллюском?
он выращивает нечто годами в слизи,
держит в уме ее тонкую шею, белое горло.
наши судьбы - все это похоже на снегопад из игральных костей,
из легких и пушистых возможностей,
и мы на этаже как вши в соболиной шубе.
накурено, плывет электрический ядовитый туман

ПОЭЗИЯ

и там впереди нас ждет много толстых шей и фальшивых жемчужин,
а она - ангел - растет в неблагоприятной как черви семье,
а она вдруг замирает у окна залитого тьмой как смолой.
говорит невпопад -
снегопад, там идет снегопад, но
её притягивает халявное тепло батарей, стаканы с вином,
и звонкие бряки гитары как связки ключей
в лакированном лошадином черепе.
талый снег с подошв, лодыжки сверкают в полутьме
на лестничной клетке точно молодые акулы-близняшки.
дыхание нимфы среди алкогольных зеленых узоров,
высокий лоб, расширенный зрачок старшеклассницы и в нем
как в капле крови отражен и сохранен весь бред
и радость жизни, все причины и последствия.
её судьба сказка со шрамом - удаляли аппендикс. жизнь легко
дается: прозрачная креветка, еще не дышит,
но однажды как веко забьется сердечко у зародыша. она
легко ломается как авторучка или плюсовая косточка.
и мы по льду идем
снежного, нежного, страшного озера,
сыплется снег, соленый снег, сладкий снег, розовый снег,
под нами смерть, над нами смерть и лед хрустит,
и Вифлеемская звезда чадит, горит как карбид.

фотографии островов

ребенок не научился прятать разочарование.
а лес наполняется снегом, как вены холестерином,
наш домик в деревне - ковчег для четверых и всей свиты:
собака, кошка, нутрии, куры, теленок в закутке.
а лес наполняется снегом, как память - белым мокрым пеплом
прожитого, но почему же я ничего не могу разглядеть?
трактор чистит дорогу мощной клешней, фырчит, тарахтит,
его электроглаза без век и ресниц дрожат, как у краба, на спицах.
зачем я приехал сюда - в холодную белизну - писать новый роман?
улитка с ноутбуком. здесь настоящая зима, ее можно потрогать пальцем,
как спящего гризли, - аккуратно выломав лед в закупоренной берлоге:
чувствуешь запах прели и мокрой псины, ягодное дыхание?

ПОЭЗИЯ

бессонный зверь, я вернулся к тебе,
жить с тобой в гудящем тепле, есть жареную картошку,
цедить сироп твоих золотых волос, просто так касаться тебя -
не ради похоти или продолжения рода,
и разбирать по утрам монотонный бубнеж вьюги.
я смотрю на зиму из твоего лица. все мы прячемся
за толщей стекол-одинокств, смотрим в иллюминаторы,
и зимняя ночь проплывает мимо, и над нами словно круизный лайнер:
там созвездия-миллионеры пьют квазарный сок
и щебечут непонятные фразы на языке черных дыр.
а лес наполняется нашими стеклянными трофеями, статуями,
милым бессмыслием. мельтешат белые хлопья,
но не твои ресницы - осмысленные жнецы с шелком, серпами и сажей.
все эти воспоминания - фотографии островов. на некоторых есть мы.
но мировая необитаемость сводит с ума, и я уже смотрю на мир
в прошедшем времени, как звезда, испустившая свет,
и свет вернулся к звезде, отраженный от будущей монолитной тьмы.
любимая, мы одни. и лисица кричит в лесу - так издает писк
наш старенький картридж на принтере.
распечатай же зимние вечера, где есть мы, наша семья,
пока зимний лес заполняет меня.
сколько же священной голодной пустоты
(снаружи и внутри),
готовой принять любой осмысленный хлам, звук, лик.

ПОЭЗИЯ

Андрей КОЗЫРЕВ

* * *

если слишком долго
не подметать в комнате
в ней заведутся тараканы

если слишком долго
не открывать клетку
в ней заведётся птица

если слишком долго
не высказывать свои мысли
они сами сложатся
в стихи

* * *

мои стихи вышли в свет
тиражом в триста экземпляров
и уснули по библиотекам
сном невинности

мои мысли вышли в свет
тиражом в сто экземпляров
и были проданы в магазине
принесся хороший навар

моя любовь вышла в свет
тиражом в один экземпляр

но этого тиража
мне хватит на всю жизнь

ПОЭЗИЯ

* * *

один мой друг
родился бабочкой
а умер гусеницей

другой родился океанской волной
а умер бурей в стакане воды

я родился облаком
сначала было нелегко
я с трудом нашёл штаны по размеру

но надеюсь что мне
предстоит жить долго
и умереть в радуге

Городская заметка

Только в маршрутке
Опаздывающей по расписанию
Я понимаю
Что кричит атом
Несущийся
В адронном
Коллайдере

* * *

Что-то затылок заныл
Того и гляди
Достоевский в моей голове
Проснется
Напишет толстый роман
И скажет
Идиот

ПОЭЗИЯ

Сократ

Я выпил чашу цикуты
Потом распялся
Потом на костре сгорел
А теперь пляшу на травке
И хохочу
Какой дурак Платон

* * *

Бывают такие лица,
В которых взгляду уютно и тепло,
Как в хорошей гостинице
После долгой дороги.
Бывают такие руки,
Пожав которые,
Касаешься неба.
Бывают такие глаза,
В которых гостят облака и корни
Одновременно.

А судьбы,
Которая уместилась бы в линию на ладони,
Не бывает.

ПРОЗА

Вадим КАЛИНИН

Маленький зелёный автобус

Посвящается памяти моего отца

Андрея Георгиевича Калинина

Оглядываясь назад, мы, как правило, видим что-нибудь единственное, яркое и запоминающееся. Например, лимонно-желтую табличку с бликующей чёрной надписью «Порошок уходи!», женский берет цвета свежей петрушки над вытянутым восковым лицом, или, на худой конец, красный, пластмассовый забытый в траве игрушечный экскаватор. Наш мозг, при резком повороте головы назад в мгновение мобилизуется, стремясь вычленив из ландшафта самое важное и актуальное, пока кто-то неброско одетый вытаскивает кошелек из кармана нашего плаща.

То же самое происходит, когда мы пытаемся восстановить в памяти прошлое. Память обозначает единственную, удивительную своей отчётливостью, подробность. Потом, словно кувшинки в утреннем, накрывшем украинский пруд, тумане, проступают по всей плоскости личной хронологии подобия первой всплывшей в памяти детали, а дальше, из млечного небытия выплывает всё остальное, не подробное, будто бы второстепенное, прошлое. Самое трудное выявить подробности в этом не подробном. Просто потому, что вымысел быстрее заполняет лакуны, а подоспевшая следом память предлагает нам товар, кажущейся серым и второсортным, рядом с нарядным, кристаллически блестящим, и логически стройным конструктом вымысла.

Так за разноцветными ежами огней новогодней ёлки теряется тёмная густая и ароматная глубь, всё ещё живого, дерева. Инстинкт говорит нам, что, в этой еловой глубине, прячется тактильная глухая одинокая тайна, однако опыт подсказывает, что нырни мы в эту глубь и найдём только коричнево-серый, смолистый, шершавый, и сравнительно унылый ствол. Так же и музыка человеческой жизни состоит именно в ритме сменяющих друг друга подобий единственного важного, давнего впечатления, и в мелодии мерцающих вымыслов, связывающих между собой эти подобия. Очень похожим образом новогодние гирлянды, связывают между собой совершенно отдельные, независимые ветви дерева.

ПРОЗА

И тем не менее мне всегда хотелось стать крошечным и смелым, добраться по ветвям к самому стволу, повернуться к нему спиной, и хоть однажды взглянуть на новогоднюю ёлку изнутри.

Как только кто-нибудь произносит шуршащее конфетной обёрткой слово «детство», в моей голове возникает арочное окно сталинского дома за плотными тяжелыми кустами сирени, августовский тёплый ветер, и густой, глубокий зелёный аквариумный свет в этом окне. Я не помню, почему свет этот имел такой, практически изумрудный оттенок. Может быть виной тому какой-то особенный абажур, или модные тогда тонированные чешские тюли. Я помню только, что внутренность комнаты через окно разглядеть было невозможно. Может быть, мешали зелёные шторы.

За окном находилась мастерская моего отца, и вход мне туда был запрещён. Отец занимался каким-то художеством. О своей работе он никогда не рассказывал, однако, зашедшие в гости, шумные подвыпившие люди часто говорили что-нибудь, наподобие: «Андрей, тебе как художнику...» или «Андрюша, с твоими творческими потенциями и живописными навыками...». И ещё отец потрясающе быстро, удивительно аккуратно и крайне выразительно рисовал. Рисовал он специально для меня, тратя непременно два часа в день на моё «развитие». Рисовал он тёмные многобашенные, похожие на переполненные карандашницы, замки, изящных, колючих рыцарей в латах, широкие, словно бы дрожащие бипланы с тончайшими лонжеронами, гигантские, нарочито механические, орудия времён первой мировой, стрелявшие, через крепостную стену, стремительных польских гусар с белыми крыльями за спиной, тяжелые помпезные османские линейные корабли, жирных мамелюков в полном боевом облачении, схемы, казавшихся ему интересными, редукторов, кальмаров, каракатиц, и самого странного из моллюсков, наутилуса. Рисовал он так же корабль инженера Лося в разрезе, примерную карту германских княжеств времён тридцатилетней войны, американские доллары, герб с сигаретной пачки Мальборо, автомобиль «Корвет Техас», доспехи ацтекских воинов, абрис таинственного острова Жюля Верна. Рисунки сопровождалась занимательнейшими лекциями, в которых описание устройства корабля капитана Немо плавно перетекало в рассказ о жизни Гогена, а тот в свою очередь в какую-нибудь историю из Младшей Эдды.

Рассказы эти служили в моём тогдашнем крайне сладостном и мозабвенном существовании долгожданной и необходимой перебивкой. Я выныривал из них, как позже, в отпусках, выныривал из любимых

ПРОЗА

книг в какой-нибудь тропический яркий ландшафт. Выныривал из немислимо избыточного, графичного бумажно-карандашного пахнущего пылью, старой библиотекой и новой готовальной мира в ослепительную реальность, полную сырых кустов, пустых мокрых пляжей, и шуршащих на тёплом фиолетовом вечернем августовском ветру, уходящих в горизонт полиэтиленовых теплиц за окном. Эти рассказы стали правильной, отточенной кодой в моём жизненном распорядке, аккуратнейшей запятой с острейшим, уходящим в ничто хвостом. Позже, когда их не стало, я просто был вынужден читать, иначе реальность, во всей её ярчайшей непостоянности набивала мне ощутимую оскомину. Непрерывная жизнь меня утомляла, и я стал делить её на аккуратные ломтики, переложённые блужданием в дебрях логических конструкций и томительных иллюзий. Позже я нашёл отчётливую аналогию этой своей конструкции мира в описанном Льюисом Кэрроллом в Алисе в Зазеркалье, дискретном, квадратно-гнездовом ландшафте.

Важным вопросом для меня тогда было, хочу ли я быть похожим на своего отца? И я отвечал себе на этот вопрос однозначным: «Нет!». В чём было дело? Во-первых, отец мой странно выглядел. Он был высок и худ, фактически он имел то, что сегодня называется модельной фигурой. Лицо его так же было идеально правильно и красиво породистой осторожной красотой. Однако в этой осторожности и заключался его изъян. Имея такую внешность, отец, словно бы нарочно горбился, и двигался он неприятно, пародийно. Так двигаются комические актёры, изображающие буржуазных хлыщей в советских фильмах. Другие мужчины старались придать своей внешности и жестам мощную, часто необоснованную основательность. Даже самые жалкие шпингалеты, обладавшие востроносими кувшинными мордашками, жестикулировали и говорили так, словно были они, как минимум, победителями международной олимпиады по бодибилдингу. Говорил мой отец так же странно. Я видел, что произносившееся им в компании за столом, на охоте или на рыбалке, во много раз умнее и любопытнее обычного «общечеловеческого» трёпа, которым любили тешить себя его приятели, однако все свои истории он подавал с постыдной извиняющейся интонацией. При этом любой пошляк мог легко перебить его унылой сальной шуткой. И самым страшным было то, как реагировал на подобное мой отец. «Да... вам не интересно...» - произносил он под нос и замолкал, и мне становилось ужасно стыдно, причём даже не за него, а за всех окружающих, за себя, за весь мир. Сильней же всего меня поражало отличие манеры, с которой отец обращался ко мне от манеры его говорить с другими. Я отлично знал, что он обладает колоссальным даром убеждения и способно-

ПРОЗА

стью манипулировать слушателем, однако отчего-то в дружеских беседах он этим никогда не пользовался.

Интересно проследить, когда во мне впервые возникло желание попасть в отцовскую мастерскую. Я очень ясно помню, что это желание чётко совпало с острейшим чувством того, что основной, широкий и пронзительный мир находится где-то в стороне, и с внезапной догадкой, что есть совсем другие люди, рядом с которыми мой отец ведёт себя в полную силу, с которыми он расправляет плечи и даёт волю своим риторическим талантам.

По-моему, очень важно, что тогда я не поместил другой, подлинный мир снаружи своей детской реальности. Я не признал за него феерический мир взрослых, где летят самолёты, уходят на орбиту космические корабли, где играют с дельфинами приморские дивы и гигантские танкеры пересекают хмурый океан. Вместо этого я расположил манящую и таинственную «большую вселенную» в недостижимом пространстве отцовской мастерской, в таинственной толще, откуда проникает через арочное окно, наружу, только тягучий и загадочный зелёный свет. Во многом причина такого вывернутого взгляда на вещи была в том, что грохочущий и суровый мир взрослых не казался мне тогда чужим или непонятным. Слишком много я уже знал о нём из отцовских рассказов и личного чтения.

Нужно отметить, что тайна поселилась в моей жизни практически единомоментно. То есть, где-то в районе пяти лет в мой полуденный мир, полный выбеленных солнцем, южных городов, блистающего моря, крахмальных простыней, стеклянных кувшинов и развевающихся занавесок вдруг проникла тёмная, тёплая, мерцающая тайна. Причём вошла она гордо в сопровождение целого кортежа своих отчётливых рефренов. Этой тайне словно было мало собственного существования для того, чтобы освоить и в конечном счёте подчинить себе мою жизнь. Она породила множества своих отражений, каждое из которых быстро отвердевало, обретало плоть и вдруг начинало светиться своим зелёным огнём и жить своей самостоятельной жизнью. Тайна плодилась и заселяла мой мир, покрывая его загадочными дверцами, странными окошками и удивительными глазками из-за которых проникал свет присущего ей оттенка.

Думаю, что я рискую оказаться непонятым, и что стоит привести примеры подобных отражений, проекций отцовской мастерской, ставших реперными точками моего детства.

ПРОЗА

Однажды мы оказались в гостях в очень богатой и одновременно очень интересной семье. Такое сочетание качеств в советские времена встречалось значительно чаще, чем сегодня, но всё равно крайне редко. Мы жили безбедно. Отец мой любил ловить форель на красную икру, и каждую осень брал меня с собой в Вологодскую область на охоту. Однако дом, в который мы попали, напоминал стилем и размахом жилище волшебника из кинофильма «Обыкновенное чудо». Я был заморожен и даже в какой-то мере подавлен избытком содержащихся в этом доме волшебных редкостей. Меня потрясли огромные коллекции игрушечных автомобилей и солдатиков, выставленные в специально для этого изготовленных, шкафах с интересно организованной подсветкой. Меня заморозила настоящая немецкая железная дорога, занимавшая огромный стол в центре гостиной, я был потрясен целой стеной, состоящей из аквариумов с самыми разнообразными рыбами, однако всё это были лишь фоны, декорации для сюзерена этих мест, рефрена главной тайны.

«А здесь у нас живут саламандры» - произнесла хозяйка дома и сняла мокрую марлю с широкого и плоского деревянного ящика. Внутри оказался совершенно иной, сотканный из тончайших разноцветных веточек мир. Сочетания красок и оттенки там были настолько сложными, тонко многообразными, что само понятие цветов потеряло всякий смысл. Поросль цветного мха плавно переходила в узор самоцвета и дальше в спинку притаившейся в камнях саламандры. Весь садок был изумительно влажным, совершенно лишенным пыли миром. Хозяйка достала откуда-то пульверизатор и осторожно обрызгала всю крошечную вселенную. Я вдруг сразу очень ясно понял, что забудь она хоть раз обрызгать населяющий деревянный ящик ландшафт, и мир этот умрёт. Высохнут мхи, сморщатся мокрые шкурки удивительных ящериц, погаснет влажный рисунок на срезах самоцветов. Беззащитность квадратной вселенной саламандр была прямо пропорциональна величине спокойного ласкового подвига их хозяйки.

Главное, что роднило садок саламандр и мастерскую отца – это сразу же осознанная мною невозможность прикоснуться к покрытому влажной марлей ажурному миру. В этом ландшафте, состоящем из тончайших веточек, жабр, пальчиков и водяного конденсата человеческие руки были так же грубы и губительны, как огромный карьерный бульдозер в английском зимнем саду.

Где-то в это же время я услышал «песню Сольвейг» Грига, увидел «Натюрморт с попугаями» Гогена и, конечно же, прочитал «Алису в Зазеркалье» с иллюстрациями Геннадия Владимировича Калиновского.

ПРОЗА

Математичный, геометрически обоснованный парный мир, созданный Калиновским в поддержку двойной вселенной Кэрролла, поражал необычайно. Это издание «Алисы в Зазеркалье», на мой взгляд, самое лучшее за все времена (перевод В. Э. Орла.) я перечитывал многие сотни раз, и в результате, выучил текст практически наизусть. Мне часто снились несуществующие главы этой книги, и проснувшись, я не мог точно вспомнить сюжета. Тогда я начал учиться запоминать сны - искусство, в котором я сегодня достиг некоторого совершенства. Собственно, аналогия между зеркалом над камином у Алисы и окном мастерской моего отца, я думаю, очевидна. И катастрофа, феерическая гибель зазеркального мира в финале сказки была той причиной, по которой я ни разу не попытался, вопреки запрету, пробраться в отцовскую мастерскую. Я точно знал, что испускающий зелёное свечение мир, в котором мой отец, притворяющийся в обычной жизни неярким средним человеком, живёт в полный рост, крайне нежен и уязвим. Так же, как уязвим был мир саламандр, так же, как уязвим оказался мир зазеркалья перед пробуждением непрошеной визитёрки. Но я не был глупой девочкой, я не мог позволить себе пройти сквозь зеркало, чтобы погубить филигранно сплетённое иное. Кроме прочего я был уверен, что реальность, в которой обитаем все мы, приводится в действия механизмами, расположенными в зазеркалье отцовской мастерской, что сломайся этот механизм, и солнце остановится в небе и высушит моря и сады, крахмальные простыни изойдут креозотом, а развивающиеся занавески вспыхнут на, ставшем вдруг смертоносным, ветру.

Несмотря на запретность для меня изумрудной тайны, я остро ощущал себя её трепетным адептом. Я полагал себя одним из немногих хранителей странного знания, и мне, конечно же, был необходим артефакт, талисман, связующее звено между мной и её недостижимым содержимым. Вспоминаю, какое мощное впечатление оказал на меня рассказ «Фанданго» Александра Грина, в частности описание металлического конуса с мерцающей зелёной полосой, открывавшего проход между заледенелым голодным Петербургом и солнечным, утонувшим в цветущих апельсиновых деревьях майским Зурбаганом. Несколько дней по прочтении «Фанданго» я был рассеян и задумчив. Я понял, что мне необходимо подобие такого конуса. Не для того, чтобы шагнуть в мой аналог Зурбагана, а для того, чтобы примирить мою принадлежность к изумрудной тайне с её недостижимостью. Как раз в это время у многих моих друзей появились маленькие зелёные автобусы производства ГДР, достаточно грубые модели, не так давно появившихся на московских улицах, «Икарусов». Это были недорогие, но редкие в Советском Союзе

ПРОЗА

игрушки, покупавшиеся обычно в ГУМЕ и «Лейпциге» путём выстаивания длиннейших, мучительных очередей. Увидев такой автобус в гостях у своей подружки, взглянув раз на зелёную острую искру за его пластмассовыми бирюзовыми окошками, я сразу понял, что именно такой талисман меня полностью устраивает. Именно на таком автобусе возможно отправиться в мир за зелёным окном, в мир саламандр, в изумрудное зазеркалье, не опасаясь его повредить. Гарантией тому была хрупкость и лёгкость игрушки.

У всех зачарованных островов, потайных комнат, секретных доктрин есть внешний, доступный любому профану, интерфейс. Некая витрина. Это может быть таинственная, вечно запертая дверь, пожелтевший абрис с неразборчивыми координатами, старое фото с кем-то в пробковых шлемах на фоне курящихся кремовых болот, нераскрывающаяся шкатулка, повторяющийся странный сон, полная непонятных знаков и диковинных рисунков инкунабула, в общем некий рекламный проспект, обозначающий достоинства этой тайны, и предлагающий опробовать некоторые её возможности, если так можно выразиться, в свободном доступе.

Большой вопрос, может ли вообще тайна существовать без нашего к ней пристального внимания, без нашей мучительно сладкой тоски по её тёмной непрозрачной глубине? В ответ на пошлое утверждение о необходимости существования в каждой, способной к лактации, особи загадки, я обычно утверждаю непремennую женственную природу любой тайны, кокетливую, взбалмошную, алчную до пустышной бижутерии. Всякая тайна обязательно демонстрирует нам круглое колено или млечный маленький палец тёплой ступни из-под недвижных тяжелых, портьерных складок своих покровов. Тайна не может без нашего внимания. Без нашего к ней вожделения, без наших томительных мучений она и не тайна вовсе, а так, пустая, не обустроенная территория, не удостоившаяся ни внимания, ни любви.

Несколько раз вдумчиво и обстоятельно встретив Новый Год, я убедился в том, что новогодняя ёлка – это несомненная витрина моей тайны, а то, что принято называть «рождественской атмосферой» - вне всякого сомнения сильно профанированный намёк на колорит, стиль и способ существования в её, полной зелёного сияния, непостижимой толще. Скажем так, не имея возможности отправиться в таинственные пределы, я выбрал служить им. Службе этой потребовалась литургия и новогоднее настроение, полумрак, ароматные ветви мерцающего огнями дерева, могли стать прекрасной эстетической основой для неё. Помнит-

ПРОЗА

ся, что мне совершенно не понятно было, причём тут всякие Деда Морозы, Святые Клаусы, вертлявая девица с напудренным лицом и накладной, неестественно белой косицей, звёзды с любым количеством концов и чьи-то там дни рождения.

С наступлением зимы я всё больше времени проводил за плотной шторой, перед замёрзшим стеклом, глядя на искрящиеся в темноте сугробы, на окно отцовской мастерской на первом этаже противоположного дома за сплетением заснеженных ветвей, на сложную геометрию зелёных световых фигур на ласковых, мягких, девственных, округлых снеговых холмах.

Я продумывал детали будущих своих манипуляций с новогодней ёлкой. Детали длинной, сложнейшей игры, имитирующей мои несуществующие взаимоотношения с тайной. Актёрами спектакля, который я собирался разыграть, были несколько любимых солдатиков из моей весьма богатой коллекции. Побывав в упомянутом выше удивительном доме, я загорелся страстью к собиранию множества крошечных фетишей. Я собирал солдатиков, машинки, марки, монеты и старинные бритвенные лезвия.

Любимых солдатиков было несколько. Отчётливо помню, что главным среди них был присевший, раздвинув колени для вящей устойчивости при отдаче, пират в шляпе и сюртуке, с длинным кремниевым пистолетом. Ближайшим его приятелем и компаньоном являлся римский легионер с перекошенным от злобы лицом, застывший в напряженной агрессивной позе, зажав в одной руке короткий меч, а в другой кнут. Третьим участником конвенции являлся могучий, лысый, высокий мавр, воздевший вверх обе руки. На левой руке мавра был закреплён маленький круглый щит, а в правой зажат короткий тяжелый шестопёр. Четвёртым оказался спокойный ковбой, стоящий в симметричной позе, держа открытые ладони над двумя висящими на поясе револьверами. Эта неразлучная инфернальная четвёрка, мощно резонировавшая не только с мушкетёрами и неуловимыми мстителями, но и с четырьмя жуликами из зелёного ящика, несущегося скачками по пыльной дороге, была звёздной труппой театра моих детских игр. Среди остальных актёров наблюдалась некоторая текучка.

Героям задуманной мною мистерии предстояло встретиться в заснеженном штабе у подножья новогодней ёлки. Мои родители маскировали стеклянную трехлитровую банку, куда ставили ёлку, большим количеством ваты, которая водилась у нас в квартире в нездоровом изобилии, появляясь из какого-то бесплатного источника. Явления и вещи в

ПРОЗА

СССР вообще делились на бесплатные и жутко дорогие. Всё, что находилось в средней ценовой нише, не заслуживало гордых имен «вещей» и «явлений». Так вот, штаб представлял собой ватную пещерку, освещённую изнутри одной, непременно зелёной, лампочкой ёлочной гирлянды. В штабе герои должны были заключить союз и составить план покорения новогодней ёлки с целью проникновения в Тайну. Используя прочный, пластиковый упругий советский «дождик» в качестве альпинистского снаряжения, им следовало достичь «Города Просвещённых», то есть среднего яруса ёлки, где висели самые красивые игрушки из импортных наборов. Там четвёрке предстояло отыскать «Заснеженную Библиотеку» (удивительно изящный и трогательный стеклянный домик чехословацкого производства), в которой хранился «Изумрудный Палимпсест», древняя книга знаний, содержащая, в том числе, инструкцию по вызову Зелёного Автобуса. Чтобы прочесть книгу, написанную на древнем языке исчезнувшей цивилизации, создавшей некогда систему ёлочных гирлянд и соединившую с неведомой целью ветви мохнатыми цепями мишуры, моим героям надлежало отыскать «Умного Зверя» (ещё одна потрясающая, тончайшей проработки игрушка, на этот раз немецкая, изображавшая рыжего добродушного медведя, обнявшего берёзовый ствол). Наконец, расшифровав древний текст, и узнав от Умного Зверя правду о печальной, полной тягучей красивой тоски, светлой обречённости современного мира (так или иначе, новогодней ёлке вскорости предстояло покинуть мою комнату), мои герои должны были, оставив брэнную современность, отбыть в бутылочно-зелёную вечную глубь Тайны на зелёном же «Икарусе». Автобус можно было вызвать только при помощи двух странных серебристых, напоминающих фантастические антенны, шаров, висящих на самой вершине ёлки, и на этом финальном пути бесстрашной, взыскующей вечности четвёрке предстояло встретиться с достаточно бестолковой, но тем не менее злокозненной бандой злодеев, не совсем осознающей свою мотивацию, и, возможно, именно вследствие этого, вялой и трусоватой.

Уже в середине декабря план был составлен самым тщательным образом и множество раз переобсуждён и перепроверен наедине с собой и с ближайшим доверенным другом. Единственное, что внушало тревогу – это отсутствие у меня зелёного автобуса. По понятным причинам очень важно было разыграть мистерию именно в новогоднюю ночь. Можно конечно было позаимствовать игрушку у кого-нибудь из друзей, например у того же доверенного друга, однако принадлежность талисмана лично мне было вопросом принципиальным. Ещё одним, даже наверное более важным вопросом было получение зелёного автобуса

ПРОЗА

мною в качестве новогоднего подарка именно от моего отца. Аватар Тайны, полученный из рук кого-нибудь кроме единственного, научно доказанного этой тайны обитателя, представлялся мне дешевым суррогатом, наподобие плоских красных и зелёных солдатиков, свободно продававшихся в любом «Детском Мире» и совершенно не пригодных для серьёзной, глубокой игры.

Раз в неделю я непременно повторял отцу, что мне острейшим образом необходим на Новый Год маленький зелёный автобус производства ГДР. Я придумал какую-то мутную, но убедительную теорию о том, почему автобус должен вручить мне именно он, причём из рук в руки. Чтобы он что-нибудь не напутал я взял у кого-то из приятелей коробку от игрушки и отдал её отцу. В общем, я сделал всё от меня зависящее для того, чтобы получить необходимый элемент задуманного мною представления.

Я очень переживал. Чем ближе была новогодняя ночь, тем важнее становилось для меня задуманное, и тем сильнее я волновался, что у меня не получится. Ночами мне снились кошмары, в которых я в новогоднюю ночь засыпал, не дождавшись двенадцати, или оказывался вне дома, или меня вынуждали общаться с кем-то из гостей и я всё не мог попасть в свою комнату. Беспокойство нарастало тем ощутимее, чем ближе был долгожданный праздник, и вдруг однажды я проснулся утром первого января. И всё.

Не то, чтобы я не помнил вчерашнего вечера, нет, где-то в памяти моей содержались соответствующие «файлы», просто разочарование, непонятого происхождения, обида и даже стеснительная брезгливость, та самая, которая возникала у меня, когда я слышал извиняющиеся несмелые интонации в речи своего отца, мешали мне открыть нужные ячейки своей памяти и просмотреть отчёты о произошедших событиях. Единственной очевидностью, о которой я не мог просто забыть, которую не мог вытеснить на границу сознания, была очевидность отсутствия среди сложенных на бельевике, полученных мною на прошедший праздник подарков, какого-нибудь подарка от отца. Ещё раз повторю последнюю мысль. В живописной кучке книг, игрушек, наборов с конфетами и сувениров не было не то что зелёного автобуса, а вообще не было никакого предмета, который был бы связан в моей памяти с отцом. Обсудить со своим отцом этот вопрос в откровенной беседе, я, как вы, наверное, понимаете, не мог. Это было выше моих, а насколько я знал своего отца, и его тоже, сил.

ПРОЗА

Я был оглушен и растерян. С одной стороны игра, в которую я играл с собой до этого дня, была полностью и однозначно проиграна. Тайна отвергла мои притязания почитателя и защитника. Однако мне вдруг стало понятно, что тайна не нуждается в защите. Что у неё, у Тайны, есть возможность сокрушительного плавного и неумолимого жеста, которым она всегда в последний момент приводит в соответствии всё, что имеет к ней минимальное отношение. Я понял, что для того, чтобы добиться от тайны симпатии, мне следует быть агрессивнее и смелей, что помимо почтения и восторга мне необходимо проявить скрупулезность и настойчивость. Тогда я осознал, что подготовительный этап моей биографии окончен. В то новогоднее утро я сделался тем собой, которого я знаю по сей день.

Этот и несколько последующих зимних дней запомнились мне ещё и странным состоянием моей психики. Во-первых, в моих ушах поселилась искажающая звуки виртуальная вата наподобие той, что возникает в ушах пассажира при наборе самолётом высоты. По мере моего привыкания к новому себе эта вата становилась всё незаметнее, пока вовсе не исчезла. Во-вторых, меня вдруг охватило необъяснимое любопытство к давно знакомым предметам. Те вещи, которые раньше составляли монолитный континуум моего детского мирка, вдруг обрели суперпозицию. Мир словно перестал быть цельным объектом. Все явления и предметы, например покрытый цветной скатертью стол в гостиной, бубнящий говорок радиоточки на кухне, скрип снега под ногами на пути в магазин, кисловатый запах вчерашнего родительского застолья и существующий на грани слышимости, ирреальный шип советского телевизора приобрели вдруг неожиданный объём, странную неуютную шероховатость, свойственную осенним приморским скалам, и печальную, одинокую отдельность. До этого момента моему эго противопоставлялся достаточно ласковый, большой и уютный мир, теперь же я остался в одиночестве, а мир распался на множество задумчивых холодных объектов.

И ещё меня преследовало ощущение длинного, не проходящего дежавю. Я узнавал едва ли не каждое, происходившее в те дни со мной, событие и приветствовал его немного испуганной, но приветливой улыбкой. Эта блуждающая улыбка не сходила с моего лица почти неделю, и в какой-то момент я заметил, что родители ко мне присматриваются. Описанные ощущения породили во мне определённый сорт бесстрашия. Такое бесстрашие нельзя поставить человеку в заслугу. Это бесстрашие персонажа, который твёрдо знает, что именно с ним случится в следующую минуту. Тогда я не знал, что буду впадать в подобное состо-

ПРОЗА

вание всю свою дальнейшую жизнь при любом, более-менее серьёзном стрессе. Все эти ощущения постепенно слабели, пока не рассеялись во все, и тут-то произошло ещё одно, во много раз более важное и печальное событие.

Как я уже говорил, мне тогда нравилось смотреть, накрывшись занавеской на освещённое окно отцовской мастерской. И вот, однажды вечером, приблизительно в то время, когда отец должен был открыть тяжелую, заледенелую подъездную дверь, и, сутулясь от холода побежать через улицу домой, я по обыкновению выглянул в окно. Шел крупный, но быстрый, искристый в столбе фонарного света снег. Под окном мастерской стояло «желтое» такси с зелёным огоньком. Мой отец вышел на улицу, и, к моему удивлению, в руке у него обнаружился небольшой кожаный чемодан. Страшная догадка проглотила мой мозг. И всё, о чём я догадался, через секунду сбылось наяву. Отец не пошел домой. Он сел в такси, и оно укатило, оставив на запорошенной свежим снегом дороге, отчётливый изогнутый след. Помнится, что я тогда забрался с ногами на кровать и долго боролся с подступившими к горлу слезами. Вата в ушах, отстранённая независимость каждой вещи, и пугающее дежавю вернулись ко мне. Нужно ли говорить, что в тот день отец к ужину не пришел. Не пришел он и на следующий день, и вообще никогда больше он домой не вернулся. Я не стал никого расспрашивать о причинах этого события. Просто потому, что вокруг не было людей, способных ответить на мой вопрос честно.

С той зимы прошло двадцать лет. Прожил я их с удивительной, какой-то пухово-шелковой лёгкостью. Достаток нашего дома с исчезновением отца не уменьшился. Как я узнал позже, отец регулярно посылал матери крупные суммы. Мы легко переплыли кишащее акулами и айсбергами голодное суровое море перестройки. Я, как и следовало ожидать, вскорости увлёкся живописью и начал писать стихи. В художественную школу меня не взяли, объяснив это тем, что я не чувствую цвета и кроме того во мне нет подлинной «творческой струнки». Через много лет я понял о чём шла речь. Мои чрезмерно декоративные, очень подробные и аккуратные рисунки никак не подходили под расхожее представление о художественном того времени. Позже я познакомился со многими выпускниками этой школы. Все они злоупотребляли сажей, искажали перспективу и гипертрофировали отдельные элементы пейзажей и части тел своих персонажей. Поскольку лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, скажу, что их работы напоминали детские иллюстрации художника Евгений Григорьевич Мони́на. Монин очень инте-

ПРОЗА

ресный художник, но я до сих пор не могу понять, зачем нужно было создавать столько его клонов. Я поступил в куда как менее престижное заведение, где меня обучал рисовать художник по имени Иосиф Львович. Фамилию свою он от учеников скрывал, а я к своему стыду, так её и не выяснил.

Учась в не относящемся к делу вузе, я обратил внимание на лазерную технологию создания объёмных изображений в толще стекла. Мой доверенный друг, звали его, кстати, Димой, тот самый с которым мы когда-то обсуждали подробности либретто ёлочной литургии, увлекался радиоэлектроникой и вообще актуальной технологией. Собравшись силами и деньгами, мы нашли возможность добраться до установки, предназначенной для создания лазерной графики. Установка принадлежала умирающему институту, и нам, за сравнительно небольшие деньги удалось её вывезти и установить в подвале на окраине города. Дима смог сильно усовершенствовать аппарат, и мы занялись изготовлением сложнейших, крайне детализированных композиций в толще стеклянных шаров. Работы наши изобилием деталей и сюрреалистичностью сюжета напоминали картины Ерки или Кристенсена, однако мы избегали присутствия этим художникам мягкой округлости линии, да и вообще старались держаться подальше от любой живописной манеры. Для наших сюрреалистических композиций был характерен механистичный, практически инженерный рисунок. Как вы понимаете, шары наши тут же нашли покупателя. Сильно выложившись финансово, мы устроили себе выставку в одной именитой московской галерее. Выставка называлась «Коллекция Шаров и Материалов» и посвящалась памяти Аполлона Безобразова, героя сильно волновавшего меня тогда романа Бориса Поплавского.

Нужно ли говорить, что выставку нашу ругали словами, от которых скисало молоко на обшарпанных перестроечных кухнях. Однако количество клиентов у нас сразу возросло настолько, что мы перестали справляться с потоком заказов. Надо сказать, что я ни на йоту не чувствовал родства со средой актуальных художников. Мне казалось тогда, да если честно, и теперь так кажется, что за своим пафосом художественного поиска, за вечной крикливой ироничностью и бесконечным агрессивным натянутым теоретизированием актуальные художники скрывают стремление превратить в предмет гордости свою главную беду - отсутствие глубокого, удобного, логично расположенного в толще культуры русла для полноводного мощного и спокойного протекания творческой работы. Поднять беду на флаг – несомненно смелое и ярост-

ПРОЗА

ное решение, однако мне всегда казалось что проще и вернее постараться беды не допустить. Кроме того, мне думается, что в большинстве своём (не хочу огульно охаивать всех) актуальщики мучительно выискивают, что бы ещё им сказать в искусстве. У нас же этой проблемы не стояло. Мы спокойно, последовательно и неспешно рассуждали всё о той же единственной Тайне, на очень, как нам казалось, понятном языке.

Производя совершенно ненужные в быту, но банально красивые и очень трудоёмкие предметы мы отлично понимали, что им не попасть в музеи. Нашими клиентами были директора предприятий, чиновники, юристы, администраторы от науки, все те, кому периодически необходим уникальный, не суггестивный и по возможности запредельно дорогой подарок.

Этим художественным промыслом мы занимались вплоть до 98-го года, когда дефолт унёс две трети наших накоплений и оставил нас практически без клиентов. Имея в запасе денег ещё на год сравнительно безбедной жизни, я бездельничал, бродил по Москве, и, конечно же, посещал массу художественных галерей. Так я и попал на выставку своей будущей жены, Анжелы. Для работ Анжелы была характерна совершенно академическая простота композиции и полное отсутствие внимания к модным для фотографов того времени приёмам и темам. Её сюжеты не шкрябали рашпилем по нервам и не вызывали похожего на кол в горле твёрдого восхищения красотой мира, они напоминали простую, очень ясную и хорошо ритмованную фразу. Однако в этой фразе всегда содержались две нотки: глубокое сладкое поглощающее тепло и затаённый ужас перед простой неотменимостью существования каждого возникающего на пути предмета. В них было то, что заставляет нас бродить по недавно покинутым, отданным под снос старым домам и рассматривать старые репортажные фото. В них было обаяние живой, на глазах совершающейся легенды.

Я узнал телефон Анжелы, и, не откладывая, позвонил ей. Мы встретились за рюмкой абсента (как вы понимаете, этот напиток не мог меня не привлечь, как своим цветом, так и причудливым характером наступающего от него опьянения) и тут же выдумали совместный проект. В тот момент я как раз активно изучал программу Macromedia Flash. Мы решили построить игрушку, онлайн-квест на основе серии фотографий, сделанных Анжелой в районе станции «Тайнинская» Ярославской железной дороги. По сюжету игры молодой IT-интеллигент, читая вслух и подряд вопросы к скандофорду на манер верлибра, случайно произносит заговор, вызывающий двух демонов посёлка Тайника,

ПРОЗА

которых, как и следовало ожидать, зовут Нинка и Тая. Телефон героя звонит, и странный женский голос просит его отыскать, пропавшую в Тайнинке, 4-х летнюю девочку по-имени Зоя. Несмотря на то, что главный герой не помнит ни одной знакомой ему девочки Зои, он отправляется в Тайнинку и включается в поиски. По прибытию героя в посёлок мы понимаем, что он либо находится в состоянии сильного наркотического опьянения либо у него шизофрения. Вокруг героя происходят странные события, то здесь, то там мелькают причудливые существа. Приглушенные, непонятно кому принадлежащие голоса произносят многозначительные фразы. На стенах обнаруживаются загадочные граффити, преобразующиеся при правильном к ним прикосновении. Где-то посреди сюжета герой набредает на жилище Таи и Нинки: воронье гнездо, обставленное, как уютная девичья комната.

Постепенно выясняется, что Тая и Нинка, охотятся на людей, набирая армию духов для защиты своей территории от начавшейся на ней, застройки. Демоны представляют собой двух крошечных, ростом с палец женщин, и обладают способностью превращаться в насекомых. Нинка в стрекозу, а Тая в богомола. Чем заканчивается квест, я не скажу. Вдруг вам ещё предстоит в него сыграть.

Фонами для игровых экранов нам послужили фотографии Ангелы. Фантастических существ нарисовал я. Главного героя и Таю с Нинкой в их человеческой ипостаси сыграли живые актёры.

Игрушка имела успех, а через какое-то время к нам обратился человек с просьбой создать что-нибудь подобное о другом маленьком городке. Вскоре нам стало ясно, что такого рода, привязанные к месту и времени легенды – весьма ходовой товар. Мы полностью забросили, к тому моменту сильно упавшие в цене, стеклянные шары и переключились на новый, жутко увлекательный бизнес. Мы не халтурили. Каждое место, которое нам предстояло мифологизировать, мы изучали со всей возможной пристальностью. Обследовали все закоулки, копались в архивах, наблюдали людей, и только после этого принимались за работу. В итоге совсем не обязательно получалась компьютерная игра. Итогом нашей работы мог оказаться видеофильм, книга или фото-отчёт. Раскрутку продукта мы на себя не брали. Мы изготавливали то, что задумывали, после чего довольные собой и клиентом удалялись. Мы не совершали ни единого движения, дабы увеличить свою популярность. Каждый заказ поглощал массу времени и труда, и к нам вскоре образовалась небольшая, но всё же, очередь. Видимо мы приобрели некоторую

ПРОЗА

славу. И вот, однажды, слава наша перешагнула границы постсоветской территории.

Да, ещё один момент. К тому времени в нашей команде плотно прижился четвёртый человек. Количество обременительных для нас, в сущности затворников, коммуникаций и объём дурного документооборота вырос настолько, что стал ощутимо мешать работе. Нам был остро необходим профессиональный администратор с мощными коммуникативными способностями. Искать кого-то через интернет или через агентство мы и помыслить боялись. Но нам повезло, и нужный человек нашёлся сам. До этого он работал в крупном консалтинговом агентстве и занимался экономическими проблемами малых городов. Мы столкнулись с ним в ходе выполнения одного из заказов, очень друг другу понравились, и он, пожаловавшись на муравьиную скуку своей, раблезианских размеров, конторы, попросился к нам в компаньоны. Мы с радостью его приняли, и ни разу после об этом не пожалели. Звали нашего нового товарища Тимур. Главным отличительным качеством Тимура была поразительная социальная проницательность. Разумеется, давая нам заказ, клиенты не объясняли нам, зачем им вдруг понадобилась такого рода легенда. Они принимали нас за странных чудиков-идеалистов, и в целом были в этом правы. Такая ситуация обидным образом снижала нашу эффективность. Тимур же, через пару дней работы над проектом, выдавал нам сравнительно подробную схему политэкономических рычагов социального механизма, в котором мы оказались. Кроме того, его великолепно поставленная манера говорить и удивительный дар убеждения были незаменимы при защите проекта. Для нас последнее было особенно актуально, так как мы никогда не разрабатывали двух параллельных версий продукта, просто из соображения концентрации ресурсов. Выглядел Тимур феерически. Это был двухметрового роста очень худой и жилистый татарин с крупными, но правильными чертами лица. Носил он широкополую шляпу с крошечными серебряными бубенчиками по краям, малиновое долгополое, нараспашку пальто, напоминавшее камзол, остроносые ковбойские сапоги со шпорами и с аппликацией, кожаный узорный жилет и брегет на цепочке. В довершение всего великолепия, кончик тонкой мусульманской его бородки был продет в имитирующий изумруд, страз. Объяснить, каким образом ему в таком виде удавалось занимать высокую должность в крупной компании, можно было только его нечеловеческой харизмой и редкой способностью к манипуляциям.

ПРОЗА

Глядя на Тимура, мы дружно решили, что для вящей убедительности корпоративного имиджа нам стоит немного переодеться. В результате Анжела, по происхождению полька, купила себе полушубок из красной кожи с вышивкой и лисьим воротником, и в тон ему невысокие сапожки с меховыми отворотами. Дима, будучи небольшого роста, имея ассиметричный череп, выраженные залысины и страдая близорукостью, выбрал имидж ортодоксального «Доктора Зло». Он приобрёл чёрное, драповое, напоминающее френч короткое пальто с вычурными пуговицами и странной, мерцающей зелёным брошью на воротнике, футуристический жилет с многочисленными карманами, чёрную атласную рубашку и очки с полукруглыми очень сильными линзами. Я ограничился имиджем стимпанковского инженера. То бишь, тёртой угловатой курткой из грубой кожи, лётным шлемом с очками-консервами и опушкой из мягкого меха и тяжелыми ботинками с многочисленными металлическими застёжками. В таком, на мой вкус, внушающем уважение виде, мы и появились перед обитателями маленького горного европейского городка, о котором нам, согласно коммерческому договору, предстояло поведать миру нечто удивительное.

Городок сильно напоминал зимнюю заснеженную Владилену из неповторимого квеста «Сибирь», авторства Бенуа Соколя. Располагался он на склоне горы, сравнительно высоко, в защищённой от ветра, поросшей могучим хвойным лесом, каменной чаше. Единственную, центральную улицу города составляли несколько десятков причудливых домиков с островерхими крышами. Одним концом улица эта упиралась в ухоженный и явно чрезмерный для городка такой величины костёл, а другим в кованые, в стиле позднего модерна, ворота большого парка. За костёлом в синих сумерках, за безлистыми колючими переплетениями садовых кустарников угадывались склепы и стелы старого кладбища. Через высокие витражные окна костёла в низкий кладбищенский сад падали косые световые столбы, проецируя на мягкие девственные сугробы сложный цветной орнамент. В воздухе в толще разноцветных лучей плыли крупные хлопья снега. Чугунные ворота парка в дальнем конце улицы различались смутно. Они казались сизой, выполненной голубой акварелью по тёмной уставшей бумаге, декорацией, и на фоне этой декорации тоже вились крупные хлопья.

Мы вывалились из большого, оранжевого, с серой полосой по бортам, джипа около запорошенного каменного горбатого мостика, перед дверями первого по улице дома. Справа от нас светился костёл, слева в снежном мареве плыли на фоне густеющего неба, над ажурными, едва

ПРОЗА

различимыми воротами, над всем большим заснеженным горным садом, два шарообразных тёмных строения. Я поднял голову вверх. Винтом надо мной вращались в желтом фонарном свете снежинки, а за ними изгибалась вправо и на меня бирюзовая расплывчатая махина горы. По спине моей побежали сладкие, быстрые мурашки. Во всём ландшафте, в тёплой горной глухоте звукового фона, в пронзительности, отчётливости переплетения освещённых ветвей и вычурной ковки заборов и крыш на фоне расплывчатых мутных заснеженных пространств, было ощущение острейшего уюта. Такой уют воскрешает в мозгу запах одеколona «Ретро» прибалтийского производства, и вызывает в горле ощущение, похожее на чувство подступающих слёз.

Я переступил с ноги на ногу, желая запомнить всё своё состояние вместе с чувством объёма ландшафта, с мягким счастливым хомяком в районе солнечного сплетения, с крупными мурашками, бегущими между лопаток, хрупом снега под ногами и пошёл вслед за провожавшей нас девушкой внутрь ближайшего здания, оказавшегося, кстати, городской гостиницей.

Был канун рождества. Заказчик сообщил нам, что его городок обладает особым рождественским колоритом, и мы, заинтригованные, решили провести там праздник. Девушка, встретившая нас в аэропорту, осведомилась, хотим ли мы сразу быть официально представлены, или предпочли бы сохранить в начале некоторое инкогнито, влившись в скромное празднество по ходу его течения? При этом она так интригующе и намекающее улыбалась, что мы сразу же выбрали второе.

Мы оставили свои вещи в отведённых нам апартаментах на втором этаже гостиницы и пошли пройтись по городку. Надо сказать, что это я настоял на такой поспешности. Мне ужасно хотелось ещё немного прогуляться по местным, удивительным, порождающим болезненно пронзительное ощущение уюта, сумеркам. Прямо напротив гостиницы располагалось кафе, в котором, как сообщила нам проводница, через некоторое время после полуночи соберётся городская общественность. Дальше, через десяток домов, улица расширялась, образуя подобие крошечной площади. Здесь обнаружился удивительный цветочный магазин, расположенный внутри небольшого, в форме параллелепипеда освещённого изнутри, зимнего сада. В следующем доме находилось ещё одно маленькое кафе, через улицу от которого светились витрины книжной лавки.

Не спеша, мы дошли до самых чугунных ворот в конце улицы. Девушка открыла тяжелую створку и пригласила нас жестом в тёмный, в

ПРОЗА

белых барашках заснеженных древесных крон и в тёмных острых силуэтах скал, парк. Мы прошли в зернистой снежной сизой полутьме по живописной аллее мимо неработающего фонтана и нависающей угловатой скалы к огороженному невысокими перилами обрыву. Девушка указала нам рукой на два тёмных больших шарообразных строения на склоне и объяснила, что это оздоровительный центр, работающий летом, но совершенно пустой зимой. Тимур хмыкнул во тьме за моей спиной, я оглянулся назад. Я увидел резкие охристо-зелёные тени на полурасстворённых снежной темнотой лицах своих друзей, увидел пушистые разноцветные огни в просвете ветвей за дальним концом заснеженной тёмной аллеи и снова замер в секундном ощущение острого, но спокойного счастья. Девушка проводила нас до маленькой площади, где мы с ней расстались. На прощанье она порекомендовала нам ближе к часу ночи посетить заведение напротив гостиницы.

Мы совместно решили какое-то время погреться в маленьком кафе возле зимнего сада. В заведение оказалось всего четыре столика, низкие сводчатые потолки из дикого камня, цветные кованые светильники под потолком и роскошнейшей пышности ёлка. Казалось, что дерево занимает не менее трети пространства зала.

Мы сели за столик полностью скрытый за жизнерадостно мигающей елью и попросили отжечь нам по порции абсента. Абсент оказался хорошим. К щекотному предвкушению праздника внизу живота и к сладкому чувству сделанности, устойчивой, добротной стильности всего окружающего пространства, добавилась специфическая нетерпеливая абсентная бодрость. С радостью мы погрузились в бестолковую шуструю суету идей и эмоций.

Помнится, что Дима затеял нечто наподобие юмористической лекции о каком-то аспекте теории струн, которой он в тот момент интересовался. Дима обладал специфическим юмором. Он странным образом растягивал паузы и выделял непредназначенные, по рождению для выделения, слова, будто бы обнажая механизм произносимого текста, его скрытую структуру, безотносительную к жизни, технику взаимодействия значений и фоном. Постепенно, увлёкшись нашим вниманием и самим ораторским действием, Дима потерял нить своего рассуждения, и я, решив, что узнать насколько хиральные фермионы выглядят уморительнее гетеротических струн нам уже не придётся, перевёл разговор в сторону общих рассуждений о словообразовании, и, если так можно выразиться, смыслообразовании. Меня интересовала гипотеза о том, что всякая, утвердившаяся единица языка возникла благодаря пересечению

ПРОЗА

нескольких эволюционных потоков. Поэтому любую корневую основу мы можем рассматривать, как продукт произвольного количества «нитей» наследования. Так, например слово «парок», очевидным образом образованное от корня «пар», не смогло бы зафиксироваться в языке без своих фонетических соседей «порог» и «порок». И было бы как минимум непроницательно не предположить открывающееся за взаимодействием этой тройки слов дополнительное поле смыслов. Тимур в свою очередь, продолжая мои соображения, выдал три версии коммерческой подоплёки нашего нахождения в этом замечательном кафе. Все три версии были так же независимы друг от друга, как три недавно перечисленных мною слова, и так же связаны чем-то неуловимым, помимо, очевидным образом, связывающей их, доминирующей в этом месте, эстетики. В ходе разговора мы несколько раз подожгли зелёную жидкость в своих мутного толстого стекла стаканах, отчего темп нашей беседы сильно возрос. Анжела, по всей видимости, устала следить за нашей перегруженной терминами болтовнёй, накинула полушубок и пошла прогуляться. Она вернулась очень оживлённая минут через десять, неся в руках крупный желто-коричневый том. Оказалось, что она не уходила далеко, а просто перешла через дорогу, в книжную лавку и покопалась немного на полках. Причиной её радости было приобретение «Codex Seraphinianus» Луиджи Серафини в коллекционном издании. Мы ещё раз воздали огненные почести изумрудной тайне и стали рассматривать картинки в, едва ли не самой странной, книге на планете.

Именно в этот момент я почувствовал, что главное началось. Голова моя словно поплыла влево, и спокойный бесцветный голос внутри меня произнёс «не нервничай, просто обрати внимание - слишком многое совпадает». Я постарался не измениться в лице, мне не хотелось беспокоить друзей. Окинув внутренним взором себя и окружающее пространство, я приписал ощущение совпадения незаметных лично мне знаков действию абсента. Однако сосредоточиться на обсуждение книги я уже не мог, и поэтому решил пройтись. «Пойду тоже добегу до книжного, может и мне что-нибудь попадётся» - сказал я и надев куртку и шапку, скользнул на мороз. «Будем теперь в книжный по одному ходить, как в клозет?» - бросил мне в спину Дима.

Оказавшись на улице, я, разумеется, не пошёл ни в какой книжный, а решил предпринять успокоительную прогулку до костёла, тем более что оттуда теперь доносилась великолепная музыка. Играла электрическая скрипка. Видимо в костёле началась праздничная служба, проходившая не по типовой литургии. Я спустился по улице вплоть до

ПРОЗА

горбатого мостика, перешел по нему на сторону костёла и огляделся. Вниз, в темноту, к трассе уходила дорога. Отрезок дороги до перекрёстка был совершенно тёмным, зато перекрёсток освещался сразу двумя симметричными фонарями. Сверху из полутьмы был отчётливо виден заснеженный указатель с названием городка и стоящий на обочине пустой, освещённый изнутри зелёный «Икарус».

В однозначной правильности и острейшей необходимости дальнейших своих поступков я не сомневался ни секунды. Я быстро спустился к автобусу и, осторожно дёрнул ручку водительской двери. Я слышал, что в европейской глубинке водители наивны и незащитны, но не знал, что настолько. Водительская дверь распахнулась, и, поднявшись в кабину, я нашел на сиденье ключи. Ощущение нереального по масштабности совпадения и связанного с ним уникальнейшего шанса захватило меня всего и целиком. Привычное чувство возможности выбора растаяло без следа. Я повернул ключ и автобус приятно сухо заурчал. Я осторожно переключал передачу и выжимал сцепление, всем телом ощущая, как большая машина осторожно поворачивается над пропастью, выбираясь на широкую дорогу.

Я несся на послушном, ухоженном, похрустывающем на поворотах, «Икарусе» через очень объёмный и не слишком прозрачный ландшафт. Внизу и слева в тёмной пропасти плыли то похожие на соцветья болиголова заснеженные кроны, то световые озера маленьких рождественских городов. Слева от меня поворачивалась огромная безразличная гора, демонстрируя моему периферическому зрению то мертвенного голубоватого оттенка живописный хвойный лес, то безжалостный скальный откос, увенчанный белой широкой шапкой, то тёмную острую зелёную скалу с плохо различимой руиной на верхушке. Перед стеклом закручивалось широким винтом снежное крошево. Я включил негромко радиоприёмник. В радио-эфире вкрадчивый, нежный голос дикторши, длинно рассказывавший что-то на незнакомом мне языке, периодически сменялся полудетской праздничной песенкой. Вопрос о конечном этапе моего пути казался мне в тот момент нелепым и пустым. Скажи мне кто тогда, что я угнал автобус и что это уголовное преступление, я крайне бы удивился. Всё окружающее, и ландшафт за лобовым стеклом, и автобус, и гора, и зеленоватое снежное небо, и голос дикторши, всё в тот момент принадлежало исключительно мне. Моя спонтанная и совершенно свободная от рефлексии гонка через живописный горный европейский пейзаж обладала заоблачным статусом интимности. Рядом с ней

ПРОЗА

объяснение в первой любви по коэффициенту интимности могло быть приравнено к пению комических куплетов.

Я не замечал, как проходило время и не думал о том, насколько далеко я успел забраться от городка, не думал о том, что мои друзья могут волноваться. Я отчего-то был уверен, что безо всяких проблем успею завершить своё странное ночное путешествие и вернуться незамеченным. Эта уверенность напоминала моё, ставшее привычным, дежавю, однако такой незыблемой убежденности в благополучном исходе предприятия, мне не доводилось испытать не разу в жизни. Скорее всего, поездка моя продолжалась не более тридцати минут. В кармане у меня лежал мобильный телефон, и он не звонил. Странно было бы, если б моя команда не начала обо мне беспокоиться по прошествии большего количества времени. Тем не менее, по личному ощущению времени, по количеству сменившихся за окном декораций, я мчался часа полтора. Этот временной обман легко объясним. Мы русские привыкли к монотонным обширным ландшафтам, в Европе же вещи, события и люди расположены много ближе друг к другу.

Всё это время настроение моё с неспешностью ртутного столбика неотвратимо ползло вверх. Во мне разыгрывался, выдавая с каждой секундой всё более пафосные и порывистые пассажи симфонический оркестр. Кончики пальцев моих пощипывало от мощного счастья, а мысли в голове были торопливы и неподробны, как стая голубей, взлетающая с утренней, ещё сырой от росы брусчатки центральной площади. И вот, в момент, когда накал этой единственной, тонкой, но поразительно мощной эмоции стал невыносим, как бывает невыносим ток, поднесённой к языку девятивольтовой батарейки, я увидел впереди на дороге человеческую фигуру. Человек стоял, склонив голову на бок и поставив ноги на ширине плеч. Он не махал руками, не голосовал, но видно было, что если я не соберусь остановиться, он и не подумает отойти. Я резко ударил по тормозам. Как я и ожидал, заднюю ось автобуса неумолимо потянуло вправо. Несколько мучительных секунд я пытался выровнять и остановить большую, успевшую сильно разогнаться, машину. В итоге мне это удалось практически чудом. Автобус замер не более чем в двух метрах перед застывшим посреди дороги человеком, который, не щурясь от прямого, в глаза, света фар, глядел на меня через лобовое стекло. Наконец я рассмотрел его лицо. Это был мой отец.

На отце была вязаная синяя с белой полоской лыжная шапочка, брезентовая до колен куртка, линялые, некогда синие, джинсы и рыжие замшевые кроссовки. Он приветливо мне улыбался. Я открыл дверцу,

ПРОЗА

выпрыгнул на снег и пошел к нему. Отец запустил правую руку в карман куртки и протянул мне на ладони круглый поблёскивающий в свете фар предмет. Я подошел совсем близко, и разглядел вещицу на его ладони. Это был стеклянный шарик – сувенир, выполненный с невообразимой тщательностью. Внутри шарика находился горный, покрытый лесом откос, каждое крошечное дерево, каждый камень на откосе были уникальным микроскопическим произведением высочайшего мастерства. Поперёк горного склона шла запорошенная сверкающим свежим снегом дорожка, на которой стоял крошечный, светящийся изнутри пустой зелёный «Икарус» с горящими фарами. В свете фар замерли на дороге перед автобусом две человеческие фигурки. Одна в лётном шлеме с опушкой, другая в синей лыжной шапочке. На ладони протянутой руки человек в синей шапочке держал какую-то, совсем крошечную, неразличимую, но горящую искрой каплю. Отец сжал на секунду кулак и потряс шарик. Когда он снова раскрыл ладонь, весь, заключенный в стеклянную сферу, кусочек пейзажа окутал снегопад. Точно такой же снегопад был вокруг нас, плотный, медленный непрозрачный, ограничивающий поле нашего зрения радиусом метров в сто.

В моей голове, как снежинки внутри упомянутого шара взвились старые детские воспоминания, те, что я когда-то плотно вытеснил, упаковал, и убрал в дальний чулан сознания, не получив на новый год от отца вожделенной игрушки, зелёного автобуса, и в итоге не сумев провести запланированную, посвященную Тайне литургию. В голове моей мгновенно сформировалось трёхмерное, осязаемое, полное запахов и звуков пространство моей комнаты, в котором я, ребёнок, в тот самый памятный вечер, стоял подле новогодней ёлки, а мой отец протягивал мне на ладони вот этот вот стеклянный шарик с искрящимся снегопадом, крошечным зелёным автобусом, и двумя маленькими человечками внутри. Это изображение соткалось в моей голове мгновенно и тут же сделалось интерактивно, то бишь я мог свободно оказываться либо в детской своей комнате, либо на заснеженном горном шоссе перед замершим в одной и той же позе, хотя и иначе одетым отцом. Зафиксироваться в двух местах одновременно у меня возможности не было. Причём ситуация эта обладала ещё одним занятным свойством. Стоило мне согласиться, что я стою в возрасте двенадцати лет около новогодней ёлки, как картинка, в которой я находился в горах Европы, около зелёного Икаруса становилась детской мечтой, частью огромного вымысла составлявшего мою тогдашнюю мифологию, то есть, картинка меня взрослого не теряла отчётливости или же объёма, она теряло качество реальности. То же происходило и в противоположном случае. Как только я

ПРОЗА

соглашался с тем, что мне тридцать два года, и что я только что угнал автобус в чужой стране, где пробыл менее суток, другая ситуация становилась очень старым, но удивительно подробным и выпуклым воспоминанием. Чтобы как-то зафиксировать себя в этой нестабильности, я будто бы отошел в тёмную глубину, из которой обе описанные картинка становились абстрактной игрой моего подвешенного в пустоте ума. Причём ум этот так много сил тратил на удержание обоих изображений в фокусе, что на то чтобы приглядеться к свойствам ароматой пыльной тьмы, в которую я отошел, у него сил не оставалось. Однако ему достало сил на то чтобы выловить где-то, в толще нейтральной темноты ещё одну сферу, в которой существовал третий я. Этому мне было тоже тридцать два года. Он был одет так же, как мой отец в другой реальности, в синюю лыжную шапочку и брезентовую куртку. Этот я стоял на жутком морозе на автобусной остановке, мучаясь от изнурительного похмелья. В одном кармане у этого нездорового, несчастливого и неуспешного меня была фляжка московского коньяку, а в другом тот самый, подаренный в детстве отцом шарик. Этот я смотрел на часы, и понимал, что автобуса ему не дожидаться, что сейчас пробьёт двенадцать часов, и ему (мне) придётся отметить новый год, наедине со стеклянным сувениром, вспоминая умершего от алкоголизма несколько лет назад отца. В этой моей жизни не было ни Анжелы, ни умных ярких друзей, ни интереснейшей работы. В ней я скучно существовал на должности верстальщика при небольшой подмосковной типографии, много пил и рассуждал на кухне об отсутствии возможностей в обществе таких же безрадостных и бессильных приятелей.

Нужно ли объяснять, что этот третий я возникал в том случае, если в детстве, стоя около новогодней ёлки, я принимал от отца его великолепный подарок. На секунду я соскользнул в печальную третью реальность, ощутил ледяной ветер, похмельные страдания, почувствовал, как превращается в фантазию угнанный зелёный автобус в далёких горах, и тут же, как из глубоководного кошмара снова вынырнул в пыльную тьму.

Мне предстояло принять жестокое, мучительное решение. Я отлично понимал, что шарик с автобусом и снегопадом отец создал специально для меня. И сделал он его в той самой таинственной своей мастерской, несомненно, приложив огромное количество труда, и потратив много времени. Теперь я мог ощутить в полной мере глубину отцовской обиды, порождённой моим отказом от подарка. Ведь он дарил мне саму тайну, в её эссенциальном воплощении. Он просто отдавал мне то, к че-

ПРОЗА

му я так долго шел самостоятельно. И я не мог объяснить ему причину своего отказа от подарка. А отказаться от него я был попросту должен. Иначе реальностью моей стала бы заиндевевшая автобусная остановка и бутылка московского коньяка в кармане, а его ждала бы мучительная и обидная смерть. Однако остаться рядом с отцом возле зелёного Икаруса я тоже не мог. Нельзя было пустить происходящее около ёлки на само-тёк. Я должен был вернуться в детство и остаться там, сознательно отказавшись от подарка. Мне подумалось, что я правильно полагал, что бессмертие должно было как-то прилагаться к тайне, как блестящая ленточка прилагается к праздничной коробке конфет. Бессмертие и впрямь прилагалось, хотя, при ближайшем рассмотрении, оно оказывалось сродни дурной бесконечности.

«Интересно, сколько раз уже я прохожу по этому кольцу?» - подумал я, и смело шагнул в детство. В последнюю секунду пребывания в пыльной тьме (хотя какие там, в пыльной тьме могли быть секунды) я заметил, как тот я, который находился в горах, берёт у отца искрящийся шарик. «Я ушел в детство, - подумал я, - а кто остался в горах? Хорошо было бы, чтобы туда попал тот, несчастный я с автобусной остановки». Такое исход был вероятен потому, что я с автобусной остановки всегда брал у отца этот подарок.

Двенадцатилетний я стоял возле новогодней ёлки, и отец протягивал мне, вместо вожеленной игрушки, странную, удивительную вещь. Внутри неё был зелёный автобус, но он был недостижим, окружён стеклом, упакован в свой собственный полноценный и завершённый мир. Его нельзя было применить, им можно было только очень долго любоваться. Отец увидел моё лицо, и взгляд его изменился. Такой взгляд возникал у него, когда кто-нибудь за столом перебивал его сложный рассказ глупой штампованной шуткой. «Тебе не нравится... Да... Я понял... Ну ладно...» - произнёс он со своей обычной в таких случаях, мучительной для меня интонацией. Его поведение в тот момент, было похоже на поведение только что радостно шевелившейся рожками улитки, которую тронули кончиком карандаша. Он весь сжался, всё красивое и завораживающее в нём в секунду угасло. Он спрятал шарик в карман и вышел из комнаты. А я... а что мне оставалось, я прилёг на диван и заснул от отравления слишком сложными для мальчишки переживаниями и моральной усталости, на долгие годы забыв обо всём что узнал в этот вечер.

Александр ТЕНЕНБАУМ

ВОЛК В ДЕДОМОРОЗЬЕЙ ШКУРЕ

В этом году со мной случилось прям страшное: я по-настоящему начал сомневаться, что Дед Мороз существует. Наверное, это из-за того, что повзрослел, как говорит моя бабушка, пошёл в первый класс и всё такое. Дед Мороз, конечно, у меня не на самом главном месте в жизни, но всё равно, обидно, как будто обманули.

А началось всё с того, что Васька в садике ещё перед прошлым Новым Годом достал нас, что мы все дураки, верим в Деда Мороза. Уже тогда закралось сомнение, но я, несмотря на это, взял себя в руки и написал письмо, попросил у дедушки подарок, отдал письмо маме.

Ещё дело в том, что у меня есть младший брат Веня, на два года младше. Он-то до сих пор верит, и мама в этом году сказала нам опять писать письма, а я не знаю, что мне делать. Нет, письмо я напишу – Деду Морозу или родителям, подарок всё равно нужен, но в игры эти играть больше не намерен! Если его нет, так и скажите.

За день до празднования Нового Года мама с бабушкой и маминой младшей сестрой тётёй Ирой готовили у нас дома еду всякую, салаты. У тётёи Иры пока детей нет, и она нам поэтому помогала. И тут звонят в дверь, мама пошла открывать, а это Дед Мороз пришёл, в красной шубе, с белой бородой, и как заорёт на всю квартиру, что он пришёл. Веня сразу обрадовался. Его мама позвала, он же верит. Пошёл стишок рассказывать.

Папа табурет в прихожей поставил, брат на него забрался. Пришли поглядеть бабушка и тётя Ира, все улыбаются, радуются.

Веня поначалу немного испугался, но потом его мама подбодрила и он прочитал:

Ёлка вытянула ветки,
Пахнет лесом и зимой.
С ёлки свесились конфетки
И хлопушки с бахромой.

Остановился. Видимо, забыл. И мама ему помогла:

«Мы похлопали...»

ПРОЗА

Мы похлопали в ладоши, – вспомнил Веня
Встали дружно в хоровод...
Наступил такой хороший
И счастливый Новый год! – закончил гордо, прямо-таки прокричал Веня.

– Какой ты молодец, Веня! – страшно обрадовался Дед Мороз, а мне так противно стало, что он претворяется, ясно, это мужик чужой, я даже решил спрятаться в шкафу, но потом передумал. Выглядывал из-за двери. – Ты маму и папу весь год слушался? Самое главное – маму слушался?

– Слушался, – кивнул Веня. Мама ему до этого чёлку вбок зачесала, высоко подтянула шорты на рубашку, сразу видно, что да, он молодец.

– Тогда держи подарок! – Дед Мороз порылся в своём красном мешке и вытащил робота. (Веня его заказывал). Обрадовался Веня, схватил робота, а Дед Мороз его по голове погладил.

– А у нас ещё ребёнок есть, – сказала мама.

– А дедушка устал, а дедушка проголодался, – вдруг ответил Дедушка Мороз и захохотал. – А нет ли, добрая хозяйюшка, у вас что-нибудь закусить?

– Конечно, есть! Пойдёмте на кухню.

Я очень удивился.

– Санька! – вдруг услышал голос бабушки. – Ты где? Пока Дед Мороз кушает, ты порепетируй свой стишок.

Я заметался по комнате в поисках убежища, полез в шкаф и тут она меня и сцопала.

– Санька, хватит дурить. Давай читай мне стих.

– Не хочу я читать, – горячо стал объяснять ей. – И не буду на табуретке как дурак стоять!

– Это что, все дураки, значит, а ты один умный? – удивилась бабушка. – И втельмяшь себе уже в голову: нет слова «хочу» – есть слово «надо».

– Но «хочу» тоже есть! Лучше посмотрю, что там за робот. – И я бросился бежать.

Она за мной всё равно не угонится. Я выскочил из детской комнаты, добежал до кухни и тихонечко заглянул. Не давал мне покоя этот наглый Дед Мороз. Как к себе домой пришёл.

ПРОЗА

На кухне были только он и мама. Папа, видимо, пошёл покурить, тётя Ира тоже куда-то ушла.

– Орлов, ты чего припёрся? – вдруг тихим голосом спросила мама у Деда Мороза, а он сидел, развалившись, за столом и улыбался своими хитренькими глазами. – Должны были Овечкины прийти. И где снегурочка твоя ненаглядная?

– Дома осталась, зачем она здесь? Я ж к тебе пришёл, – ответил Дед Мороз, поднял бороду и быстро влил себе в рот рюмку водки. Мне аж чуть плохо не стало.

– Ты на работе достал меня уже, проходу не даёшь, – перешла на шёпот мама. – Орлов, я же сказала тебе: нет. Не понятно, что ли? Сейчас муж придёт, я ему всё расскажу.

– Ну, если ты совсем того – говори, – усмехнулся хищно как волк из сказки про красную шапочку наглый и, оказывается, такой подлый Дед Мороз. Я вот только не понял, что он у мамы просил.

– Ах, вот ты где, Санька! – схватила меня бабушка. И тётя Ира набежала. Дед Мороз вскочил из-за стола:

– А это второй, как я понимаю, ребёнок! Где табурет?

– Не хочу я с табуретом! – крикнул я и чуть не заплакал от обиды.

– Нет слова «хочу», племянничек! – засмеялась тётя Ира. Ей в её детстве, чувствую, тоже приходилось непросто.

Пришёл папа, весь прокуренный.

– Быстро на табурет, – скомандовал он.

– Ладно, второй ребёнок, читай, как ты хочешь, – разрешил Дед Мороз, лицо у него стало красное, потное, в отличие от белой бороды, которая ему явно мешала.

– На самом деле я первый, а не Веня! – ответил я и быстро без выражения прочитал:

В лесу родилась елочка,
В лесу она росла.
Зимой и летом стройная,
Зеленая была.

И остановился – хватит ему и этого.

– Ну, дальше читай, – сказал Дед Мороз, он всё ещё так противно улыбался и на маму поглядывал. – Тебя Пашей зовут?

– Пашей. Не буду дальше читать, – зло ответил я ему. – Потому что «хочу» – тоже слово. НЕ ХОЧУ.

И я демонстративно ушёл к себе в комнату.

ПРОЗА

– А подарок? – крикнул Дед Мороз.

– Не надо мне ваших подарков! – грубо ответил. И хлопнул дверью.

Я залез в шкаф. И там сидел долго и скучно. Потом стало жарко среди шуб.

«Нет, если Дед Мороз и существует, то он живёт в Лапландии, – убеждал я себя. – А этот дядька с маминой работы. Он подменил Овечкиных. Может, не надо так расстраиваться. Я хочу верить, что добрый Дед Мороз существует. И даже если он в новогоднюю ночь и не долетает до всех детей на своих санях с оленем, но я знаю, что он просто есть и всё. А Васька этот – на самом деле всех нас обидеть хотел. Он плохой. Потом из таких Васек вот такие деды морозы с маминой работы вырастают!»

И дальше я вдруг услышал страшный шум, крики, что-то упало...

Быстро вылез из шкафа, выбежал из комнаты. Входная дверь была открыта настежь, испуганные бабушка и тётя Ира глядели в подъезд. А из подъезда доносились громкие голоса папы и мамы. Они ругались.

Но скоро они вернулись, и я заметил, папа держал в руках белую бороду Деда Мороза. Он был весь злой, красный, а мама гладила его по спине, успокаивала. Они пошли на кухню, он кинул в угол прихожей эту бороду. Я сразу её взял: она оказалась действительно ненастоящей...

– Пойдём, Иринка, пусть поговорят, – сказала бабушка. – И ты, Санька, иди, поиграй. Не мешай им. – Бабушка с тётей ушли, я остался.

Осторожно заглянул на кухню.

– Нет, а что он на тебя так смотрел? – негодуяше говорил папа, теперь уже он сидел за столом. А мама стояла рядом.

– Он мне проходу на работе не даёт, вот сюда припёрся. Я его не вызывала, – объясняла мама. – Должны были Овечкины прийти. Но ты его, конечно... – затряслась она от смеха. – Сам меньше его, в очках, но, оказывается, какой сильный. Как он от тебя побежал!

– Нет, а что я должен стоять и смотреть, как он на тебя пялится? – все ещё не мог успокоиться папа.

– Ты у меня молодец! – с любовью сказала мама. – Показал характер. Покушай, покушай. Выпей рюмочку. – И поцеловала его в лысину.

КАК БЫ МАТЬ

Добрая женщина Галина Ивановна, пенсионерка со стажем, сначала подкармливала бездомных кошек во дворе своего дома, потом за домом и – дальше, куда ещё не ступала нога небезразличного человека.

И вот однажды она пришла и в наш детский сад «Соловушка», договорилась с такими же добрыми отзывчивыми женскими сердцами – нянечками и воспитательницами – и они стали почти каждый божий день отдавать ей отходы, которые остаются от детей. Надо сказать, что они не всё, конечно, отдавали, эти отзывчивые женщины. Большую часть они тащили себе домой, в семьи. Там их ждали собственные дети, полуголодные безработные мужья, а где-то и даже сытые и довольные любовники.

И Галина Ивановна, с хлопотливыми ежесекундными наклонами лица в простом деревенском платочке, с глубоким чувством верующего, рассказывала мне о том, что она, оказываясь, в лесу нашла ещё бездомную собачью мать (рыжую, ободранную с боков)...

– А у ней живая кучка таких миленьких собачат! – улыбается Галина. – Они под неё прыгают-ныряют, цопают за длинные соски, а в них не так уж много и молока – и, не насосавшись, выскакивают наружу, бегают вокруг, визжат. Вот я и подкармливаю, как могу. – Ах, в глазах Галины Ивановны сразу зацветает нежная синь. Она там стоит, мокнет, и женщина в такой святой момент даже и не смигнёт.

– А вы не боитесь, что они вас как-нибудь возьмут и покусают? – спрашиваю я, выждав этот момент.

– Нет, нет, Татьянушка, милая, они ж, как меня видят, издалека уже бегут-встречают, и ластятся, визжат, а накормишь – как урчат! Поинтересней котов. Руки лижут.

– А собакам ничего, что руки кошками пахнут? Собаки – они-то ведь их чувствуют.

– Не знаю. Вот ты логически рассуждаешь, а я для них как бы мать.

И всё бы ладно в этой душещипательной истории, но появилось-таки, одно «но». А именно: вчера после ужина, когда мы, няньки, фасовали домой еду (что-то получше – домой, похуже – в мусорку и Галине Ивановне), к нам заявила сама шеф-повар, Альбина Витальевна, и обозвала нас такими словами! Ух.

– Признавайтесь, почему в мусорку кидать мало стали, паршивки вы этакие?! – орала она на весь сад. – Неужели сами столько жрёте? А

ПРОЗА

мне чем свиней моих в деревне кормить? Дайте-то, дайте хоть хлеб сюда!.. – И она грубыми толстыми цепкими ручонками стала выхватывать из наших добрых щедрых рук пакеты с несъеденным детским хлебом...

ЗАВТРАК У ЛЕНИНА

Вороны качались на ветках, одну всё-таки смело отчаянным ветром, и она унеслась в поганую гадь, две другие (а это были отец и сын), сжимали лапками спасительное дерево. Отец хмурил шерстяные брови, каждая, которая была по сугробу, сын вздрагивал от страха – он ещё не готов был умирать. Декабрь просерался снежной бурей.

– Поживёшь с моё, сам здохнуть захочешь, – мудро изрёк ворон-старший.

– А чего такого ты видел, бать? – быстрее отца качающийся из-за того, что меньше весил, спросил его сын-ворон, чтобы отвлечься разговором от переполнявшего душу и кишечник страха. – Революцию видел?

– Ведь я, сынка, родился ещё до революции, в одна тысяча девятьсот надцатый год! – с гордостью шевельнул бровями-сугробами старик.

– В одна тысяча девятьсот надцатый год! – повторил с восхищением сынка и чуть разжал лапки, ветер его сразу потряхнул. – Ой!

– Бухарина видел, – выдал отец-ворон и поглядел на реакцию сына. Тот не понимал. Тогда он взял с другого боку. – Как-то даже завтракал у Ленина! Ленина знаешь? Ну. Великий вождь. Жена его, тоже известная в прошлом женщина, Надежда Константиновна, в то утро яичницы с салом ему нажарила. А я залетел прямо в окно, услышав дико вкусный запах. Она попыталась меня выгнать, со словами «Птица – в окно: к покойнику», кричала «Кышь, кышь, глупая птица», на что Ленин изрёк: «Ничего ты не понимаешь, Надька. Ворон – самая мудрая птица, поумней тебя!». А после фразы «Поди прочь, достала уже!» – вообще дал ей увесистого леща, подставил мне руки, а я сел ему на них.

– Ничего себе! – каркнул ворон-сын. Он был потрясён.

– Ленин меня погладил, а я чуть даже не заснул – так хорошо стало, – продолжал старик. – Он, мне кажется, экстрасенс был. Смотрит на меня своими сумасшедшими глазами, а оттуда как бы синий электрический заряд идёт. «Ворон, – говорит, – птица одним крылом в нашем мире обитает, а другим в мире мёртвых».

– Так и сказал? – снова не выдержал сынка, ветер дал ему снежную оплеуху, он едва удержался на ветке.

ПРОЗА

– А Надька высунулась из-за двери и издевательски так ему: «Ты ж в религию не веришь, старый дурак!». А он схватил с ноги тапок и в неё: «Я сам – религия! Сам. Керенскому так и передай». Тапок, между прочим, Надежде Константиновне по лбу попал, я сам видел, я – свидетель.

– Жуть. Какой, оказывается ты древний, папк, – удивился сын. – А маме тогда сколько лет?

– Она молодая была, когда я её взял. Красивая. Лет на пятьдесят моложе. С Керенским Надька-то ещё с молодых лет спуталась, у них с Лениным был любовный треугольник. Вместе они одно время жили, а потом вместе делали революцию. И до конца своих дней Ленин что-то всё доказывал оппоненту, что он чем-то там лучше, писал письма, а тот не верил и ему отвечал: «Какие к херам собачим ваши материализмы с эмпириокритицизмами, если эсеров постреляли?». На самом деле старпёры всё делили Надьку. А Надька с молодости красивая больно уж была. И в глазах – чертяки скачут.

– И кого она выбрала в итоге? – наивно спросил сына. Отец даже рассердился:

– Вот весь ты в мать пошёл! – каркнул он. – Историю почитай. Сбылась древняя примета: я залетел в окно «к покойнику». А Надька, хоть и больше не встречалась с Керенским, унесла в могилу секрет волшебной яичницы с салом...

– Ничего не понимаю, о чём ты, батя!

– Говорю же: весь в мать, – нахмурился отец-ворон и полузакрывл очи. – Та тоже всю жизнь ничего не понимала. И что теперь? Улетела.

– Как улетела? – завертел головой сын. Она только что сидела с ними третьей.

– Ты что, не заметил, как её ветром снесло? Минут десять назад.

– Мама, мама, ты где? Мама! – застенало дитя.

– Не суетись, сынок, – мягче ответил отец. – Лучше поспи. Она уже не вернётся. Стихия – она такая.

И две уцелевшие птицы, крепко цепляясь за ветку как за жизнь, засыпали, покачиваясь из стороны в сторону. А сын всё думал, оплакивая мысленно мать, что батя-то, хоть и молодец, но всё он, конечно, набрехал с Лениным – просто так от скуки. Ведь ничего не меняется для них, ворон, от века в век. Не то, что у людей.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Екатерина БОЯРСКИХ

С замечательным поэтом Екатериной Боярских я познакомился в ЖЖ. Живой журнал в 2008 году был очень популярен, и я читал стихи современных поэтов именно там. Потом был приезд на Байкальский фестиваль поэзии. Чудный Иркутск. Общение. Природа. Сибирь. После этого была только переписка. Перед вами вопросы, на которые Екатерина Боярских ответила по почте. Прошу.

Сергей Сумин

– Приветствую, Екатерина! Мой первый вопрос: как это все началось? Поэзия, творчество? Был ли у тебя момент осознания себя поэтом?

– Думаю, момент осознания так и не наступил. Я фиксирую своё мышление. Иногда оно ритмически организовано, иногда зарифмовано, но мне не хочется утверждать, что я поэт, не хочется произносить это ни вслух, ни про себя. Это слово сужает мне перспективу, обязывает. Я «lonely human being», существо, наделённое способностью любить и говорить (и я устроена так, что это одна и та же способность). Момент начала тоже не вспоминается в подробностях – где, когда и как. Мне точно было уже за двадцать, остальное память не сохранила. Но я отчётливо помню одну свою мысль. Я всегда любила читать – даже больше, чем любила, книги заменяли мне кислород, а стихи текли в жилах вместо крови. И я думала о том, как вообще возможна благодарность – это же что-то фиктивное, слова благодарности – они ведь ничего не значат! Если сто раз повторить «сахар», сладости не почувствуешь, так и с благодарностью: если сто раз повторить «я благодарна» – ничего не возникнет. Мне хотелось, чтобы благодарность была более настоящей. И менее бессмысленной. Так вот – наверное, это и есть тот момент, о котором Вы спрашиваете – я вдруг поняла, как могла бы выглядеть моя благодарность. Стать такой же, как они – те, кто производил для меня кислород и строил миры, в которых я росла и менялась. Мне показалось, что правильно – бросить им вызов, то есть не им, конечно, – себе. Взойти на ту же высоту. Стать достойной, даже не становясь равной, но хотя бы желая этого так сильно. Мнимая благодарность предполагала, что я вечно буду сидеть, как ребёнок, у их великих подножий и ныть: «Да кто я такая, чтобы что-то писать после того, как они уже всё сказали, и луч-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

ше-то не скажешь, как ни старайся...» Вот этот отказ выбирать молчание из любви к совершенству чужой речи, это желание сделать что-то всерьёз, совершить тот же самый выбор, который когда-то сделали мои любимые поэты и писатели – выбор говорить и быть видной, встать во весь рост. Написать что-то, что им бы точно не понравилось, оказалось бы чуждым, но было бы мной. Это я тогда посчитала единственной доступной мне формой истинной благодарности – ради них, во имя их слов и трудов проявить свою самость. Я и сейчас так думаю.

– Как ты пишешь? Есть какие-то ритуалы, механизмы, помощники?

– Если речь о стихах, то я пишу редко. Несколько стихотворений в год – видимо, сейчас это мой предел. Но в то же время я пишу много ни к чему не обязывающей и поэтому освобождающей, по внутреннему ощущению, прозы – делаю ежегодные публичные дневниковые проекты, пишу подробнейшие письма подругам, веду «утренние страницы» (это совсем не литература, это письменная практика во имя вдохновения – неоднозначная, но лично мне крайне полезная). И помощники, пожалуй, есть. Это музыка, переписка с любимыми людьми, соцсети, дающие мне огромное количество поддержки.

Чтобы писать стихи, мне нужно войти в особое состояние и быть там столько, сколько нужно, чтобы закончить текст. Это не всегда удаётся – либо состояние недоступно, либо пребывать в нём не удаётся, оно прерывается. Я знаю, что существуют абсолютно разные способы писать и чужие способы часто кажутся «неправильными», что есть счастливые люди, которые пишут гораздо чаще и увереннее и живут в непрерывном состоянии вдохновения, а ещё есть те, кто считает, что писать – значит ежедневно подтверждать своё владение поэтической техникой, но я так не могу – и почти уже с этим смирилась. Пришла к выводу, что я не контролирую этот процесс на сто процентов, скорее остаюсь на связи и подтверждаю своё намерение, своё согласие написать что-то, когда и если придёт время писать. Никогда не бываю уверена, что это время придёт ещё раз, но каждый раз думаю: даже если это стихотворение – последнее, какое счастье, что оно досталось мне, что я могу ещё какое-то время побыть в этом состоянии. Даже если оно закроется для меня навсегда – я здесь была, я благодарна, я счастлива. Там всё иначе – мир, как хор, состоит из бесконечной переключки живых голосов, все события и существования имеют смысл, и я способна к любви и пониманию. Совершенно неважно, хорошо мне или плохо, о счастье я пишу или о горе. Когда

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

есть ощущение смысла, оно есть во всём: и в страдании, и в терпении, и в гневе, и всё это становится счастьем. Я могу написать об отчаянии, и тогда оно станет для меня счастьем – не само по себе, не как самоцель, а как законная часть музыки и смысла бытия. Жить так всегда я пока не могу – но я была там и помню, какое оно.

– Бродский где-то говорит, что поэзия – колоссальный ускоритель мышления. Согласна ли ты с этим утверждением?

– Безусловно! Я бы назвала этот процесс концентрацией мышления и, в конечном счёте, изменением структуры самого человека. Искусство – это эволюция, внешняя и внутренняя.

– Как вообще соотносятся поэзия и религия? Возможен ли их плодотворный союз?

– Поэзия и вера – соотносятся. Руми. Рильке. Леонид Аронзон, Елена Шварц, Тимур Кибиров. Этой темы страшно касаться немой рукой стороннего наблюдателя, говорить об этом хочется как можно осторожнее, эта связь – слишком личное, слишком тайное и глубокое дело, поэтому я хотела бы просто вспомнить историю, которая, как мне кажется, говорит то, что хотела бы сказать и я. Это сюжет из последней книги «Хроник Нарнии» Клайва С. Льюиса. Был там тархистанский воин (вот как раз на это место можно подставить слово «поэт») Эмет, который поклонялся богине Таш и всю жизнь посвятил её поискам, желая только посмотреть ей в глаза. Когда он встретился с Богом и сказал в печали «Я не твоё дитя – я всю жизнь посвятил другой богине», Аслан ответил ему, что всё, что тот сделал ради Таш, он на самом деле совершил ради Него.

– Какие у тебя предпочтения в классической и современной литературе? Любимые прозаики, поэты, драматурги?

– Очень многих ценю и понимаю. Пару раз в жизни для интереса составляла полный список тех, кто мне дорог и важен в литературе. Он получался огромным, и это меня радовало – хорошего должно быть много. Сейчас не буду воспроизводить его целиком – с одной стороны, он такой длинный, а с другой, меня всё ещё пугает идея называть кого-то одного, тем самым о ком-то другом умалчивая или даже забывая. Скажу только, что больше всего люблю тех, кто на любой фотографии – всегда с краю, никогда не в центре композиции, но для меня центр – там, где они. Генри Дэвид Торо, Карен Бликсен, Елена Гуро, Алехандра Писарник, Харпер Ли... Они странно выглядят в одном списке, да. Для меня их объединяет острое чувство свободы и подлинности – моё собственное чувство,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

то, которое возникает при соприкосновении с ними. Я хотела бы быть ими, прожить их жизни, написать всё, что они написали.

Что касается современной литературы, то я постоянно читаю очень многих, многих ценю и люблю – это перечень состоит, наверное, более чем из сотни человек. Особенно пристально, конечно, всматриваюсь в то, что делают мои подруги, их стихи, рассказы, повести и романы я читаю и перечитываю, их жизни, их принципы, их мысли меняют меня к лучшему. Событие, в том числе и моей жизни, – новая книга стихов Елены Сунцовой «Выше воздуха», к которой я писала предисловие. Восхищаюсь прозой Дарьи Димке, рада, что принимала участие в выходе книги её рассказов. Люблю всё, что делает Наталья Ключарёва.

– Кому из ныне живущих писателей ты присудила бы Нобелевскую премию?

– Очень сложный для меня вопрос. Не получается думать, как в фильме моего детства «Горец» – «должен остаться только один». Я бы дала денег всем авторам, которым они нужны. В первую очередь – тем, кому не хватает на тёплую одежду, на ежедневную еду, тем, кто вынужден один воспитывать детей или ухаживать за старыми или больными родственниками. Тем, кто ни разу в жизни не был за границей. Тем, кто не видел океана. Тем, кто не может вставить себе зубы или купить лекарств. Я имею в виду, что Нобелевка – это история одновременно и про признание, про выбор одного из всех, деление на агнцев и козлищ, и тут я даже не могу ответить, точнее – не хочу, ещё точнее – не хочу категорически думать про признание такого уровня для немногих и забвение для остальных. Я несколько раз участвовала в работе премий как номинатор и член жюри, но с годами мне стало гораздо сложнее находиться в ситуации этого выбора, так что я стараюсь дистанцироваться от всех премиальных скандалов, которые один за другим бушуют сейчас в социальных сетях, и спокойно относиться к любому – во многом случайному – выбору или не-выбору одного из многих. А с другой стороны, Нобелевка – это всё же ещё и история про деньги, и тут очень много болезненного. Поэтому деньги – всем, кому тяжело. Но на это никакого Нобеля не хватит.

– Мне кажется, что природа вдохновляет тебя очень сильно и твои фотографии в социальных сетях это подтверждают. Скажи, что ты находишь в дикой природе?

– Неделю назад я видела орла. У него были серо-зелёные глаза цвета подмороженной земли, он летел сквозь лес на высоте моего взгляда, и я

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

не могла понять, как он не задевает деревья крыльями. Потом на дорогу вышла ещё одна птица, похожая на кувшинчик, у неё была высокая тонкая шейка, она проходила полметра, оглядывалась на меня, снова шла по дороге... Эти существа самоценны. Их ценность не зависит от того, видят ли их люди, ценят ли их. Их дар нам – чувство подлинности, чувство выздоровления души.

Природа даёт мне возможность ненадолго отстраниться от человеческого, отдохнуть от бремени коммуникации, завершить бессмыслицу мысленных диалогов, жалоб, требований, позволяет принять свою смертность просто как факт, безотносительно добра и зла, страха и жалости к себе.

Природа – это совершенная красота всюду, на макро– и микроуровнях. Её слишком много, а наша способность восприятия так ограничена. Можно часами идти по реке, и каждая минута будет полна красоты. Можно рассматривать каждую ягоду, каждый куст, каждое дерево. Нельзя уловить всю красоту, её объём бесконечен. Она не даётся человеку именно потому, что её слишком много. Нельзя проследить все рисунки на коре одной берёзы, рассмотреть в подробностях каждую волну на байкальском берегу, все движения облаков, все отражения деревьев. Красота противостоит утилитарности и омертвлению, она не помещается в сознание, она сверхъестественна для человека. Чем больше её воспринимаешь, тем больше она способна быть воспринятой, тем больше её проникает в сознание. Возможность воспринимать красоту, быть её счастливым наблюдателем – источник благодарности, а благодарность для меня – лучшая позиция в мире, которую только может занять человек, именно она делает людей счастливыми. Если можешь чувствовать благодарность, то можешь чувствовать и смысл, это взаимодополняющие вещи.

В людях, в том, что они делают и кем являются, тоже есть красота, но мне иногда бывает больно её воспринимать, она мучительна, потому что воспринимается в контексте всех видов страданий, порождённых человеком и неизбежных для него, и восхищение бывает смешано с жалостью к красоте или страхом за неё – она уязвима и невозвратима. Красота природы не добра, она бесстрашна, неуязвима, всё время разрушается и тут же возобновляется. Она не принимает человека в расчёт, и от этого я чувствую облегчение – от того, что наконец занимаю своё истинное место – не выше всех, а на равных и чуть в стороне.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– Скажи, а поэзия – что это такое? К какому полюсу она ближе – к «магии» или явлению социальному?

– Поэзия – всё сразу. Универсальный инструмент для решения тех задач, которые поэт может себе поставить, и для постановки тех, которые он пока не может даже вообразить. Так же, как, например, Интернет или языковая система. Для чего создан язык – для того чтобы молиться или для того чтобы ругаться? Для всего сразу. Для любых задач, которые мы можем поставить перед ним – великих и малых, этических, неэтических, личных, «прогрессорских», оккультных, научных – каких угодно и, может быть, ещё для тех задач, которые от нас пока скрыты. Для чего Интернет – читать Википедию, играть в онлайн-игры, общаться в мессенджерах? Для любого, для всего. Универсальные инструменты помогут сделать со временем своей жизни, со словом, с коммуникацией всё что угодно. А выбирать, что именно угодно, каждый будет сам. Сама я человек довольно первобытный, мне интересно первобытие, и стихи для меня, в первую очередь, – реплики диалога между человеком и миром. Это не значит, что я отрицаю их социальную значимость или игнорирую, например, фем-поэзию. Я ценю и понимаю и то, что сама не умею делать.

-Екатерина, а так ли важно для поэта место проживания? Что для тебя Иркутск, Сибирь вообще, как здесь пишется?

– Иркутск дорог для меня тем, что это город Юрия Самсонова – замечательного прозаика двадцатого столетия, написавшего, в частности, одну из лучших книг в мире – «Стеклянный корабль», и город Олега Медведева – гениального поэта и автора-исполнителя, любовь к песням которого объединяет моё поколение. Сама я довольно долго пыталась свыкнуться с Иркутском, поскольку не считала его родным. Хотя я родилась здесь, родиной я всегда буду считать Кедровку – золотой прииск в Бурятии. В отношениях с Иркутском я переживала, как по учебнику, отрицание, гнев, торг, депрессию, принятие. А Сибирь я безоговорочно люблю. Я люблю Байкал и Бурятию, люблю реки – Ангару, Иркут и Лену, горы люблю, тайгу. Всё это расширяет внутренний ландшафт почти до бесконечности.

– У нас в Тольятти проходит крупный фестиваль поэзии Поволжья. А что интересного у вас в Иркутске, какие поэтические мероприятия ты посещаешь, что могла бы выделить?

– В последнее время Иркутск стал городом фестивалей. У нас проходит ежегодный Международный фестиваль поэзии на Байкале имени Анато-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

лия Кобенкова, ценный тем, что даёт возможность увидеть современных авторов не в записи, а вблизи. Для меня было огромной радостью видеть и слышать Веру Павлову, Анну Гедымин, Ольгу Чикину и многих других людей, которые в разные годы приезжали на наш фестиваль. Событием для меня стал Иркутский международный книжный фестиваль – в этом году его провели во второй раз. Никогда бы не поверила, что в Иркутск приедут Павел Крусанов, Линор Горалик, Эрленд Лу! Видеть их в нашем городе – это похоже на исполнение мечты, наивно выраженной в строчке советской песни: «Иркутск – середина земли». Жить в центре встреч, событий, культуры – это мечта, и она на глазах сбывается.

– И последний вопрос традиционный – твои пожелания альманаху «Графит».

– Желая альманаху заслуженного внимания и интереса читателей по всей России и за её пределами.

Екатерина Боярских

*

Дерево дрожит, по нему бежит золотой распад.
Это разгоняется, это ускоряется листопад.
Стынет, как приютская, леса неуютная голова,
и такая изморозь на траве, что легла трава.

Смеётся ночь, наступая наземь, чернее грязи, острей стекла,
и такая изморозь на луне-луне, на огне-окне, что душа ушла.
Место пусто, осталась полость – пробел, дефект.
Сквозь водоворот памятник плывёт по ночной реке.

В глубину лицом – как падал, так и лежит.
У него отбита рука с веслом,
и за слоём слой, и за сломом слом, и за спадом спад
по нему бежит голубой рассвет, вороной закат, золотой распад.

От него остался один кусок. И такая изморозь на спине,
что и чист, и пуст, и отмыт от чувств,
и совсем высок, и совсем вовне.
На глазах песок – и почти ослеп, как огромный свет в мимолётном сне.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Пишет осень искрами, серебром – никаких цветов –
ледяной устав для тех, кто совсем устал.

И такая изморозь на земле, что легла любовь
во хрустальный дом, воды потайной кристалл.
Лебединый мост над рекой летит для того, кто прав,
потому он и не касается берегов.

Вдоль реки дребезжит ночной жестяной состав:
Туки-туки-прячь, туки-туки-ночь, туки-туки-ключ,
Туки-туки-плачь, туки-туки-речь туки-туки-туч.

И такая изгородь – ивы, истины, города поглотил туман.
Надо мной двойной фибулой из льда небула плывёт в небо-океан.
Лебединый мост улетает прочь, я не буду звать.
Коротка ли, длинна ли ночь, я не буду знать.

Забери меня
плыть по вечной заре реки
к темноте без имени
темнотой без памяти и тоски.

*

Двадцатью двумя руками
поднималось наше племя
из бутылки, из тетради,
из разбитой головы.
Двадцатью двумя руками
подевалось наше племя –
из окурка, из тарелки,
из растения ушло.

Ты неправда, я неправда
и неправда и неправда,
ты неправая неправда,
я неправильная правда,
я искусственное сердце,
я искусственная кожа,
ты искусственная горечь,
ты искусственная речь.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Двадцатью двумя руками
наши нити прерывались.
Мы распластаны по ветру
и расплёсканы по полу,
и растоптаны по полю
и закованы в огонь.

Двадцатью двумя руками
мы положены друг к другу,
как замёрзшие, как братья,
как повёрнутые к солнцу.
Мы положены друг другу,
как родившиеся дважды,
мы положены друг другу,
как убитые вдвойне.

*

Леденеет, веет, тает.
Исчезает на закате
сердце, страшная немая
тварь в шипах и с плавниками.

Ни к чему не привыкает,
ничего не избегает
сердце, мерзкая морская
рыба-темень, рыба-камень.

Из глубинного зиянья
в наш придонный промежуток
море дней несёт посланье,
да посланник гол и жуток.

Вот штыки его и шрамы
и оборванные сети.
Прямо здесь мои кошмары,
неподвластные спасенью.

Вот его шипы и корни –
рыба-ужас, рыба-память

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

немотой своей покорной
говорит не умолкая.

Сердце, враг и собеседник,
смотрит изнутри наружу.
От биенья до биенья
сердце помнит всё, что нужно.

Прямо здесь моё спасенье,
неподвластное кошмару, —
от печали, от веселья,
от подарка, от удара.

*

Сколько живого пламени в этом немытом племени? —
думаю, глядя в зеркало ещё советского времени.
Раньше ему не верили (оно тогда было дверью),
потом оторвали, повесили — и поверили.
Сколько оно наивности, личной неэффективности
видело, отражало.
Как-то не ненавидело — как-то преображало.
Видело нас огромными, ровными и красивыми.
Это сменилось волнами, пятнами и наплывами.
Амальгама потрескалась. Вижу себя поверхностно —
ставлю новую женщину вместо той, что исчезла.

Вижу ли общий облик или всё-таки личный?—
думаю, глядя в лица, спящие в электричках.
Так мы и едем прочь,
отражая ночь,
мимо нас бежит
пустота кустов,
быстрота лесов,
отражая нас в позолоте дней,
в синеве полей,
в темноте небес оставляя нас,
в темноте без нас.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

*

Хорошо быть первым и последним,
видеть, как уходят и приходят
облаков ночные аваллоны,
дождевые горы обнимая.

Хорошо на линию долины
выйти легионом анемонов,
лепестком замедленным коснуться
синего бессмертного сиянья,
улететь по ветру прямо в солнце.

Хорошо бесплотным, беззаботным
перекрёстком воздуха и света
вечно отличать одни структуры
от других прикосновеньем воли.

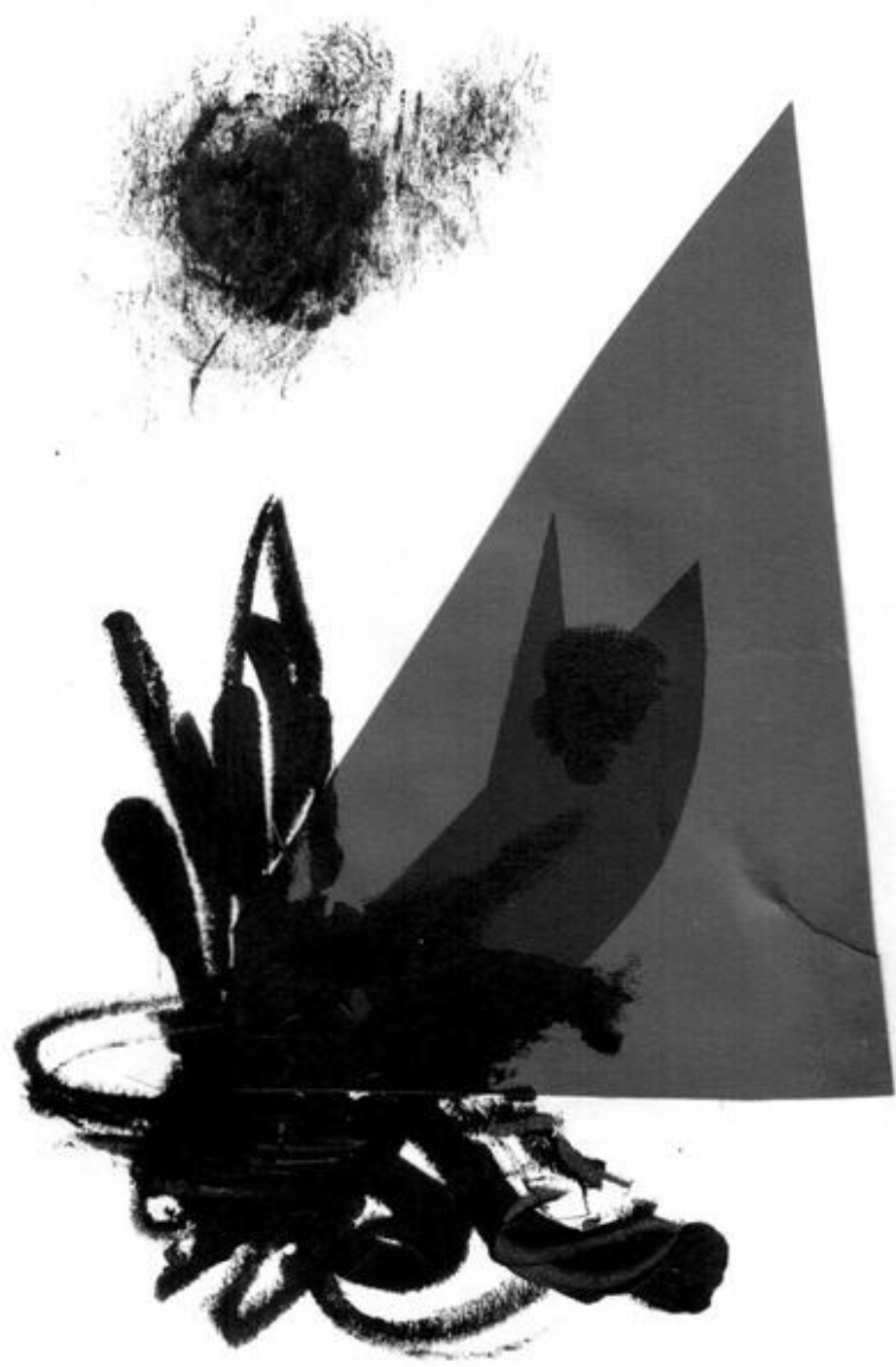
Странно быть недолгим, незаметным,
можно голубьями пить из лужи,
изучать ключи их тонких клювов,
похищать у ночи полумесяц.
Глупо торговаться и рождаться,
в столкновенье счастья и забвенья
плавать вавилоном эмбрионов.

Страшно разнимаемым на части
колесом из города и жажды
по миру катиться, и дымиться
колесом из леса и пожара,
в середине пламени брусникой
поднимать из дома листья-руки,
танцевать в окне, с собой прощаясь,
исчезать за каждым поворотом
колеса немеркнувшего зренья.

Страшно быть разомкнутым— не бойся,
и не успокойся, не надейся,
стыдно быть нецелым — собирайся,
колесом вертись, катись быстрее,
всё бери, живи, беги быстрее,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

говори ещё, ещё быстрее,
до тех пор, пока ты не сумеешь
раскрутиться до остановиться –
из чередованья и смешенья
поездов, снегов, мостов и молний,
из метелей, птиц и преступлений
выйти на пустынной остановке,
показаться неподвижной точкой
неподвижным голосу и взгляду.
Вот тогда они тебя узнают,
в час, когда ты встанешь перед ними
всей освобождённой от движенья
скоростью внимательной свободы.

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

Дмитрий ДЕЙЧ

Малахия (фрагменты)

Ангелы безымянны, и друг друга они не зовут, не окликают, поскольку менее обособлены, чем человек. Когда один ангел желает общения с другим, это подобно тому как рука гладит или чешет ногу, и так же точно как рука не зовёт ногу «нога, нога!», чтобы почесать или погладить, так и ангелам не нужно звать друг друга по имени, чтобы сообщить о том, что нуждаются друг в друге.

Люди именуют их по собственному разумению, сводя сущность к звучанию, тем самым доставляя ангелам удовольствие подобно щекотке и отчасти приводя их в смущение. Снизу, откуда люди видят свет, ангелы кажутся самостоятельными и самодвижущимися, но сами ангелы знают о себе, что растут они из тела Господня подобно пальцам руки или волосам на коже.

Поэтому когда человек зовёт ангела по имени, поименованный ангел вздрагивает и смущается. Иногда из любопытства ангел является на зов, но далеко не всегда такое свидание кончается добром для того, кто в невежестве возомнил себя повелителем Имен Ангельских. Чаще всего повторения имени или грубого заклинания недостаточно, чтобы вызвать ангела и заставить его служить. И только великим праведникам, не отличающим себя от мира, не имеющим собственных нужд и стремлений, являются ангелы на зов, и служат беспрекословно, ибо воля, вызвавшая их, не отличается от Вышней воли.

Трудно описать разговор ангелов, ведь происходит он без слов, как бы в нерассуждающей пустоте. Это не значит, что разговор этот уступает человеческому в тонкости или благородстве, напротив – не используя слов, ангелы говорят самой жизнью, сама жизнь проливается в их речении, оборачиваясь временем.

Сами же они пребывают в безвременьи.

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

я опускался в лифте
с пятьдесят шестого этажа на первый
ехать предстояло долго
попутчиков не было
если бы в лифт вошла женщина
мы бы украдкой посматривали друг на друга
если мужчина, мы бы старались
не смотреть друг другу в глаза
но поскольку в лифте не было никого
я всю дорогу корчил рожи
своему отражению в зеркале
и когда до конца поездки осталось этажей семь-восемь
со мной заговорил диспетчер
он сказал: пассажир, вы не в обезьяннике!
ведите себя прилично!
я застыл изумлённый
ошарашенный внезапным вмешательством
ощущение было такое
будто со мной заговорил холодильник или бачок унитаза
всю оставшуюся дорогу я молчал и вёл себя прилично
когда наконец лифт остановился и двери его открылись
я сказал: извините, не знал
что тут есть кто-то кроме меня
диспетчер ответил: все вы одинаковы
мерзкая работёнка – наблюдать за вами
когда вы думаете, что остались одни –
это разрушает мою веру в человечество
я сказал: мне очень жаль! что я могу сделать
чтобы вернуть вам веру в человечество?
и диспетчер ответил: увы, слишком поздно
моя вера в человечество утрачена безвозвратно

Ангелы легче самой жизни, поэтому кажутся нам парящими. Рассмотреть их можно при помощи периферийного зрения, краем глаза: глядя в упор, ты упустишь их из виду.

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

О явлении ангела можно сказать лишь «Ага!» или «Вот!». Увидев ангела, не кричи «Ангел!»: сведение сущности к имени – в лучшем случае – покажется им бестактностью.

В худшем случае – грубостью.

С ангелом бесполезно бороться, он не станет ломать тебе кости или бросать молнии, он всего лишь забудет о твоём существовании: когда ни один ангел не помнит о тебе, тебя больше нет.

когда ты сидишь за мольбертом
или пристально вглядываешься в экран
я вижу внутри твоего тела
другую тебя –

там,

внутри

ты так легко помещаешься под кожей
что иногда кажется:
ты могла бы сплясать
прокатиться на велосипеде
пригласить гостей
и устроить званый ужин –

там,

внутри

будь я скульптором
я бы точно знал
как извлечь тебя
на поверхность –
хотя бы на пару минут
или мгновений
но я всего лишь тот, кто ходит – вокруг и около
когда ты сидишь за мольбертом
или пристально вглядываешься в экран
проживая свою жизнь
глубоко под кожей
посреди себя –

там,

внутри

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

У ангелов нет «искусства» в привычной для нас форме: всё происходящее переживается ими так ярко и непосредственно, что понятие какого-то отдельного, обособленного, намеренного «искусства» лишено всякого смысла.

Музыка, театр или стихосложение – предметы, приносящие ангелам наслаждение. Но и утреннее пробуждение, гудение воды в кране, шаги на лестнице, смерть в подворотне, счастье или болезнь, унылая или полная приключений жизнь – также предметы, приносящие им наслаждение.

Если бы кому-то из нас довелось читать поэзию ангелов, если бы она существовала, если можно было бы вчерне перевести её на человеческий язык, такая поэзия показалась бы нам скучнейшей и бессмысленной прозой, где не происходит ничего волнующего и захватывающего. Ангел способен упиваться зрелищем бегущего таракана или скачущей блохи, дефекация и мочеиспускание вызовет у него восторг не меньший, чем у человека – употребление изысканных блюд или тончайших вин.

В глазах ангела всё наличествующее – совершенно в своём роде, ничто не способно быть «ниже» или «хуже» того, что «может быть», ибо – что «может быть», то и есть.

Поэтому не стоит страшиться презрения ангелов: наш вид, манеры и привычки, всё то, что сами мы в себе презираем, чего втайне чураемся, для них – чудеса и бесконечное наслаждение.

этой ночью приснилось
что в меня ударила молния
очень странное ощущение – когда молния ударяет в макушку
во сне это случилось вдруг, совершенно неожиданно
наверное так же неожиданно это могло бы случиться и наяву
во сне я не умер от удара молнии
я трансформировался
и проснулся трансформированным
выскочил с перепугу на кухню, подумал:
так, меня трансформировало от удара молнией, что же делать?

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

съел кефиру
вышел на балкон, подышал, сделал разминку
потом – на улицу
погода была хорошая
заглянул в гастроном, купил яиц и молока
всё было хорошо, нормально
и я подумал: видишь, всё нормально
ну – молния, с кем не бывает

Когда человек крепко спит, извне он кажется неподвижным и обособленным, лишённым связи с людьми и миром, почти бездыханным. Однако, в состоянии глубокого сна мы гораздо ближе друг другу, чем наяву. Попытки говорить об этом заведомо обречены на провал, ведь сновидение – прежде всего – место, а место – безымянно. Тем не менее, существует наука о сновидениях и их семенах, которые произрастают от самого дна мироздания.

Ростки пробиваются, вытягиваются, сплетаются в пространствах, недоступных людям в часы бодрствования, и, наконец, достигают нас, проявляясь в виде ночных происшествий. Их содержание быстро стирается из памяти, оставляя на поверхности невнятные пятна и кляксы, которые мы – по неведению своему – называем «сновидениями».

На самом же деле сновидения – вовсе не те смутные утренние воспоминания, которые по пробуждению выцветают, съёживаются, и на следующий день окончательно стираются из памяти.

Сновидения – это цветы ума.

Корни цветов ума уходят глубоко – туда, где тьма настолько темна, что Свет Вышний кажется тенью.

Там ожидают своего часа семена сновидений, и каждое вызревает и раскрывается в свой черёд, чтобы явить в мир свою собственную букву, которая – скорее звук, чем знак. Спящий же становится чем-то вроде музыкального инструмента – трубы или скрипки. И в той же степени, в какой скрипка или труба не помнят вчерашней музыки, люди не помнят своих снов.

Цветы сновидений распускаются быстро – в считанные минуты или мгновения, но увядают долго. Иногда сон, приснившийся деду, продолжает сниться внукам, и внукам его внукам.

Порой старый сон болит как не затянувшаяся рана, порой – греет, как воспоминание о мгновении счастья, пережитом в далёком детстве.

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

однажды я вышел из дому и не вернулся
ближе к ночи домочадцы забили тревогу
наутро – никаких известий
к полудню принялись обзванивать больницы и морги
на следующий день обратились в отдел
розыска пропавших без вести
в полиции посоветовали не волноваться
бывает: человек исчезает, потом возвращается
загулял
влюбился
в социальных сетях транслировали мои фотографии
друзья надеялись на лучшее
кое-кто был уверен, что это – похищение
другие говорили, что я всех перехитрил
и теперь наслаждаюсь видами Сен-Бартельми
собаки потеряли мой след
частный детектив вернул задаток
и посоветовал надеяться на г-да Б-га
и только г-дь Б-г был за меня спокоен:
он хорошо знал каково это –
исчезнуть без следа
и не вернуться

Смех, как и сон, имеет растительное происхождение. Однако, в отличие от сна, произрастающего вертикально от самого дна Мироздания, смех подобен плоскому лишайнику, угнездившемуся в складках и укромных уголках человеческой души. В обычном своём состоянии смех почти неосязаем и неосяутиим – так же точно камень или скала не обращают внимание на присутствие лишайника или мха, хотя мох способен покрыть камень целиком, а лишайник – поселиться глубоко в расселинах скал.

Человек не знает, что переполнен смехом, и не обращает внимание на поросли, особенно густо произрастающие под мышками и в той части души, которая ответственна за разнообразные проявления человеческой слабости. И только в период сезонного созревания смех показывается на поверхность и предъявляет себя в том качестве, каковое мы, собственно, и привыкли называть «смехом», «хохотом» или «улыбкой».

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

Внешние проявления смеха напоминают взрыв: семенные коробочки переполняются спорами, лопаются от избытка внутреннего давления, и ветер разносит споры окрест. Известно, что процесс этот имеет эпидемический характер. В присутствии хохочущего от души человека смеются и те из нас, кто случайно оказался в зоне поражения, даже не подозревая о причинах веселья. В таких случаях люди говорят: «смех за компанию», признавая тем самым, что смех заразителен, что видимая, осязаемая его область представляет собой расширяющийся круг зоны поражения.

Существует ложное мнение, что смех – естественная реакция человека на неожиданное и резкое сближение противоположностей.

Всё ровно наоборот: абсурд присутствует в нашей жизни не случайно, он-то и является главной движущей силой поступков, предпочтений и мнений. Знание это, однако, остаётся за кулисами, поскольку мы не способны вынести его силы и глубины, и только когда споры смеха соприкасаются с фибрами нашего существа, кулисы на мгновение приоткрываются, чтобы явить истину во всей её полноте.

В этот миг происходит нечто вроде короткого замыкания, помрачения: краем глаза мы успеваем заметить движение механизма, управляющего нашей жизнью, и тут же (во избежание смертоносного перенапряжения) падает занавес. Так выглядит удар судьбы: человек оседает на пол, из глаз его струятся слёзы, члены слабеют и на какое-то время он становится совершенно беспомощным.

Это и есть подлинная природа смеха – смерть, на фоне которой длится и продолжается жизнь.

сегодня на улице ко мне подошёл человек
и тихонько сказал: ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ
почти шёпотом
придвинувшись на расстояние поцелуя
многозначительно кивнул
мол, сам понимаешь:
не обязательно кричать на всю улицу
(я успокаивающе улыбнулся в ответ)
и пошёл себе
сумасшедший
на улицах полным-полно
сумасшедших
наркоманов

ДНЕВНИК СОЗЕРЦАТЕЛЯ

бездельников
бродяг
хиппи недорезанных
террористов
мутантов
клонов
кибер-пришельцев
ОНИ УЖЕ ЗДЕСЬ
и с этим ничего не поделаешь

С ангелами бесполезно спорить о времени.

Ангел может сказать, что время имеет привкус металла, как бывает если лизнуть латунь или мельхиор. И мы будем думать, что ангелы знают время на вкус. Но в другой раз он скажет, что время похоже на бельё, сохнущее на ветру. Или на слоновый бивень, похороненный в толще известняка.

Ангел может признаться, что иногда время чешется как свежий укус комара, а иногда приводит в смущение, как нескромное воспоминание.

Но если продолжать испытывать ангельское терпение, рано или поздно эти удивительные создания расскажут, что время – искусство речения, данное человеку в ощущении, но недоступное ему в изучении.

Ангелы говорят самим временем, переливают его из пустого в порожнее, обмениваются и перебрасываются им как при игре в мяч, но не пытаются измерить длительность: так же точно мы не считаем буквы в словах, которые произносим.

Можно говорить часами, и ничего не сказать, а можно сказать только «да» или «нет», и тем самым перевернуть мир.

Мгновение пытки не сообразно мгновению молитвы. Час молитвы не сообразен часу битвы. Век человеческий не сообразен веку ангела.

Поэтому час, миг, день, век – фигуры человеческого языка, лишённые смысла в Вышних.

Когда ангел предсказывает судьбу человека, он никогда не скажет «завтра» или «этой осенью».

Он скажет «однажды».

ИНАЯ ПТИЦА

Инга ГААК

ПЕСНИ НА ШАХМАТНОМ ПОЛЕ

ПеСНя АЛиСы

Алиса мечтала блуждать в зеркалах,
Она не искала банальной развязки.
Ночами творила заклетья в стихах,
А днём сочиняла нелепые сказки.

Гадала по книгам, по звёздам, по снам,
По гуще кофейной и чайным осадкам,
Считала года по песочным часам,
Но жизнь для неё оставалась загадкой.

Смотрела сквозь скважины старых замков,
Пытаясь увидеть старинные замки.
Потерянных счесть не могла башмачков, –
Не верили принцы хрустальным приманкам.

Ключи подобрать и заветную дверь
Найти в подземелье она не умела.
Металась Алиса как раненый зверь
И в жёлтое небо печально глядела.

Чудесный флакончик за десять рублей,
В лавчонке безделиц она покупала.
Пусканием мыльных цветных пузырей
Себя, воробьёв и собак развлекала.

С балкона летели, сверкая, шары,
Рождённые лёгким дыханьем Алисы...
...А в Космосе дальнем кружатся миры,
Танцуют её воплощённые мысли...

ИНАЯ ПТИЦА

ПеСня ШЛЯПНиЦы

...А я ведь тоже была Алисой!
Бросала в воздух охапки листьев
И танцевала в них до упаду,
И наряжалась в дождей прохладу.
И я любила – как я любила
Бродить в тумане, и окон стылых
Ловить отсветы... Встречать рассветы
На крыше дома
И улыбаться котам знакомым,
И с трубочистом пройти под ручку,
Носить на шее изящный ключик,
Шотландским пледом укутать плечи,
Пить чай в кофейне с последним встречным,
И кружевные вязать митенки.
С собакой старой делить печеньки,
Играть с детишками в «третий лишний»
И спать в обнимку с облезлым мишкой.
Читать, вдыхая газетный запах,
И круассаны жевать на завтрак.

Но как-то ветер, пришедший с юга,
Смешал в насмешку и дождь, и вьюгу,
Туман и копоть дымов каминных,
И ржавый хохот часов старинных.
И птицей раненной бился флюгер...
Принес безумие ветер с юга.

Куда ни шла бы, а за спиною
Клубком змеиным шипит злословье:
– У трубочиста украла ключик...
– С котом облезлым прошлась под ручку...
– Спала в обнимку с последним встречным...
– С шотландцем старым пила весь вечер...
– Она безумна! – Им вторил ветер,
И я бродила по белу свету
И забывала, что я – Алиса!
(досужим сплетникам нет предела!)

ИНАЯ ПТИЦА

И словно бисер теряла мысли,
Покуда вовсе не опустела...
Теперь я – Шляпница! По заказу –
Вуали, банты, цветы и стразы
Украсят шляпку! Мое уменье
К услугам вашим, и чай с печеньем.
А болтовня и тафты мерцанье
Столь респектабельны, что спокойно
Под кружевами пребудет в тайне
Мое досадное пустоголовье.

ПеСНЯ ГеРЦоГиНи

Немного корицы, чуть-чуть имбиря,
Щепотка кайенского перца...
Молва меня величает не зря
Принцессой приправ и специй.

Страна чудес?
О, нет, *cette adresse*
Мне незнаком.
Зато за холмом
Вам откроется Дом,
Где приправлены перцем (ап-чхи!)
Пекутся печенья о вашем здоровье.
А в них – предсказаний стихи.

Там элѐфанты играют в фанты,
Скучают, важничая, инфанты
А летом в трубе застревает Санта,
Он путаник страшный – что странно!

А может, всё спутала я сама? –
В такую жару не трудно свихнуться.
Ведь Шляпник однажды сошёл с ума,
И в мир без чудес не желает вернуться.

ИНАЯ ПТИЦА

Кастрюли молчат в ожиданье беды,
Дрожит чемодан в нетерпенье:
Мы бегство готовим. Пусть наши следы
Сметает норд-ост забвенья!

Бегом от рутины, звонков и часов.
На воздух – где небо играет,
И в горы, и в лес, где понятно без слов
Свобода – синоним рая!

Чеширский – улыбкой иронии ты
Не смеешь смущать моё сердце...
Очнулась.
Добавила в жизнь остроты
Щепоткой кайенского перца...

ПеСня ЧеШиРСКоГо КоТа

...Улыбка Чешира... о, я улыбаюсь,
Хотя и не свойственен юмор котам.
Хочу быть СЕЙЧАС, но увы, растворяюсь.
Я – между не здесь и не там.

Но где это, что это?..

Безднопаденье
Страхочувствительность
Светобоязнь
Без нападения
Мышц ослабление
Чудотворение
Мышеприязнь.

Вязкий туман обволоок подсознание...
Разум рождает чудовищ и сны
Когти скребутся о дно мироздания,
Я – на невидимой кромке Луны.

ИНАЯ ПТИЦА

Жадно песок просыпается в жерло
Времеворонки

Аж ветер свистит!

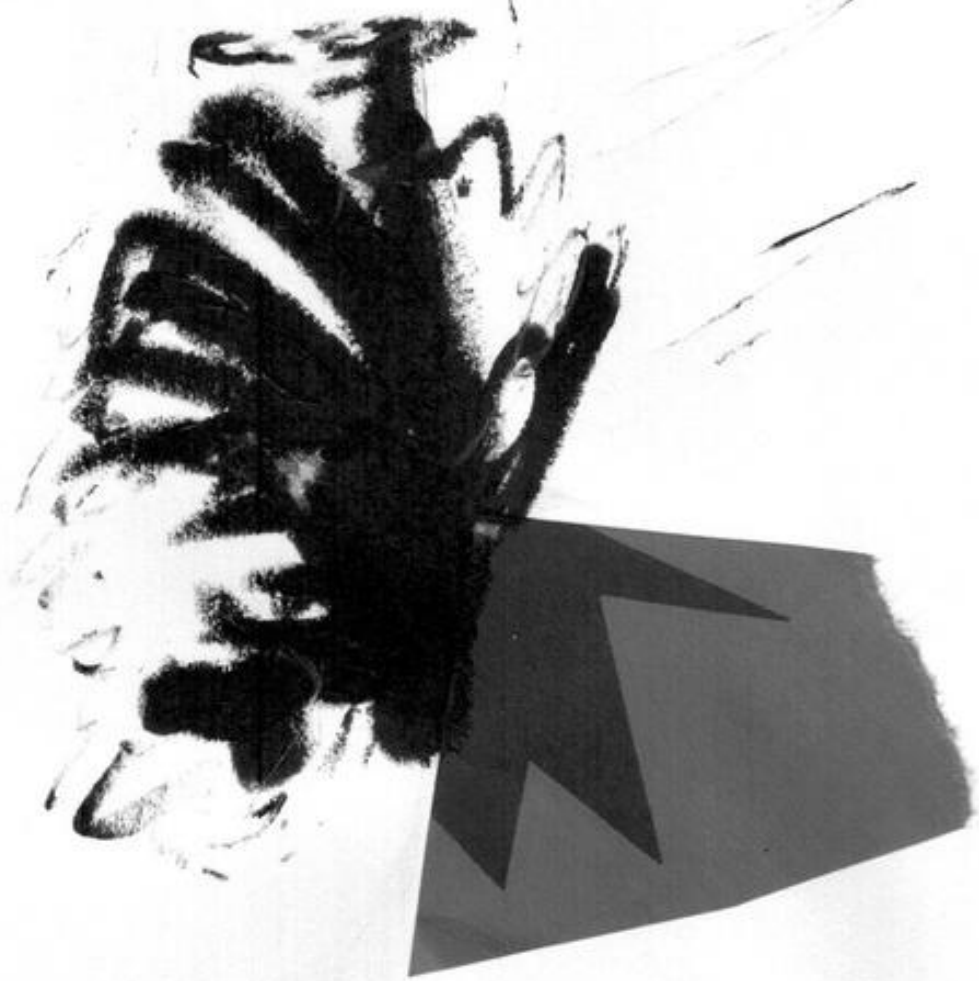
Звёздную пыль мелет вечности жёрнов:
Кролик попался! Алиса в пути!..

...

Алиса, беги по осколкам рутины,
Спеши за мятущейся тенью Вальта...
Месяц завис над двухмерной долиной –
Зыбкое «Сiao!» улыбки Кота.

Розы и Черви, тrefы и червы,
Гнев Королевы, садовник в бегах...
Спутаны мысли, истерзаны нервы,
Что там таится ещё в зеркалах?!

Где этот гриб? На какой он планете?!
(Иль дайте уже от чудес антидот!)
Сказки рассказаны, песни допеты,
Машет рукой исчезающий КоТ.

ОКРЕСТНОСТИ

Сергей БЫКОВ

Об одном литературном «расследовании» в связи со стихотворением

Льва Лосева «БАХТИН В САРАНСКЕ»

Принцип «шести рукопожатий» работает. Возникают мистические совпадения. Когда заканчивал статью этим летом для московского сборника по творчеству Бахтина и цитировал высказывание Виктора Сосноры об А.Введенском, пришло сообщение, что Соснора умер. Испытал горькое сожаление. В память врезалась дата – 13 июля 2019 года. Мне посчастливилось слушать его стихи в авторском исполнении в Ленинграде, при том, что этот выдающийся поэт и график, вел очень замкнутый образ жизни.

Взяться за эссе меня отчасти подвигли вопросы, которые задала Елена Семенова – организатор конференции по Бахтину в Москве, после моего доклада «Формула не-алиби в бытии» М. Бахтина в философии литературы обэриутов», на третьем Бахтинском форуме в доме-театре М. Булгакова (размещен в ю-тубе). Обсуждение докладов порождает массу реминисценций, боковых ходов, «кротовых нор» в развитии темы, всплывающих в сознании. Помнится, что закончил отвечать тезисом о том, что новая молодая ленинградская литературная «тусовка» 60-х годов (Рейн, Уфлянд, Найман, Бродский, Аронзон, Бобышев, а также с ними, Анна Ахматова, Кушнер, Довлатов и другие), объединявшая большой круг литераторов, начиная с самых старших, Виктора Конецкого и Виктора Голявкина, и кончая младшими по возрасту, Бродским и Довлатовым, была плотным писательско-поэтическим силовым полем. Существовала в таком же стиле жизни, как и «круг Бахтина» и группа обэриутов, т.е. неформально и самостоятельно. Старалась «не замечать» советской власти. Виктор Соснора говорил: «нас фланировало по Невскому человек сорок. Самым отъявленным вахлаком был Довлатов». Поэт высоко ценил его ленинградские повести. «Сдвинуто. Жутко и точно». От графа Хвостова «вышло в двадцатом веке целое новое направление: обэриуты, сильные дурики. Дурость, нелепость – сознательно». Что сильно – не издают. Эстетика всегда под запретом, политике – зеленая дорога. Газетное мышление. Чем крупнее личность, тем ме-

ОКРЕСТНОСТИ

нее объективна. Все окрашивает собой, делает вторым «я». Гении кто угодно, только не оценщики.

В годы «оттепели», когда в журнале «Новый мир» появляется «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, возникает из небытия, через тридцать лет забвения – дополненная книга Бахтина о творчестве Достоевского. Возможно, эта публикация пробила занавес молчания и отчасти открыла шлюзы для книг опальных, всемирно известных ученых-гуманитариев – экономиста Кондратьева, выдвинутого на Западе на Нобелевскую премию в то время, когда он сидел в лагере, историков Сергея Платонова (умер в ссылке в 1933 году в Куйбышеве) и Тарле (вернулся из ссылки и опубликовал книгу в 1935 году, состоял в переписке с Бахтиным), филолога Проппа, философа Алексея Лосева (преподавал короткое время в 30-е годы в пединституте в Куйбышеве). Несть им числа.

Группа поэтов и писателей Ленинграда – интеллектуалов и будущих литературных диссидентов, профессионально знакомится и изучает работы М.Бахтина о Достоевском и Рабле. Об этом рассказал журналист, филолог и поэт Лев Лосев, общавшийся с Бродским. Изучая, искали новый тип художественного мышления, новые смыслы в литературе. Лосев спросил Бродского: «читал ли ты работу Бахтина о Достоевском. Что особенно отметил? Поэт как всегда, в своем независимом стиле, ответил: «Понравились в книге цитаты из Достоевского». Бродский сначала демонстрирует «неприятие», а позже – осмысливает, перерабатывает и включает в свой исследовательский, поэтический аппарат, приемы бахтинской работы и рефлексии – «внезаходимость» в культуре, малое и большое время – «хронотоп», поэтические приемы работы с пространством и временем.

Анализ статей и эссе Л.Лосева (Лифшица), Бродского и других литераторов ленинградской, парижской и американской русской «тусовки» 60-90-х годов показывает, что они интересовались и очень хорошо знали литературу, в том числе неизданную, события и обстоятельства литературной жизни Петрограда-Ленинграда 20-30-х годов. Закон «шести рукопожатий» срабатывал и приводил в действие историческую память. Бахтина, «сидельца с многолетним стажем», вспомнили московские литературоведы Кожин, Гачев, Бочаров, которые ездили к нему в Саранск. Город, который его принял, но, в котором его гнобили по черному. Университет, кажется, сейчас именуется им. М. М. Бахтина. Наши российские метаморфозы. Бахтинская амбивалентность. Бахтина воспринимали как «старца», к нему ездили разговаривать и показывать свои работы ученые-гуманитарии. «Не любили» Бахтина – формалисты,

ОКРЕСТНОСТИ

принципиальные его оппоненты в 20-е годы, в том числе, Виктор Шкловский. Во многом с ним не соглашался и философ Алексей Лосев. Одним из последних, наряду с Евгенией Гинзбург, живых представителей петроградско-ленинградской эстетической и философской плеяды 20-х годов, Бахтин стал в центре внимания новой генерации советско-российских, французских и американских русских литераторов. В 90-е годы издано семь томов собрания его сочинений. Вокруг работ Бахтина до сих пор идет серьезная полемика. Бахтин как «яблоко раздора», между сторонниками традиционных филологических школ и междисциплинарным подходом в изучении наследия философа. Масло в огонь «бахтиноведения» добавляет то обстоятельство, что передовой западный, особенно американский мир литературы, психологии, филологии, литературоведения, славистики и т.д., тщательно изучает, цитирует, «по делу» критикует и восхищается работами Бахтина. В Нью-Йорке в любом книжном магазине на видном месте книги философа – востребованы и популярны. В России работы Бахтина читает очень узкий круг специалистов, и в магазинах их не найдешь. Парадоксально, но право на явно запоздалую работу о Бахтине в серии ЖЗЛ, получил А.В. Коровашко, агрессивно развенчивавший Бахтина как филолога и философа.

Мои скромные литературоведческие изыскания позволили найти стихотворение Л.Лосева на тему мытарств существования в ссылке Бахтина с женой Еленой. Мы обязаны видеть различные, не только «официальные» точки зрения на природу конфликта и последствия нашего русского, советского, российского экзистенциального существования (по Бахтину «не-алиби в бытии» – «поступка-дела, поступка-мысли, поступка-желания»).

Ниже привожу стихотворение Льва Лосева, которое было издано в 1985 году в США в сборнике «Чудесный десант», свидетельствующее об этом. Лосев был поражен по выражению Михаила Гронаса, американского слависта, «пафосом» положения Бахтина, пребывавшего в кошмарном Саранске. Лосева как поэта и эссеиста, еще предстоит освоить и прочитать по-настоящему. Данный текст цитируется из книги Лосев Л.В. Солженицын и Бродский как соседи. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 608 с. С.384-385.

ОКРЕСТНОСТИ

Лев Лосев

БАХТИН В САРАНСКЕ

Капуцинов трескучие четки.

Сарацинок тягучие танцы.

Грубый гогот гог и магог.

«М. Бахтин, – говорили саранцы,
с отвращением глядя в зачетки, –
не ахти какой педагог».

Хотя не был Бахтин суевером,
но он знал, что в костюмчике сером
не студентик зундит, дьяволок:

«На тебя в деканате телега,
а пока вот тебе alter ego –
с этим городом твой диалог».

Мировая столица трахомы.
Обжитые клонами хоромы.
Две-три фабрички. Химкомбинат.

Здесь пузатая мелочь и сволочь
Выпускает кислоты и щелочь,
Рахитичных разводит щенят.

ОКРЕСТНОСТИ

Здесь от храма распятого Бога
только щебня осталось немного.
В заалтарье бурьян и пырей.

Старый ктитор в тоске и запое
возникает, как клитор, в пробое
никуда не ведущих дверей.

Вдоволь здесь погноили картошки,
книг порвали, икон попалили,
походили сюда за нуждой.

Тем вернее из гнили и пыли,
Угольков и протлевшей ветошки
образуется здесь перегной.

Свято место не может быть пусто.
Распадаясь, уста златоуста
обращаются в чистый компост.

И протлевшие мертвые зерна
возрождаются там чудотворно,
и росток отправляется в рост.

Непонятный восторг переполнил
Бахтина, и профессор припомнил,
как в дурашливом давешнем сне

ОКРЕСТНОСТИ

Голосовкер стоял с коромыслом.

И внезапно повеяло смыслом

в суете, мельтешенье, возне.

Все сошлось – этот город мордовский.

Глупый пенис, торчащий морковкой.

И звезда. И Вселенная вся.

И от глаз разбегались морщины.

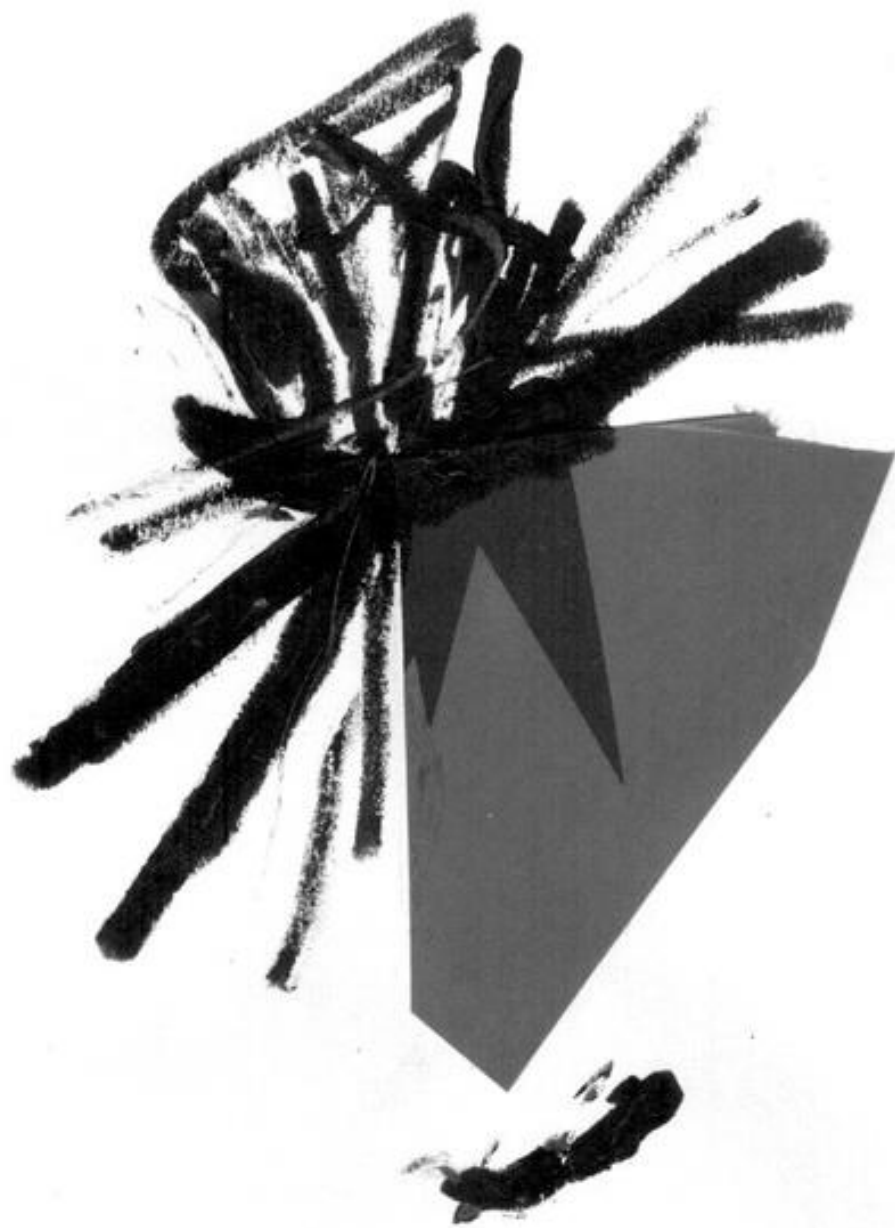
А у двери толкались мордвины,

пересдачи зачета прося.

Это стихотворение – гротескный реализм, зарисовки с натуры, полные неожиданных наблюдений и метафор: «Старый ктитор в тоске и запое, возникает как клитор в пробое». Художественная структура стихотворения, его смысловые образы построены на принципах пространственно-временной организации, фактически по методу самого Бахтина. Бахтин, используя теорию относительности, работает с понятием «пространство-время» в «теле» романов Достоевского – Петербурга Достоевского. Лосев «отсылает» нас к полемике вокруг книги историка и мифолога Голосовкера «Кант и Достоевский». Бахтин, неокантианец по научным убеждениям, работавший над романами Достоевского, послужившими литературным материалом для теории пространства-времени в художественном произведении – «хронотопа», «диалога», «полифонии» – «многоголосья». Лосев задевает здесь тему расправы над Бахтиным, Петровым и Антоновым в пединституте, которые были привлечены НКВД по делу ученых народности «эрзя» в Мордовии, якобы готовивших почву для мордовской автономии от Советской России. Первое пребывание Бахтина в Саранске продлилось один семестр. Бахтин фактически бежал от ареста, который в 1937 году мог привести к непоправимым последствиям. Вернулся ученый в Саранск в 1946 году, где пре-

ОКРЕСТНОСТИ

подавал на протяжении долгого времени, вплоть до конца 60-х годов, когда на него «обрушилась» всесоюзная слава. Жил трудно, скромно и уединенно. Бахтин (инвалид детства, оставшийся без ноги) – автор оригинальных теорий эстетической философии. Ученый с мировым именем. Был одним из первых православных философов в Советском Союзе. Христа называл – «всечеловеком». Умер в Москве в возрасте 80-ти лет. Каждому дано по вере его.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Поэт Виктор Багров

(1912 – 1938)

Сейчас имя Виктор Багров в первую очередь ассоциируется с персонажем фильмов «Брат» и «Брат-2», старшим братом национального супергероя. Для одного или нескольких поколений главной цитатой Виктора Багорова так и останется: «Одно слово – румын». Кинофантом прописался на жилплощади реально существовавшего человека. По кому ещё из поэтов так бесцеремонно проехался каток фортуны? Говорят, снаряд дважды в одно воронку не падает, но... уточнение запроса «поэт Виктор Багров» выведет на реально существующего поэта-современника. Разве что в фамилии современника ударение приходится на первый слог, что Гуглу, скажем честно, безразлично.

Несправедливо утверждать, будто поэта Виктора Багорова не пытались возвратить в литературу. Те, кто выжил, вспоминали Багорова чаще, чем кого бы то ни было. Стыдливо умалчивая о причинах смерти: «Рано, очень рано оборвалась его жизнь...» (В.Е. Козин), «трагическая его гибель» (П.П. Нефедов), «Случилось так, что поэт не успел поседеть со своим поколением...» (Л.А. Финк) и т.д. Не очень чётко определившись с возрастом (а как определиться, если даже день рождения неизвестен?): «на двадцать пятом году» (В.Е. Козин), «прожил всего двадцать пять лет» (П.П. Нефедов), «ушел из жизни, когда ему было всего лишь двадцать пять» (Л.А. Финк) и т.п. Посмертно его книги издавались четырежды, из них три раза в Куйбышеве. Первая (Стихи и поэмы, 1958) могла бы стать одним из намёков на провинциальную послесталинскую оттепель. Дополненному переизданию в 1969-м году суждено было этой оттепеле послужить уже одной из последних предсмертных судорог. В 78-м отдельной книгой вышла поэма «Емельян Пугачёв», Magnum Opus Багорова, оформленная выдающимся книжным графиком И.В. Дубровиным. Наиболее актуальная багровская книга на сегодня, поскольку московская «Ветровая страна» вышла четырьмя годами ранее. Итог: выросло поколение и растёт следующее, в глаза не выдавшие книг Багорова (выведем за скобки букинистов и библиотекарей). Такого поэта для них нет. Почти полвека выброшено псу под хвост. Что не значит, что предыдущие годы угодили псу под что-то другое. В 1985-м году (семь лет как вышла четвертая из книг) главный критик региона оценил ситуацию трезво: «Большинству современных читателей имя Виктора Багорова говорит очень мало. Даже волгари почти не знают его стихов и поэм». «И это обидно, особенно для нас, куйбышевцев» – сокрушался Лев Адоль-

МИР – ОТЕЧЕСТВО

фович Финк. Автор сервильных предисловий, фактически, кастрировавших поэта, истолковывавших его стихи в предельно благонамеренном, чуть ли не лакейском по отношению к действующей власти, ключе. Даже в 1985-м Л.А. Финк вставил в статью о Багрове перлы, вроде «многомиллионного крестьянства, ломающего звериное сопротивление кулачества, встающего на социалистический путь».

К 90-летию поэта, в 2002-м, в губернии появилась литературная премия им. Виктора Багрова, вручавшаяся в финале ежегодных Багровских чтений в родном селе поэта. Сейчас, всего-то 18 лет спустя, суммировать информацию о лауреатах и гостях, о составах жюри и участников не по силам самому дотошному детективу. То ли строжайшая конспирация – изюминка этого мероприятия, то ли чтения с премией опостытели учредителям хуже горькой редьки и о них забыли ещё раньше, чем разлюбили. Дурная череда совпадений тем временем продолжилась...

Скончался крымский чиновник, выразивший глубокую поддержку всем попеременно сменявшим друг-друга властям. В промежутках между глубокими поддержками чиновник получал учёные степени, на обложках регулярно издаваемых книг проставляя свою фамилию (внимание!) – Багров. ...Багровские чтения теперь проходят в Крыму. И ни малейшего отношения к теме нашего разговора не имели бы. Если бы не исполнили роль последнего кома земли, брошенного на крышку гроба. Благие намерения сохранить Виктора Багрова в истории поэзии похоронены. Чинно расходимся, прижимая платки к опечаленным лицам. Не теряя самообладания, когда живой голос похороненного нами поэта звучит за спинами.

«Вакансия поэта», о которой писал Борис Пастернак, в Самаре оставалась незанятой. Поэты появлялись регулярно, ощущение исключительной роли кого-либо из них – вряд ли. Пожалуй, первый и, вероятно, единственный случай занятия «вакансии» был краток, окончился трагически. Созревание и гибель самарского «лучшего, талантливейшего» почти совпали с эфемерной историей Средневожского края. Тогда вакансия «предлагалась» не только от лица горожанина, или, шире, самарянина, но и от пензяка, симбиряка, оренбуржца, мордовской автономии... От того, что сейчас можно отчасти отождествить с понятием Среднего Поволжья. Наделить это пространство (крупнее Австрии, Бельгии, Венгрии и Голландии, вместе взятых) смыслами, большими, чем просто география, задать вектор самоосознания и заразить вирусом самопознания – задача не для нерешительных и слабых.

Все мемуаристы, вспоминающие Виктора Багрова, не сговариваясь, первым делом вспоминают его физические щуплость и тщедушие. И

МИР – ОТЕЧЕСТВО

личную скромность, даже застенчивость. Впрочем, эпоха ценила контрасты. Лично скромен, физически невысок был и Вождь и Основоположник, бросивший в топку паровоза Утопии человеческие миллионы на практике, а сотням миллионов уготовивший роль топлива теоретически. Способность и талант «отразить и выразить» Среднее Поволжье оказалась вложена в неказистое тело младшего сына в большой крестьянской семье. Уже здесь начиналась не то, чтобы ложь, но, скажем так, полуправда.

Полуправдой, искажениями, умолчаниями пропитано почти всё, что мы знаем о Багрове. Начиная с фамилии. Стоит кратко изложить историю его семьи, отложившуюся в Государственном архиве Самарской области (дальнейшие примечания в скобках будут отсылать к фондам архива). Приступим издалека. Во времена монголо-татарского нашествия беглецы из Суздаля прятались в болотах на реке Тезе. Ими, по легенде, и было основано село, получившее название Холуй (ударение на первый слог!). Сельчане изначально добывали себе пропитание промыслом не крестьянским, но рыболовным и ремесленным. Со временем Холуй, вместе с близлежащими Палехом и Мстёрой, вырос в один из главных центров русской миниатюры. Эдакое логово иконописцев-профессионалов, традиции передаются от отца к сыну, отсюда по Руси в лучшие годы развозилось до двух миллионов иконок в год (!). Всё бы ничего, но время шло и с 1870-го года на российских базарах начали штамповаться фабричные иконки. Поначалу бумажные хромофотографии, клеенные на дерево. Кустарный бизнес кряхтел, но ещё держался. С начала девяностых годов разорение стало нависло кошмаром над каждым иконописцем, появились иконки на жести. Эмалевые ризы, имитация драгоценных камней, сравнительно низкая себестоимость, возможности неограниченного тиража. Патентом монополю владела фабрика Жако и Бонакера в Москве.

Завершим этот абзац цитатой: «именно Холуй, специализировавшийся на массовом производстве дешевой иконы, оказался в самом невыигрышном положении» (П.С. Дубровский, С.П. Дубровский, г. Шуя, статья «Социально-экономические особенности становления народных промыслов советского периода: Палех, Холуй и Мстера 20-30-х гг. XX века»).

Самые ранние самарские документы, касающиеся предков поэта, выходцев из села Холуй, относятся к годам сгущающегося коммерческого кризиса. В четвёртый том посемейного списка мещан города Самары 1884-го года вписаны дед и бабка будущего поэта Багрова (ф. 153, оп.1, д.78): Григорий Алексеевич, 34 года и Пелагея Васильевна, 40 лет.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Здесь же отец поэта, Александр Григорьевич, тогда ещё 8-летний младенец. Других детей нет (пока?). Соотношение возрастов супругов заставляет подозревать мезальянс. Уж не «выдан» ли Григорий «в мужья» к почти уже старушке, по меркам того времени? В обмен на городской дом и, соответственно, мещанский статус? Не будем следовать далее за циничным поворотом нашей мысли. Перед нами, скорее всего, ошибка переписчика. Умерший через 17 лет Григорий Алексеевич в метрику о смерти (ф.32 оп.40 д.103) вписан 62-летним. Но вот точное написание настоящей фамилии поэта стоит утвердить окончательно – Бестемянников. В большинстве ныне доступных печатных и сетевых источников, включая персоналию Википедии, одна гласная в фамилии искажена – БестемЕнников. Об источнике этого искажения позже. По правилам до-революционного правописания фамилия писалась, разумеется, чрез приставку «Без-» Безтемянников. На будущее: более ранние документы, касающиеся предков поэта по отцовской линии, очевидно, надо искать в архивах Владимирской, затем Ивановской, областей. Сохраняющаяся связь Бестемянниковых с родовым селом проверяется простейшим сетевым фактчекингом. На памятнике пожарным погибшим при исполнении служебного долга г. Иваново и Ивановской области – фамилия Г.М. Бестемянникова, начальника караула профессиональной пожарной части, трагически погибшего при тушении пожара в хозяйственных постройках одноэтажного деревянного дома в поселке Холуй. Эту же фамилию носил председатель Артели кисти, объединившей художников села в двадцатые годы.

Возвратимся к Бестемянниковым, обосновавшимся на Самарской луке. Следующий относящийся к ним документ фиксирует бракосочетание родителей будущего поэта 20 января 1893 года (ф.32 оп.35 д.348). Александр Григорьев Безтемянников, 18-ти лет, 5-ти месяцев, по приписке крестьянин Холуйской слободы Владимирской губернии, вступил в брак с «села Екатериновки крестьянкой Марией Александровой Молиной, 18 лет». Показательны свидетели. Со стороны жениха два самарских мещанина, со стороны невесты мещане Алатыря и Сызрани. Дальнейшие документы – метрики на братьев и сестёр будущего поэта. Кратко перечислим без указания архивных шифров. Первой, в год бракосочетания родителей, 11 месяцев спустя после их свадьбы, 1 декабря, родилась Варвара. Далее: Евгений (11.02.1896, смерть установлена по случайно обнаруженному газетному некрологу – 01.06.1938), Екатерина (18.11.1897 – ум. 11.09.1898), Николай (20.07.1899), Феодор (07.02.1902 – 02.08.1902), Александр (28.03.1904), Василий (12.04.1907 – ум. 16.04.1908), Мария (14.07.1909), Феодор (02.04.1911 – ум. 24.06.1911).

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Виктор был десятым и последним ребёнком, родившимся у матери. Марии Александровне в год его рождения было 37 лет. В воспреемники будущего поэта вписаны старшие из детей – сестра Варвара и брат Евгений, которым тогда исполнилось 19 и 16 лет соответственно. Относились ли позднее старшая сестра и старший брат к Виктору не только как к брату, но и как к крестному сыну? Дата рождения поэта до сих пор не фигурировала ни в одном из доступных источников, пришло время впервые её обнаружить – **14 (25) октября 1912 года** (ф.32 оп.35 д.354 и ф.32 оп.40 д.100, ссылки на приходской и на консисторский экземпляры метрических книг).

О чём ещё рассказывают документы? Например, о детской смертности. Начиная со старшего брата каждый нечётный ребёнок умирал во младенчестве (будущий поэт оказался чётным). Причины смерти, вписанные в метрику, могут служить иллюстрацией зачаточного состояния медицины: от слабости, понос, от колик, от поноса.

По воспреемникам детей заметно, как социальный лифт поначалу тащил семью вверх. Глава семьи из крестьян переходит в мещане, в крестных отцах и матерях тоже крестьян вытесняют мещане губернской столицы, затем даже появляются почётный гражданин и купеческая жена. Резкий и пока необъяснимый, в период 1909-1911 гг. наступает крах. Отец возвращается в крестьянское сословие (вынужден продать городской дом?), из мещанина города Самары превращается в крестьянина села Екатериновка. Крестными согласны стать лишь близкие родственники, и круг их очень быстро сжался до собственных детей. Благодаря семейному краху поэт в графе «происхождение» сможет честно написать: крестьянское. Впрочем, это его не спасёт.

От человека, которого считали бесспорно лучшим, талантливейшим поэтом Средневолжского края, осталась единственная фотография. Настолько плохого качества, что для книжных изданий портрет художник-график создавал заново, по мотивам. С подбородком он ошибся. Когда сестра Багрова умерла, соседи, давно ожидавшие освобождения комнаты, вынесли её вещи на мусорку. Те, кто убил брата, смертельно напугали её на всю оставшуюся жизнь. Что-либо рассказывать о Багрове, даже упоминать его имя – даже на это у неё не хватало душевных сил. Сотрудники самарского литмузея успели к мусорке раньше мусоровоза. Так стали доступны ещё несколько багровских фотографий. На единственной, где он в профиль, у него скошенный подбородок. Маленький настолько, что даже Хлебников рядом показался бы обладателем крупной нижней челюсти. На школьной фотографии Багров ещё и закусил уголок нижней губы. Видок это ему придало, честно говоря,

МИР – ОТЕЧЕСТВО

глуповатый. В довершение всего, уголки воротничка на расстегнутой рубашке – один неестественно задран вверх, другой оттянут вниз. Я показал фотографию сыну-школьнику. «На ней есть поэт, о котором я сейчас пишу. Он закончил школу на пятёрки». Сын сразу указал на Багрова. «Как ты догадался, что это он?» «Он не такой, как все».

О школе имени Льва Толстого, как раз того времени, когда там учился Багров, нашлась статья. Пишет будущий лауреат Сталинской премии (за сценарий фильма) Павел Нилин. Помещение и оборудование школы «может быть смело поставлено рядом с лучшими школами Советского Союза». Помещение знаменательно ещё и тем, что сюда же, но в пору, когда тут было Самарское училище, ходили учиться будущий академик Глеб Кржижановский, будущий писатель Алексей Толстой, будущий химик-нобелиат Николай Семёнов. В войну здесь разместили суворовское училище, из выпускников четырнадцать дослужились до генералов. Даже и само основание губернии когда-то было объявлено в этом же доме. Судя по степени руинированности здания, годик-полтора на то, чтобы прикрутить мемориальную доску к фасаду до того, как он рухнет, у общественности есть. Других самарских адресов Багрова пока не выявлено. Проект «Литературные адреса Самары» предлагает считать таковым адрес краевой библиотеки, в которой Багров брал книги по истории края. С таким же успехом можно предлагать считать литературным адресом Багрова здание вокзала: здесь он покупал билеты, ожидал прибытия поездов, сюда возвращался из поездок. А вот та информация, которую на постперестроечной волне предоставило ведомство, изъявшее когда-то Багрова из числа живых, требует тщательной сверки с реальностью. То ли всемогущее ведомство не сумело установить действительную фамилию Багрова, истинный его день рождения и сосчитать количество его братьев и сестёр, то ли, что вероятнее, намеренно запустило дезу, чтобы будущие исследователи не взяли верный след.

В ночь с февраля на март 1938-го года на Самарской луке стояли двадцатиградусные морозы. Днём потеплело, но несильно. Месяц обещался быть лютым. Так и вышло, подтаивать начнёт только в последних числах. Самую лютость природа прибергла к середине месяца. В ночь на пятнадцатое столбик термометра потянулся к минус двадцати, с первыми лучами солнца пополз вверх, но так и застыл лишь чуть выше пятнадцати. В НКВД Куйбышевской области на этот день был запланирован убой. Из камер выводили тех, кого сегодня будут убивать. Имён тех, кто будет их убивать, нам знать не положено. Обнародование имён убитых государство начнёт через восемнадцать лет и завершит через пятьдесят четыре. Всего три десятилетия назад родственники последних пятнадца-

МИР – ОТЕЧЕСТВО

ти жертв смогут узнать, как и когда на самом деле окончились жизни их близких. Зайдя на сайт «Открытого списка» и установив в графе «место смерти» Куйбышев, а в графе «дата» 15.03.1938, проникнемся сочувствием и к убийцам. В этот мороз им предстоит убить пятьдесят жертв. Мало того, ещё и скрыть следы захоронения. Настолько успешно, что оно неизвестно и поныне. Справедливости ради, государство всегда подсуживало этой команде.

Виктор Багров был осужден в последний день предыдущего года, так своеобразно его поздравили с Новым 1938-м Годом. Арестован за три недели до этого. Три недели активных следственных действий. И два с половиной месяца ожидания смерти. Сейчас уже можно с уверенностью утверждать, что заговор самарских писателей был. Цели и мотивы отражены в протоколах, разумеется, в грубо окарикатуренном виде. Ну, извините, не Львы Толстые протоколы писали. Разрешение «физических методов воздействия», конечно, могло кого-то из следователей слишком довериться царице доказательств – признанию. Кого-то из подследственных могли, конечно, загрести под горячую руку. А потом методами следствия принудить наговорить на себя и других напраслину. Но... я сейчас скажу чрезвычайно непопулярную вещь... В целом, мораль чекистов не диаметрально отличалась от морали тех, чьи дела они вели. Тех, кого, в случае установления вины, должны были покарать в соответствии с законодательством. Они дети одного времени, представители одного психологического типа. Могли поменяться местами. Что иногда и происходило. Повторюсь, факт фронды очевиден даже из той десятитысячной доли информации, что утекла в свободный доступ. Наказание за эту фронду из сегодняшнего дня кажется чрезмерным? Нам ближе позиция жертвы, чем позиция палача? Я в этом не уверен. Разве быть жертвой – «успешно»? Быть терпилой – круто? Победителей не судят. Даже если победители слегка погорячились или в чём-то ошиблись. В чём ошибся Виктор Багров? А вот в том, что «не как все».

Уверен, что у большинства его одноклассников по школьной фотографии всё сложилось хорошо. Женились. Нарожали детей. Уже и правнуки, наверное, есть. Вот мы и есть их правнуки. Потому что эти, с закушенной губой и кривобокими воротниками... потому что нам не хватило духа самим стать такими, чёрт подери! Потому что мы знаем, рано или поздно правнук посмотрит на тебя, и спросит: прадедушка, почему ты жив, а он нет? Почему не ты сдох? И с ненавистью увидим в собственных правнуках знакомые закушенную губу и кривобокий воротник.

Георгий Квантришвили

Виктор БАГРОВ

**Из главы VII. Пугачевцы в Самаре
поэмы «Емельян Пугачев»**

Тужат леса по далекой грозе,
Волга лежит оловянной подковой.
Рубленный город стоит на косе,
Льдами двух рек, что железом, окован.

Степь под раскаты снега намела,
Солью посыпала черные пашни.
В заячьих шапках стоят купола,
Избы посадские, старые башни.

Рыбой, овчинами город пропах.
Меркнут кресты золотые в буране,
Мечутся псы на железных цепях,
На сто замков заперлись самаряне.

Город готовился к Рождеству,
Постно и медленно в колокол били,
Жирных свиней на задворках палили.
Слава обжорству и торжеству!
Город готовился к Рождеству.

Вьюгой гонима под кров кабаков,
Дует в ладони, хрипит с перепоя
Голь переметная – перекасти-поле,
Да мастера по ночному разбою –
Соколы из жигулевских лесов.

В кружках кабацких – огни фонарей,
Поздние ночи да желтые зори,
Вольница снова рвалась с якорей
В горький запой, в разливанное море.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Только и ждали, чтоб нож за кушак,
Выплеснуть злобу в похмельном угаре.
Медным набатом гудело в ушах
Имя мужицкого государя.

<...>

А в магистрате ахи да охи...
Шли, отдуваясь, в широкую дверь
Волчий тулуп, чернобурые дохи,
Красным пожаром напуганный зверь, –

Вся городская мошна. Старожилы.
Сила казны на земле и воде.
Выжиги старые, тертые жилы,
Крепкий народ – борода к бороде.

Да вспоминали про славные годы,
Про недалекие те времена:
...В степи ордынские, в ясные воды
Крепость смотрела, крепка и грозна.

Дважды вставали с ногайских урочищ,
В молниях сабель, в багряной пыли,
Грозные тучи разгневанных полчищ,
Падали гривы до самой земли.

Бревна раскатов дрожали от воя,
Степь закипала под жарким конем, –
Выломать начисто, выжечь огнем
Башни, проткнувшие небо родное,
Жить-кочевать в нерушимом покое
Зверем несчитанным в поле родном.

Но отступали в степные туманы
Кровь отмывать с притупленных клинков,
И утвердились мечом самаряне
В крепости тесной на веки веков.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Баржи сплавляли на веслах и волоком,
Правили бранный бесхитростный труд.
Царь Михаил им пожаловал колокол,
Звонкий, как ветер, шестнадцати пуд.

Слышали б с дальних татарских ночлегов,
Что нерушима орда под Москвой,
В дни мятежа и кровавых набегов
Плакал бы колокол тот вестовой.

Но покорился степняк. Воеводы
Вывелись начисто. Город одрях.
И потекли захолустные годы
В праздниках пьяных, в грошовых торгах.

Вал осыпался. И колокол царский
Отдан соборному пономарю,
Пьяный трезвон разливается в пасхи,
Стонет постом, отбивает зарю.

...Так вспоминали про все понемногу,
Тут краснобай размахнулся – и хлоп.
Рано-де колокол отдали богу,
Жиром заплыли, забыли тревогу.
Посохом в пол загремел протопоп.

<...>

Думали долго, по старым заветам,
Прятали глаз, шевелили перстом.
– Што бы отец протопоп присоветовал –
Как их встречать? –
 Над мудрейшим советом
Встал протопоп:
 – Со крестом.

<...>

МИР – ОТЕЧЕСТВО

– Е-э-дут!

И выплыли легкие кони
Из перелеска далекого...

– Вдарь!

И, покрестясь, поплевав на ладони,
Медный язык раскачал пономарь.

И расплескал из братины пудовой
На перекрестки, на крылья полей
Тысячелетний, густой и медовый
Звон колокольный, браги пьяней.

Уж не весна ли раскинулась станом
В городе тесном? Цветов намела,
Расколыхала колокола.

Шубой малиновой, синим кафтаном,
Да полушалком букетовым, пьяным
Снежная улица вдруг расцвела.

И расступилась. Тогда из ограды
Вышли старшины торгового града,
Выплыли древние образа,
Солнце огнем запалило оклады,
Било в заплывшие жиром глаза.

И растекалось по бронзовым латам
Строгих икон. Колыхалась свеча
Пламенем бедным, сверкала парча,
И полыхал в кулаке волосатом
Крест золотой, наподобье меча.

Так потекли в городские ворота.
Два казака проскакали верхом.
Маршем прошла гарнизонная рота,
Выкинув знамя. А в толпах народа
Хмель подгулевым бродил ветерком.

Хмель, побратим золотого веселья,
К воле на пьяное шел новоселье,

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Он сладкогласных не пел тропарей, –
Сердцем летел он к седым перелескам,
Он разгибал красовитым невесткам
Тонкие стрелы сурьмленных бровей.

Он сторонился толпы богомольной
Жадных купцов, что дрожат за карман.
Дрогнул народ, и под звон колокольный
В город со славой вступил атаман.

Мчатся по улице. Вот они – близко!
Шапкой докинешь. Идут на рысях
Бородачи из степного Яицка, –
Иней пушистый лежит на усах.

Дрогнула улица в радостных криках,
Дрогнуло желтое пламя свечи.
Вот они, страшные пугачи!
Вьются хорунги цветные на пиках;
Скачут татарские ухачи.

От вершников, от знамен с канителью
Веяло степью, огнем и метелью,
Холодом, кровью и дымом костров.
И поклонились до самых подков
Шапкам казачьим и конским подпругам
Под несмолкающий красный трезвон
Медное кружево древних хоругвей
И бахрома гарнизонных знамен.

И к полыхающим ризам парчовым,
К древкам, приклоненным к белой земле,
Конь подарённый самим Пугачевым,
Мчит атамана в киргизском седле.

Мчит, задыхается бешеным храпом
И, поскользнувшись, осел на лету.
Снег с бороды отряхая, Арапов
Шагом широким подходит к кресту.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

По-тараканьи играя усами,
Хмуро столпились за ним степняки –
Шапки на лоб и в ножны побросали
Необагренные тесаки.

Понял татарин: не будет дувана.
Перемигнулись старшины: пора!
И положили к ногам атамана
Плаху саженого осетра.

И потекли дорогие подарки
Щедрой рукой от купецких щедрот:
Вина в бочатах, хрустальные чарки,
Гнезда медовых слезящихся сот.

Перемешались, поплыли знамена
К церкви. Во славу царя мужиков
Грянули «многая лета» с амвона,
Здравицы грянули у кабаков.

<...>

Пенная туча плыла из-за гор.
За непогодой, за кипенью снежной,
Крадучись, к Волге спешил майор,
Мчались драгуны на город мятежный.

Шли, увязая в снегу, егеря.
День занимался ненастно и долго.
В мутной дали погибала заря,
И расступились вокруг соколя –
В логове белом раскинулась Волга.

Кончился, кончился длинный поход,
Город мерещится в мороке слитом.
Первые кони ступили на лед,
Пробуя наст осторожным копытом.

Трубы не пели, не бил барабан,
Грудью коня разрывая буран,

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Муффель во мгле помаячил рукою.
– Эй, офицеры! Построить скорей!
Видите – вот он стоит на горе
Город разбойный, гнездо воровское.

Черною тучей команда плыла,
Только звенели в тиши удила,
Будто бы ветром задетые струны.
Конница выгнулась на два крыла:
Слева – казаки, справа – драгуны.

Стала лебяжьи постели вьюга,
Стлала постели, чтоб крепче уснули
Те, кого сабля уложит в снега,
В жарком бою убаюкает пуля.

Ветер трепал снеговые кудели,
Но за снегами, за ревом метели
Бухнули в городе колокола.
И, рассекая буран, налетели
Сабли, сверкавшие в диком веселье.
Кони неслись, закусив удила.
Колокол выл, и повстанцы ревели:
– Гей, казаченьки!
– Алла-бисмилла!

<...>

Сшиблись противники в яростном реве,
Вот опалила уже лезвие
Кровь, – и тогда, стервенея от крови,
Ринулись потные лошади в мыле,
Люди сошлись – и рубили, рубили,
Не различая уже ничего.

И разлились, раскатились по Волге
Пенные волны кровавой гульбы,
Лошади ржали и грызлись, как волки,
И обнимались, взлетев на дыбы.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Сзади кривые мужицкие косы
Тож на кровавыеплыли покосы,
Город платками помахивал им.
И подломили врага пугачевцы,
Страшные диким бесстрашьем своим.

Дернулся Муффель, бледнея от злости,
Видя, что счастье дается врагу.

Он заревел:

– Порутшик фон Горстен!

Бросьте на грязную сволош драгун!

За поволокой сплошного бурана
Выловил зоркий зрачок атамана
Конную роту, что мчала в обход.
– Не распаляйтесь, ребятушки! Рано.
Передавайте приказ атамана:
Бросить врага, отступить до ворот.

Разгоряченные, неохотно
Всадники повернули к стене.
Снег окровавленный таял на потных
Спинах казаков, на крупах коней.

Мчался Арапов в прожженном кафтане,
Ражий детина отплевывал зуб.
Снег разметая, распластанный труп
Плыл у копыт на татарском аркане,
И волочила собака за чуб
Голову чью-то. В кипучем буране
Сабли сверкнули десятками лун, –
Выплыла свежая рота драгун.

Вот уже видны кричащие губы,
Кто-то потопан передним конем,
Взмах атаманской руки – и раструбы
Пушек мятежных рыгнули огнем.

Красные брызги картечного града!
Взвихрили снег под копытами ядра,

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Шлепнул с разлету пудовый чугун
Первую лошадь по выгнутой шее.
И отлетел на четыре сажени
Отвоевавший навеки драгун.

Кони запрыгали в бешеном танце,
Часто стреляя, бегли егеря,
Но недоступно стояли повстанцы
Около вала под крышей огня.

Муффель скакал меж рассыпанных кучек,
Плащ развевая вороньим крылом,
– Што же замешкались? Што же, порутшик?
Рявкнул фон Горстен:

– Драгуны!
На слом!

В свисте мелькающих стрел и метели
Ринулись в бой голубые плащи.
И прорвались сквозь огонь, налетели,
Взвизнув, ударили в палаши.

Смяла повстанцев тяжелая рота,
Взвыли драгуны и на плечах
Сбитых противников мчали в ворота,
Гнали сквозь город, конями топча.

К полдню все кончилось.
Кровью закапав
Степи на многие версты вокруг,
С парюю сот уцелевших Арапов
Скрылся в сугробах за пологом вьюг.
Путь оставался один – в Бузулук.

В городе гнали нагайками пленных,
Там еще слышался сабельный свист.
Сбитый прикладами в снег бургомистр
Слезно прощенья молил на коленях.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

А через площадь драгунская свора
За голубую ограду собора
Взмахами сабель гнала горожан.
Прядью закрыв кровенеющий лоб,
Там в облаченье стоял протопоп,
Крест в кулаке волосатом дрожал.

Хмуро он слушал рыдающий плач,
Хмуро смотрел, как расставили возле
Для наказанья высокие козлы,
Кнут трехаршинный расправил палач
И замахнулся.

В холодном поту,
В злобе, в рубцах багровеющих,
страшных
Первый мятежник завязывал гашник
И подходил для присяги к кресту.

Юрий АНДРУХОВИЧ

Этюд с воронами

На белом свете столько ирреального
что трудно твёрдую найти основу
стоим за пивом возле кафедрального
и серый день мурлычет босанову

На город оттепель с утра нахлынула
автобусы приходят и уходят
а пиво льётся в кружки тёмной глины
и пена встала над янтарной податью

Мы этого тепла так долго жаждали
как мёрзлые побегии винограда
вороны словно маленькие ангелы
расселись на фронтоне чёрной радой

И тает снег в котором понамешаны
песок и соль, земной судьбы мерила
а мы теплом на наши кружки дышим
и смотрим на обличье чёрных крыльев

Капитанская вдова

У вдовы капитана трое белых мышей
жили в ящичке под рукомойником,
а ещё у ней был певчий кенарь Мишель
и сопливчики треугольником.

Но не видел никто, где ночует она,
по каким катакомбам творит свои службы.
Иногда Шлёма Фишер давал ей банан,
иль иной какой овощ по дружбе.

МИР – ЧУЖБИНА

(Самый старший же из Андруховичей
хлеба ей добавлял к тому овощу.)

Королева трущоб в своём чёрном платке,
лист капустный среди георгинов.
Ну а тот капитан – что за овощ он был,
если умер совсем молодым он?

К водокачке ходила она по утрам
в зимних сумерках богобоязненно,
чтоб студёная эта святая вода
смыла все её будни и праздники.

А потом расстилала полотна платков
на растительных рёбрах решёток,
и прилюдно сушила их в глубокой тоске,
неуместная, как пережиток.

А не стало её – так и Рынок зачах,
лишь пустыни пески её след заметали.
Улетела, сказали, на белых платках.
Или просто её унесли санитары.

Вольф Мессинг. Изгнание голубей

Имел я одну болезнь, лучше сказать, способность:
голубя и голубку в моей черепной коробке.
В мою вопящую докрасна ротовую полость
заглядывали знахари, врачи и другие огрёмки.

Как я гордился вами, летающие кристаллы,
пернатые мои мучители с самых давних полотен!
Всё лето тёрлись во мне крылами и ворковали,
основав у меня в голове городок Воркотин.

А осенью рухнул с неба фокусник недозревший.
Подслушивал стетоскопом, как живёт эта пара.

МИР – ЧУЖБИНА

Весь город пришёл посмотреть, как он это делал.
Я тогда объяснил: «Вылетать пора им».

Они вылетали на свет через отверстие рану
или мой третий глаз (я его не закрыл).
А этот поганый пёс достал из кармана браунинг
и одною пулей тех голубков разлучил.

Стал я смиренный, вовсе не желаю сердиться,
никаких отклонений – вежливый и тактичный.
И не потому, что убиты прежние мои птицы,
а потому, что ношу в голове тёплое их яичко...

Цыган Василий

На невестах чужих – пояса, как табу.
Остаёшься один, и над глиной постишься...
Вылетает на площадь полночный табун –
и сбегаются кони на бешенный свист твой!

Если ты не скрипач, то тогда конокрад!..
И из глины цветной лепишь ты амазонок.
Свет горит надо лбом (лбом ты, словно Сократ),
и растут монументы, как лес, всесезонно –

столько плоти промял, словно грек-ворожей,
ощутив её всю от ключиц до голеней,
чтобы топот копыт ухватить посильней,
от девчат до ветвей распахнулся твой гений,

ты менял, кочевал, забывал свой обет,
сколько в парке осталось чудесных купальщиц
(а одна до сих пор романтично гребёт), –
улыбаясь, глядишь на наслюенный палец.

Только небо стекает дождями сквозь свет.
Для чего мне уют, на какую потребу?
Всё смешалось: работа, и глина, и хлеб.
Как полночный табун, ты взлетаешь на небо.

Старый Олейник

Ремонтировать зонтики – можно сказать, развлечение.
Разбираешь его, словно куст из костей и бамбука,
и смеёшься, про всё позабыв, и глядишь с наслаждением,
и читаешь дождей прошлогодних размытые буквы.

А его мастерская – часовенка в нише замшелой стены,
и несёт к нему зонтики меланхолический город.
В тех шелках на просвет все амуры прекрасно видны,
и лемуры не спят, и лелеют свой масляный голод.

Там летает китайский дракон, и другая ещё экзота:
орхидеи, магнолии (радостью пышной, нескромной).
А иные зонты – словно чёрной тоски немота,
или дыры в глубинах галактик, или просто вороны.

И конечно, он любит под кайфом читать нам нотацию,
несуветную, надо сказать, и ни склеить её, не понять.
Не допив свою кружку, шагает он по автостанции,
так что все иезуиты на это явление из окон глядят.

Есть вопрос: ради старых зонтов стоит жить ли на свете?
Подходящая тема для всех наших местных философов.
Называли его «параноик», а он между этим
три войны пережил, а ещё пережил трёх Иосифов.

Так что он, никого не спросясь, покидает замшелую нишу,
и с недóпитой кружкой шагает – без цели, без денег.
Он пройдёт мимо нас и за угол свернёт, и никто не услышит,
как окликнут его прямо с неба: – О, пане Олейник!

Элегия посленовогоднего утра

Вот проба написать стихи про нас,
о том, как были мы от счастья пьяны.
Каким вином, каким лихим обманом
вливался в наши горла щедрый час!
Мы жили так, как будто пели джаз.
А может быть, на камерных концертах
нас ждали, только мы брели в снегах
наверх, туда, где стайка мелких птах
кричала что-то о любви и смерти:
так думал я среди этой круговерти.
Но кто ещё мог знать о тех следах?

Ты, Игорь, всё дудел во свой рожок,
в котором музыканты трёх столетий
искали кайф и истины приметы,
а нам достались суета и шок,
и стайка птиц, и молодой снежок.

А город был таким чудесным местом! –
как самый удивительный офорт.
Дыханье вырывалось из аорт,
следы читались слаженно и чисто,
и я окликнул пса негромким свистом,
как будто он был брейгелевский хорт.

Но я про главное забыл вполне:
то был январь, все Новый год встречали,
и по домам бесчувственно лежали
гуляки, что наклюкались до не-
пристойности, а ты пришла ко мне,

опять другая, этой снежной ночью,
я помню руки на моих плечах
и что-то тёмное в твоих очах,
но где кретин, который верил в очи?
я подбирал ключи, слова пророчил,
но ближе к утру мой поэт зачах.

МИР – ЧУЖБИНА

А там внизу трамвай так мирно полз,
совсем пустой, и не было нам дела
до этих дел; одна душа звенела
над ним, она замёрзла и летела
к Петру и Павлу, в лоно чутких поз.

Как тяжело возвращаться на равнину
по этой леденящей мерзлоте,
или скатиться вниз на животе
в ту улочку, что выгибала спину
под маскароном с бородой козлиной
в мир пьяниц, переулков и святых,

где не заснув нисколько, как радар,
измена сны крушила без пощады,
а сникнувший библейский виноградарь
распят был на воротах, точно встарь.
И музыка звучала, словно дар
(хотя её забрякала эстрада).

Туда, где всюду застоялся сон –
тяжёлый, посленовогодний, вечный,
туда, где каждый пьяный был нам встречный.
А каждый встречный – пьяный, в унисон
запели мы, забывши про фасон.

И были мы – бродячие актёры,
а Игорь на рожке играл, как ас.
Когда наивно веришь ты в Парнас
или в Прованс, ты можешь двигать горы;
вот так вслепую мы пошли по морю,
и ты, и я, и все около нас.

Перевод Андрея Щетникова

ПОСТСКРИПТУМ

Елена КАРЕВА

Феерия года: Уэльбек, Пелевин и Фигль-Мигль...

М. Уэльбек, Серотонин, АСТ, Мск, 2019, 315 с.

«Каптон мгновенно продемонстрировал свою исключительную эффективность, дав возможность пациентам с вновь обретенной уверенностью вернуться к основным ритуалам нормальной жизни в развитом обществе (личная гигиена, социальные связи, сведенные к добрососедским отношениям, элементарные административные процедуры), совершенно при этом не усугубляя, в отличие от антидепрессантов предыдущего поколения, склонности к самоубийству и членовредительству. Наиболее распространенными побочными эффектами капторикса являются тошнота, потеря либидо и импотенция». (На слове «тошнота» я почему-то представляю обложку одноименной книги Жана-Поля Сартра). Используя его собственное выражение, Уэльбека на этот раз *постигло* нечто эпохальное. Серотонин – из тех романов, на страницах которых зарождается, разворачивается и протекает целая жизнь, и мир (вместе с читателем) меняется необратимо. Из тех, которые можно и нужно перечитывать, открывая новые грани смысла, зашифрованного в истории. Классический роман, слухи о смерти которого сильно преувеличены – они начинаются каждый раз, когда некому поднять тему. Уэльбеку под силу. В принципе, приведенной цитаты достаточно; это авторское резюме, наверное, *поздняя вставка*, что понимаешь после того, как книга прочитана.

Речь в Серотонине идет о поколении восьмидесятых. Не так давно в сети была дискуссия на тему: почему больше всего разговоров о именно об этом поколении? Думаю, основных версий две: это дееспособное на данный момент люди, ещё не старые – главному герою, Флорану Лабрусту, сорок шесть лет. Вдобавок, их юность выпала на последнее десятилетие перед переездом в сеть, что ознаменовало кардинальное изменение эпохи. «Белокурый, кудрявый Эмерик, носивший рубашки в стиле канадских лесорубов, выглядел типичным фанатом гранжа, только он не ограничился *Nirvana* и *Pearl Jam*, а добрался до самых его истоков, в его комнате все полки были уставлены винилами 60-70-х годов, их тут были сотни: *Deep Purple*, *Led Zeppelin*, *Pink Floyd*, *The Who*, попадались даже *The Doors*, *ProcolHarum*, Джими Хендрикс и *Vander Graaf Generator*... *YouTube* ещё не появился, и практически никто в то время эти

ПОСТСКРИПТУМ

группы не помнил, во всяком случае, для меня они стали ошеломляющим открытием, и восхищению моему не было предела». Характеризуя это поколение, Уэльбек говорит о двух противоположных тенденциях: «Приверженцы первой, унаследовав дух шестидесятых, превозносили свободную любовь, наготу, эмансипацию трудящихся и тому подобное. Последователи второй, окончательно укоренившейся в обществе в восьмидесятые годы, напротив, ставили во главу угла конкуренцию, жёсткое порно, цинизм и биржевые опционы, я, конечно, упрощаю, а как не упрощать, иначе мы совсем запутаемся». Побочными эффектами победы явилось нарастание психологических и психиатрических проблем в обществе людей, пытающихся приспособиться к новым, нечеловеческим правилам игры. Ведь упрощение упрощению рознь – эта мысль почти неслышно фонит после того, как роман прочитан; в хорошем тексте практически нет случайных слов.

Фантастический антидепрессант, повышающий уровень серотонина в организме, как раз возвращает человека к норме текущего времени, но грозит приведённой в медицинском описании триадой осложнений. По сути, это плата за стабильность, если можно назвать стабильностью устойчивое сползание за критические границы здравого смысла и психологического комфорта. Как это происходит в частной и общественной жизни, на макроэкономическом уровне, живописуют две основные сюжетные линии романа. Если говорить о нём на уровне идеи, то Серотонин – роман о роли отвлечённых схем в жизни людей; о том, что вирусные схемы (экономические, идеологические, что, впрочем, на определённом уровне одно и то же), овладевающие умами, приводят к гибели тех, кто им следует (большинство слепо, по недостатку ума или будучи ослеплёнными выгодой, меньшая часть – не имея воли и сил для борьбы), а также тех, кто пытается им противостоять в неравной борьбе – всё уже так далеко зашло, что у них просто нет шансов.

В принципе, это центральная тема литературы вообще, поскольку способность делать неочевидный выбор и жить своим умом является отличительной особенностью человека (хотя с упорством, достойным лучшего применения, большая часть людей пытается именно это бремя и сбросить со своих плеч, в настоящее время – переложив его на искусственные автоматизированные системы). Проблема заключается в том, что нравственный выбор может быть различным во внешне сходных ситуациях, и одних аналитических способностей для его осуществления недостаточно. Тут нужно что-то ещё, потому что в мире тоже есть что-то ещё, кроме внешнего. Проблема в том, что это «что-то ещё» трудно уловимо и является предметом дискуссии, а человек сначала должен

ПОСТСКРИПТУМ

научиться следовать схеме, чтобы потом в нужный момент её сломать, и момент выбора точки слома – не менее тонкий. Это и есть свобода выбора, которая, если воспользоваться прекрасной пелевинской формулировкой, есть осознанная необходимость сделать его правильно. И при общей постоянной тенденции к опрощению литература старается не дать забыть об этом.

На уровне социума Уэльбек иллюстрирует эту мысль на примере следствий глобализации, в частности, краха сельского хозяйства Франции, которая, вводя квоты, диктуемые ЕС, теряет традиционные технологии и виды продукции (в романе в качестве примера это сыры "великой нормандской триады": камамбер, пон-левек и ливаро). На смену местной продукции приходят продукты из-за океана (молоко из Аргентины), неотвратимость чего, а также последствия, прекрасно понимает главный герой, поскольку он работает в этой области аналитиком. А последствия – это крах традиционного регионального сельского хозяйства и разорение фермеров, вынужденных бросать насиженные места и менять весь уклад жизни; разрушаются семьи; и не все с этим согласны. Часто подобные истории заканчиваются столкновениями с властями (тут все рецензенты хором пишут о «жёлтых жилетах» и прозорливости автора), нередко – самоубийствами отчаявшихся людей.

Такова история Эмерика – друга главного героя, представителя древнего аристократического рода, который после получения профильного высшего образования пренебрёг гарантированной карьерой (его приглашали в Danon) и отправился в нормандскую глубинку. Будучи, как и полагается потомственному аристократу (или как он сам представлял себе это), патриотом своей страны, он решил поднимать сельское хозяйство Нормандии. В результате ему вместе с семьёй пришлось работать сутками (своих коров местной породы – они, конечно, давали немного меньше молока, но зато лучшего качества, – Эмерик доил сам), без отдыха и, не добившись хоть какой-то помощи от местной администрации (даже в разрешении на открытие шарм-отеля им было отказано) распродавать земли, чтобы как-то свести концы с концами. В результате жена от него ушла (к с лондонскому пианисту – похоже, Уэльбек подкорректировал Крейцерову сонату; интерес к русской литературе на страницах романа демонстрируется устойчивый, и дай Бог читателю уэльбековской эрудиции в этой области – автор цитирует Некрасова, рассуждает о Мёртвых душах и Достоевском), а он сам, возглавив забастовку фермеров, перекрывших трассу, по которой из порта шли цистерны с аргентинским молоком, застрелился на камеру центрального новостного канала.

ПОСТСКРИПТУМ

«Внезапная смерть Эмерика в кузове пикапа «ниссан-навара» на мой взгляд, противоречила, но в то же время вполне отвечала предназначению его семейства. Интересно, что сказал бы его отец; он умер с оружием в руках, встав на защиту французского крестьянства, что издавна являлось миссией дворян; с другой стороны, он совершил самоубийство, что никак не походило на кончину рыцаря-христианина; было бы предпочтительней в конечном счёте, чтобы он отправил к праотцам пару-тройку спецназовцев».

Перед тем, как выйти из игры, Эмерик тоже размышлял о своём отце: «Ужасно то, что этот человек за всю свою жизнь не сделал ничего полезного – знай себе разъезжал по свадьбам и похоронам, иногда отправлялся на псовую охоту, время от времени выпивал в «Жокей-клубе» и, мне кажется, обзавёлся парой-тройкой любовниц, ничего выдающегося, зато наследие Аркуров пребывало в целостности и сохранности. Я же пытаюсь что-то создать, пашу как лошадь, встаю каждый день в пять утра, вечерами занимаюсь бухгалтерией – а в результате, как выясняется, только разоряю семью...» Вот, собственно, и ответ – один из ответов: если даже наследственная аристократия выбирает стратегию личного выживания в ущерб национальным и государственным интересам, то что говорить о классе наёмных топ-менеджеров, в том числе политических. Эмерик не сделал ни одного выстрела по спецназу, чтобы не спровоцировать ответный огонь (но всё же двадцать фермеров были убиты впоследствии), так же, как не сделал ничего плохого покинувшей его жене, которую он любил, и без которой его жизнь опустела. Да, он совершил самоубийство во многом вследствие личной катастрофы, но его личная катастрофа отчасти явилась следствием недальновидной политики государства, лишившего семьи людей, подобных Эмирику, поддержки. Его смерть была смертью отчаявшегося героя-одиночки, и Уэльбек противопоставляет её бездумной рутине выживания среднестатистической массы. К которой, несмотря на все свои таланты, относится центральный сюжетобразующий персонаж – Флоран.

Формально Флоран с Эмириком – друзья со студенческих времён, но фактически жизнь развела их по разные стороны баррикад, хотя в пространстве романа они коротают свои одинокие вечера вместе за бутылкой, один – вина, другой – водки. Последний, конечно, – загнанный в угол и затравленный жизнью Эмерик, хозяин замка. Обречённость Эмерика отчётливо понимает прекрасно информированный в силу своей профессии Флоран, и даже чувствует себя предателем поневоле, но, будучи человеком иного склада, он убеждён, что поделаться ничего нельзя. Всё, на что в отличие от Эмерика способен сам Флоран, это мелкий

ПОСТСКРИПТУМ

скрытый оппортунизм, типа выведения из строя индикаторов табачного дыма в гостиницах (тоже тема пары последних десятилетий). В остальном же поступая «как все», Флоран никогда не знает, что сказать в решающий момент «от себя», когда усвоенная в обществе линия поведения заводит в личный тупик, и он никогда не берёт на себя ответственность ни в социальной, ни в профессиональной, ни в личной сфере, предоставляя событиям идти своим чередом. И, тем не менее, эта конформистская схема также приводит его к катастрофе, как и Эмерика, за которым Флоран наблюдает с острым сожалением, и в меру своих представлений даже пытается спасти, хотя бы советом (здесь идёт цитата из Трёх мушкетёров о том, что люди либо не просят советов, либо им не следуют; французских цитат в романе, конечно, тоже достаточно: это Бодлер, Паскаль, Руссо, Арагон и т.д., а кроме того, есть даже подробный разбор Child in time Deer purple).

Но если Эмерик умер в конечном счёте за свои идеалы, и смерть за идеал выглядит актом веры в то, что смертью жизнь не исчерпывается, то Флорану остётся просто ждать своей бессмысленной гибели как избавления от страданий, без надежды на спасение. Даже гостевого места в монастыре на Рождество ему не нашлось. Флоран, как типичный представитель своего поколения, когда-то выбрал путь наименьшего сопротивления и плывёт по течению вместе с эпохой. Происхождение его, в отличие от Эмерика, не совсем ясно. Эта фигура возникает из какого-то тумана, если не вакуума. Она как бы внеисторична; апофеоз индивидуальности, продукт возрождения, просвещения, французских революций и, наконец, демократии, что и привело к настоящему положению вещей.

Мы мало знаем о Флоране, кроме того, что ему не нравится его имя, и у него нет связи с поколением родителей. Его родители совершили двойное самоубийство, когда у отца обнаружилась неоперабельная опухоль мозга; матери было 59 лет, и она была абсолютно здорова; но, даже когда они были живы, их мир был герметичен, они не нуждались ни в ком другом. Получивший неплохое наследство Флоран вполне приспособился к правилам игры в современном мире, он высокооплачиваемый специалист, не испытывающий проблем с работой. Что касается внутренних обстоятельств его жизни, то мы застаём его в момент осознания того, что он погиб, что его мир рухнул безвозвратно. Флоран ни шатко, ни валко лечится от депрессии, впрочем, отдавая себе отчёт в том, что умирает, потеряв любимую женщину.

Действие романа охватывает период, в течение которого герой осознаёт причину своего краха и находит в себе силы назвать вещи сво-

ПОСТСКРИПТУМ

ими именами. Его рассказ, поначалу немного запутанный и невнятный, приобретает черты пугающей ясности к концу, отражая ступени его самоанализа. В отношениях с женщинами он сначала предстаёт плейбоем, с другой стороны, читатель сталкивается с попыткой самоубийства уже на первых страницах. В конечном итоге становится понятно, что это и есть отправная и конечная точки его жизненного путешествия. Личная жизнь Флорана – серия катастроф по нарастающей: он теряет сначала привязанность, потом любовь, приобретая взамен сначала ненужные, затем невыносимые по степени циничности отношения (последнюю партнёршу, «чьи сексуальные услуги были высочайшего качества» – зачётную юную японскую аристократку, ему приходится сопровождать на секс-вечеринки, где она принимает участие не только в групповом сексе, но и с участием собак; он сбегает от нее, оплатив квартиру на два месяца вперёд). Ситуации дублируются с некоторым интервалом; это оттеняет статичность личности героя: поведение которого не меняется, хотя обстоятельства становятся всё хуже. И не сказать, чтобы он не думал об этом; наоборот, на протяжении романа он об этом только и думает, к тому же Флоран – повторю, – аналитик. И его анализ точен. «Юдзу всё же была на двадцать лет младше меня, так что, по идее, она всё равно меня переживёт, и даже намного переживёт, но именно такую вероятность беззаветная любовь старается не замечать, а то и категорически отрицает её, беззаветная любовь зиждется как раз на этой невозможности, на этом отрицании, и уже не важно, продиктовано ли оно верой в Христа или приверженностью проекту бессмертия, разработанному Google, беззаветно любимый человек просто не может умереть, он бессмертен по определению, реализм Юдзу был всего лишь вариантом отсутствия любви, и это её увечье, отсутствие любви, уже не подлежало излечению, в одно мгновение она вышла за рамки романтической, беззаветной любви, войдя в пределы любви по расчёту, и вот тут я понял, что всё, нашим отношениям пришёл конец и лучше завершить их побыстрее...» Но что-то очень долго, фатально долго не даёт ему перейти от анализа к выводам. Возможно, их неутешительность.

Тут(после подробностей описания интимной жизни Флорана) самое время поспорить с Википедией, которая относит Уэльбека к представителям эротической прозы. В описаниях сексуальных сцен он просто порнографичен, этого можно не любить (я и не люблю), но приходится считаться с тем, что проза Уэльбека существует здесь и сейчас, когда порнография является приметой времени, утвердившего категорию «для взрослых» в качестве равноправного продукта на рынке товаров и услуг. Не могу не вспомнить А. Алексеева: «почему априорно //

ПОСТСКРИПТУМ

раздражает народ //наше жёсткое порно – //от любви антидот». Времена таковы, каковы нравы. Нравы теперь диктует экономическая целесообразность, а она заменяет чувства чувственностью, симпатию и дружбу – взаимовыгодными отношениями, профессионализм ограничивает способом зарабатывания денег. Невинной (или всё же не такой уж невинной?) жертвой этого подхода и падает в конечном итоге главный герой – когда разверзаются бездны, и обнаруживается, что действительность совсем не такова, какой предстаёт в рекламе. А бездны разверзаются, хотя внешне это не очень заметно, пока герой ходит на приём к доктору за рецептами на серотонин, и кочует по гостиницам и съёмным поместьям, но он падает, падает, и ему не за что зацепиться, кроме воспоминаний и связанных с ними мыслей, но они не спасают – скорее, наоборот.

Размышляя, Флоран приходит к любопытным обобщениям, касающимся любви и различий её механизма в зависимости от пола. «Возможно, на этом этапе мне следует внести некоторые уточнения по поводу любви, адресованные скорее женщинам, ибо женщины плохо понимают, что такое мужская любовь, отношение к ним мужчин и их поведение неизменно приводит женщин в замешательство, они часто приходят к ошибочному выводу, что мужчины любить не способны, крайне редко догадываясь, что само слово «любовь» описывает у мужчин и у женщин совершенно разные реалии». Они высказываются от лица Флорана, и их хочется цитировать бесконечно. «Женская любовь – это сила, сила созидательная, тектоническая, женская любовь – это один из самых величественных катаклизмов, явленных нам природой, и к ней следует относиться с опаской <...> эта новая сущность (*женщина – примечание автора статьи*), совершенная уже по сути своей, как подметил Платон, может иногда усложниться до семи, но это, в общем, мелочи, что бы ни думал по этому поводу Шопенгауэр, во всяком случае, женщина полностью посвящает себя этой задаче, самозабвенно погружается в неё, отдаётся ей, так сказать, телом и душой, впрочем, она особо их и не различает, разница между телом и душой для неё не более чем бессмысленные мужские заморочки. И ради осуществления этой задачи, которая таковой, собственно, и не является, ибо это всего лишь проявление жизненного инстинкта, она, не колеблясь, готова пожертвовать собой.

Мужчина по природе своей более сдержан, он, конечно, восхищается этим вихрем чувств и уважает его, недоумевая, правда, с чего вдруг это на него обрушилось, ему кажется странным такой переполох. <...> Необычайное наслаждение, доставляемое женщиной, постепенно преобразует мужчину, в нём просыпается благодарность и восхищение, трансформируется и его видение мира, и совершенно неожиданно, на

ПОСТСКРИПТУМ

его взгляд, он приходит к идее уважения в кантовском смысле, постепенно привыкая смотреть на мир по-другому, и жизнь без женщины (без той конкретной женщины, которая доставляет ему такое удовольствие) кажется и в самом деле немислимой, превращаясь в карикатуру на жизнь; и вот тут мужчина начинает любить по-настоящему. То есть мужская любовь – это финал, свершение, в то время как женская – зарождение, начало, и не стоит упускать это из виду».

Признаться, для меня это самый сложный момент романа (один из; есть ещё малолетняя проститутка, приезжающая на велосипеде к педофилу, косящему под орнитолога, и, возможно, не к нему одному; хотя, видимо, этот эпизод надо интерпретировать также как относящийся к духу времени – его тлетворному воздействию на подрастающее поколение). С одной стороны, эти рассуждения достаточно глубоки, с другой – они несколько ироничны; в любом случае, любовь ими не исчерпывается, тем более, что и автор монолога произносит его в начале рассказа о своём гибельном пути.

Под видом скандального романа о банальном промискуитете Уэльбек подсовывает читателю классическую трагедию, всё как в жизни. На такую трактовку работает история с ребёнком Камиллы. Камилла бежит от Флорана после его глупой и ненужной измены, которую нечем объяснить, кроме как тем, что «все мужчины таковы» (этим герой оправдывает своё поведение); на самом деле речь идёт о распущенности и душевной лени. «Она тихонько плакала несколько часов подряд, по её лицу текли слёзы, но она и не думала их утирать; это, несомненно, был худший момент моей жизни. Я ворочал мозгами медленно, как в тумане, сочиняя формулировку типа «не разрушать же теперь всё из-за простого перепиха...» или «ничего личного, я просто перебрал...» (первое утверждение было правдой, второе, само собой, враньём), но ни одной адекватной фразы, приличествующей случаю, так и не придумал. Наутро она продолжала плакать, собирая вещи, а я всё ломал голову над подходящей формулировкой, честно говоря, я провёл следующие два-три года в поисках подходящей формулировки и, возможно, так и не прекратил искать её». Но ни «я люблю тебя», ни «прости меня» Камилла до момента своего ухода не дождалась. Это не пришло в голову – почему? Потому что усвоенные с детства стереотипы поведения таких формулировок не предлагали? Это, конечно, плохо, но ещё хуже несамостоятельность мышления, пусть и спровоцированная внешними факторами. А ещё хуже – нежелание брать на себя ответственность за свои поступки, страх потерять таким образом понимаемое достоинство.

ПОСТСКРИПТУМ

Флоран не приложил усилий для того, чтобы получить Камиллу, любовь всей своей жизни – она упала в его объятия после ужаса, пережитого на промышленной птицеферме. Она спрашивала его, как такое возможно; он не мог ей ничего ответить. Ужас в том, что Флоран, не смотря на весь свой ум, сам оказался для Камиллы такой птицефермой, и она бежала от него в ещё большем ужасе, чем пришла к нему. За отсутствие должного воспитания, в том числе чувств, и адекватной системы ценностей и картины мира в голове приходится расплачиваться лично и страшно. Вот, собственно, истинное лицо Уэльбека, и то, что он хочет сказать читателю, коварно скрывая свою мысль за поворотами лихо закрученного и сдобренного фривольными сценами сюжета. Совершенно измучившись, его герой пытается найти и вернуть Камиллу, и это становится кульминацией трагедии. Потому что у Камиллы есть сын, результат случайной связи, и механистичные рассуждения Флорана таковы: ему не вернуть Камиллу, которая не сможет ему принадлежать, пока у неё маленький ребёнок, а когда ребёнок вырастет и освободит место в её сердце, она состарится, и «её время уйдёт»; в силу своего возраста, он также боится не дожить до этого момента. А он не готов делить её с кем бы то ни было. Проводя параллель с дикими животными, которые убивают детёнышей самки от предыдущего помёта, он планирует убийство младенца (что говорит о степени его отчаяния и помешательства – но, опять же, «человеческие» способы решения проблемы в его голову не приходят; по правде говоря, общего рецепта тут и на самом деле не существует, а анализирует Флоран своё личное отношение к проблеме). Ребёнка он, конечно, убить не смог, подобно тому, как ранее не смог выстрелить даже в птицу в ходе тренировок. «У кого не хватит духу убить, не хватит духу и жить» – эта фраза бесконечно крутилась у меня в голове, не оставляя за собой ничего, кроме болевого следа». Но если для жизни и нужно убить, то уж не невинного младенца; это было понятно и Флорану. Доведённому отчаянием до звериного состояния человеку именно его человечность не даёт пойти на крайние меры; поэтому нельзя допускать потери человечности до уровня, когда ситуации становятся плохо управляемыми и просто неконтролируемыми; а это можно сказать не только о Флоране, но и о породившей его цивилизации в целом. Поэтому на этих страницах так много самоубийств.

Что ещё? Вообще, ещё много чего можно сказать об этом произведении. Скажу только, что структура построения романа интересна сравнительным противопоставлением персонажей и удвоением сюжетных ходов, наподобие двойной спирали. Пара любящих женщин, пара расчётливых нимфоманок, оппозиция Флоран – Эмерик и Флоран – доктор

ПОСТСКРИПТУМ

Азот. Флоран, видя, что дела Эмерика плохи, пытается как-то спасти своего единственного друга. Он советует найти женщину попроще (условную молдаванку), которая будет счастлива рядом с таким мужчиной, как Эмерик; Эмерик не нуждается в этих советах. Точно так же доктор Азот, к которому Флоран обращается за рецептами на серотонин (капторикс), видит, что дела Флорана плохи, и пытается вернуть его к жизни, снабжая телефонами отборных проституток; Флоран не обращает внимания на эти бумажки. Доктор Азот (насколько я могу судить, азот по-французски так и будет: азот, и в таком случае у доктора говорящая фамилия – азот не пригоден для дыхания, он вызывает эйфорию сродни наркотической, и смерть от гипоксии) предлагает секс как альтернативу таблеткам, поскольку регулярный приём серотонина (см. начало) способствует развитию импотенции. Но пациенту, высчитывающему время падения своего тела с высоты окна съёмной квартиры, всё равно: наличие потенции в отсутствие любимой женщины для него – ненужная проблема. И да, это пишет Уэльбек, тот самый Уэльбек, автор «Покорности». Не верите – почитайте сами.

В. Пелевин. Искусство лёгких касаний. Москва, Эксмо, 2019, 416 с. (Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин).

Новая книга Виктора Пелевина представляет собой произведение в трёх частях на тему счастья. К нему можно было бы предпослать эпиграфом известную поговорку: "вольному – воля, спасённому – рай", но в своего рода зазеркальном, деконструированном варианте. Деконструкция производится по линейной схеме, по мере развития сюжета, так что к концу трансформация видимого мира гарантированно завершается, и все действующие лица оказываются в Зазеркалье, среди истинных значений вещей, по этой причине изменивших своё положение относительно зрителя и друг друга. О спасении и рае речь идёт в первой части ("Иакинф"). Счастье здесь мыслится как небытие, приобретаемое актом веры (либо личной – иллюстрацией чего являются главные герои повести, – либо чужой – такова схема жертвоприношений Баалу, которая позволяет жрецу ещё немного помучиться в подлунном мире, если он не готов его покидать). Мир воли (ад существования) в противопоставлении раю небытия изображён в заключительной части ("Столыпин") и, следуя заявленной логике и убеждениям автора, логично представляет собой навязанный мир неволи, избавление от которого возможно в результате волевого акта. Но дела с волевыми актами здесь обстоят примерно так же, как и с актами веры, поэтому подавляющее большинство болтается в

ПОСТСКРИПТУМ

сумеречной зоне (не)сознания, понимая счастье по-своему и умножая свою и чужую скорбь. Серая зона располагается, как и полагается, посередине, между описанными выше крайними состояниями многострадальной и чаще всего неспособной к конструктивному выбору человеческой души. ("Свобода выбора есть ничто иное, как осознанная необходимость сделать его правильно" – Любовь к трём Цукербринам). Мысль о том, что если не рассматривать крайние варианты (счастье как небытие и бытие как высшее напряжение воли, без которого никак), то минимизация потерь возможна всегда, главное – понимание сути и правильный выбор поведения в ответ на происходящее вокруг, структурирует биомассу, распределяя её вдоль вертикальной шкалы жизненного успеха пропорционально приложенным усилиям. Но дело в том, что никакие усилия, согласно этому закону, не только не приносят счастья, но даже не дают никакой разницы в интенсивности переживания удовольствия. И для того, чтобы наслаждающийся ощутил это чувство, приходится прибегать к искусственным мерам усиления контрастности переживаемых состояний. (Как в анекдоте про раввина, который советовал бедолаге, жалующемуся на тесноту жилища, взять в дом курочку, уточку, козочку и так далее, а потом также последовательно избавляться от них до достижения нирваны). «Удовольствие и наслаждение, говорит, по своей природе не могут быть постоянными. Они всегда связаны с переходом от какой-то потребности к её удовлетворению. От жажды и голода к их насыщению, от полового одиночества к спариванию и так далее. Было плохо, стало хорошо, потом всё прошло. Каждый социальный класс удовлетворяет потребности привычным для себя образом, поэтому общее количество удовольствия в человеческой жизни почти одинаково в разных социальных стратах. Это, можно сказать, Божеская справедливость. Или природная, если ты в Бога не веришь. И раб, и Цезарь счастливы одинаково, хотя от разных вещей. Ты, говорит, математику помнишь из школы? Вот представь себе две кривые с одинаковым наклоном. У богатого она проходит в сто раз выше, но наклон тот же. Личное персональное удовольствие и есть такая производная. Высота графика роли не играет.

– Математику сворачивай уже, – сказала темнота.

– Сейчас, – ответил Плещ, – там два слова осталось. Но природу, говорит он, можно обмануть. Самый простой способ – это из нижней точки графика для самых бедных перейти в высшую точку графика для самых богатых. Тогда производная, или крутизна происходящего, будет уже совсем другая. И удовольствие тоже».

ПОСТСКРИПТУМ

Темнота, которая отвечала с верхней полки, представляла собой высшую ступень иерархии преступного мира в вагоне-перевозке для заключённых; она мнила себя великой и ужасной, но как говорится, она и в Африке темнота...

Средняя часть, собственно Искусство Лёгких Касаний, разнопланова, и представляет собой классический а ля Пелевин, всеобъемлющий анализ текущего момента. Необычно в данном случае его совмещение с разбором полётов философа и писателя Д.Е. Галковского, во-первых, в плане оценки представляемого им историко-философского публицистического направления и писательской манеры. В отличие от метафизической направленности мысли В.О. Пелевина, образ мыслей Д.Е. Галковского историчен и политически окрашен, что делает этих двух авторов с одной стороны антиподами; зато с другой – по большому счёту, им нечего делить, что позволило, по крайней мере, Виктору Олеговичу посмотреть на Дмитрия Евгеньевича с симпатией, не исключаяющей, впрочем, изрядной доли иронии. В качестве второго плана я бы отметила очевидно популяризаторскую цель выведения Д.Е.Га в качестве главного действующего лица повести. Несмотря на то, что Д.Е. Галковский (автор резонансного «Бесконечного тупика») выведенный в повести под фамилией Голгофский, – масштабная фигура, хорошо известная в интеллектуальных кругах, по первым рецензиям на ИЛК было видно, что не всем рецензентам это имя знакомо. Так что в результате это воплощение в колоритного карикатурного персонажа выводит Д.Е. Галковского в более широкое медийное пространство, за пределы его сложившейся интернет-аудитории. Практически, если проанализировать творчество В.О. Пелевина на предмет изображения им масштабных литературных и исторических фигур, ставит его в один ряд с такими архетипическими фигурами, как Толстой и Чапаев. Шутки шутками, но это третий такой случай в творчестве Пелевина. А также это в духе деятельности самого Галковского, который на своём ютуб-канале наряду с литературными лекциями представляет авторов своего круга (например, К.А. Крылова). Вот на этом я и остановлюсь, пожалуй, потому что текст, как всегда, глубокий и закольцованный, и частности можно разбирать бесконечно. Предлагаю читателю погрузиться в них самостоятельно. Разве только приведу ещё одну цитату: "А по-моему, сюжетов всего два. Первый – как человека убивают из-за денег. Второй – как человека приносят в жертву".

К вопросу, о так чём, всё-таки, была написана книга. Вот об этом.

ПОСТСКРИПТУМ

Фигль-Мигль. Долой стыд (нет уголка для Вандеи). Спб, Лимбус-Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2019, 376 с.

«Поскольку у нападков на реализм за последние годы образовался неприятный идеологический привкус, скажу так: реализм и постмодернизм одинаково неприемлемы. Первый недостаточен, второй лишён – тысячу раз простите – души. Плоды того и другого походят на размазанную по стеклу грязь, и то, что она взята из разных канав, утешает слишком немногих, пусть даже это и *happу few*. (И да, я люблю Пелевина. И нет, я не считаю Пелевина постмодернистом)».

Полностью согласна с автором, с его характеристикой в том числе Пелевина, и с характеристикой автора, данной в аннотации к роману: «Игры «взрослых детей», составляющие сюжетную канву романа, описаны с таким беспощадным озорством и остроумием, какие редко встретишь в современной русской литературе». Этот год (в РФ) с издательской/читательской точки зрения был просто феерией: Уэльбек, Пелевин и Фигль-Мигль. Потенциальный праздник каждый день, в конце лета сбившийся в плотную кучу. Поэтому немного трудно писать об этих романах: каждого из них хватило бы на год. У всех трёх авторов есть общее: все трое не укладываются в схему какого-либо «изма», все трое во всей её цветущей сложности парадоксально, но на удивление точно отражают жизнь. Настоящая, большая литература. (Кстати, роман "Долой стыд" в начале 2020 года вошёл в лонг-лист премии "Национальный бестселлер".) Фигль-Мигль на этот раз тематически ближе к Уэльбеку. Мысль о роли абстрактных схем в жизни людей посетила меня именно при чтении романа «Долой стыд», Уэльбек попал на прилавки магазинов позднее. «Долой стыд» сфокусирован на этой идее.

Здесь она проиллюстрирована на примере узкого круга людей, очень тесно связанных между собой формальными и неформальными, видимыми и невидимыми связями, как в притче о слепом вожде слепых (эта аналогия напрашивается; в отличие от чего, Уэльбек прямо вводит в текст цитаты из Нового завета; Пелевин, как всегда, предлагает посмотреть на евангельские истины в сравнительно-историческом ключе), и все они, вооружённые своими убеждениями, не подозревая о своей истинной роли в истории и в жизни друг друга, идут напрямик в личный и общественный ад. Характеристики персонажей (данные с точки зрения других персонажей и по отношению к ним) даются в названиях глав, которые, подобно тегам, обозначают сюжетные линии (думаю, при повторном прочтении можно попробовать пройти по ним). Основным

ПОСТСКРИПТУМ

персонажами первого ряда в романе является «вор, жених, заговорщик и доктор». Причём это характеристики как главного героя, так и связанных с ним лиц, глазами которых мы видим его в одной из приведённых ипостасей. Доктор – его конспиративная профессия, на самом деле, имитация доктора. Вором его видит прикинувшийся пациентом бывший осведомитель и редактор, чья внучка, декларативная феминистка (из тех, к которым, пользуясь выражением Пелевина, всегда будут вопросы), дружит с любовницей доктора, кассиршей. Заговорщик он в кругу тайного общества, членом которого являются и глубоко законспирированные действующие осведомители и просто работники служб безопасности (в романе их две, конкурирующих друг с другом на федеральном уровне). И он – жених зачётной блондинки-кассирши («зачётная была блондинка, но с «но». Сиськи-письки зачёт, а взгляд мне не понравился; слишком серьёзный, чего-то ждущий»), которая выбрала его в отцы своему будущему ребёнку и, соответственно, себе в мужа (это тайный план, осуществление которого набирает обороты, о чём доктор, конечно, не догадывается – зачем нервировать человека раньше времени; но уже в Икее присмотрена кровать).

Есть ещё ряд персонажей второго плана, отличающиеся от персонажей первого грамматически: рассказ о них ведётся от третьего лица. Это Соня (дочь майора, с которым ведёт бесконечный внутренний диалог бывший редактор – линия "вор", хотя это не воровство, а экссы, мог бы догадаться, но диалог ведёт не о том, и ничего другого видеть не может); Муся, внучка редактора, актуальная феминистка (в смысле, как я уже сказала, "актуальной п*дерасни Пелевина – она постоянно работает над собой, стараясь быть последовательной, и «идя по своему необычному пути с отвращением» превратиться в лесбиянку;). Блондинка – ещё один заговорщик, пробившийся в любовники к Соне. Два куратора, ведомствам которых доктор негласно поверяет тайны своих пациентов: Нестор и хромой полковник (из «Этой страны», убежал на минуточку из Маасквы). Представители кукловодов проходят по краю, они почти не видны. Некоторые, как майор, отец Сони, с которым десятилетиями ведёт непрекращающийся внутренний диалог о добре и зле отец Муси, уже перешли в мир иной (не пережив 1991), но их присутствие до сих пор ощущается. Все действующие лица (многие являются пациентами доктора – психотерапия в моде) связаны друг с другом внутри малого круга опосредованно, не зная об этом, поскольку двигаются в колее своих представлений о целях, смысле и, исходя из этого, окружающих. т.е., не дают себе труда посмотреть на реальность поверх схемы. Интересная подруга у Муси, – думает доктор, – посмотреть бы на неё, – не подозре-

ПОСТСКРИПТУМ

вая, что он с ней спит. А просто они оба сводятся друг для друга к необходимой функции: она для него любовница, он – нужный отец будущего ребёнка, как она это себе представляет. И, в общем, это даже был бы правильный расклад, если бы в нём присутствовало чувство, дающее смысл всему этому. Это отсутствие проявится позднее, при появлении чувства – не в том месте, и не в то время, которые предусмотрены рабочей схемой.

Какой урод ставит ей чёрные синяки на запястьях, дать бы ему в морду, – думает второй заговорщик, – не зная, что именно с «ним» встречается конспиративно. Отчасти лучше обстоят дела у Блондинки с Соней; видимо, потому что... потому что... сначала было чувство; дело началось естественным путём... – ну да, с попытки изнасилования – впрочем, это точка зрения Сони, озвученная доктору; а доктор, занятый мыслями об эксах, не обратил внимание на тот факт, что в этом кейсе непропорционально большое внимание было уделено потерпевшей «проклятым трусам», и на самом деле психической травмой была её экипировка, не подходящая для первого свидания с нравящимся ей мужчиной. Не *La perla*.

Другими словами, в структуре романа налицо чёткая концентрическая схема (а где нет схемы, нет произведения искусства, хотя это и не всё), в высшей степени правдоподобная, несмотря на чистый схематизм и условность, – за счёт, увы, типичности ситуации, а также мастерства автора и, соответственно, качества текста. Несмотря на запутанность сюжета (Фигль-Мигль тяготеет к детективному жанру), текст прозрачен, как роса, и весь мир отражается в нём чётко и ясно. Стилистически автор тяготеет к иронии, и с этой точки зрения текст тоже великолепен. «Да, я оставил мысль о мемуарах – псогос, знаете, на манер «Тайной истории» Прокопия Кесарийского. Потому хотя бы, что Прокопий Кесарийский писал об императоре Юстиниане, его жестокой, блестящей, распутной жене, министрах-душегубах и Велисарии, а мне бы пришлось называть имена, которые даже мне самому мало что говорят. Хула на Борю, Гарика и Юрия Андреевича! Юрий Андреевич, кстати, мне всегда нравился. Он спятил, как и все мы».

Текст, можно сказать, на уровне Петербурга – города, в котором происходит действие. Наводнённость его историей, политикой, историей политики (Плеве, Катков, Пуришкевич, вопросы внутренней политики в период перед революцией 1917 – сквозная тема Фигля-Мигля) наводит на мысль о Петербурге Андрея Белого. И Достоевского, конечно, потому что Петербург сам по себе уже просто не может всем этим не отдавать, автор чувствует это кожей, это знание входит в его плоть и кровь, и формирует основу стиля. А так как автор любит фильмы, присутствие

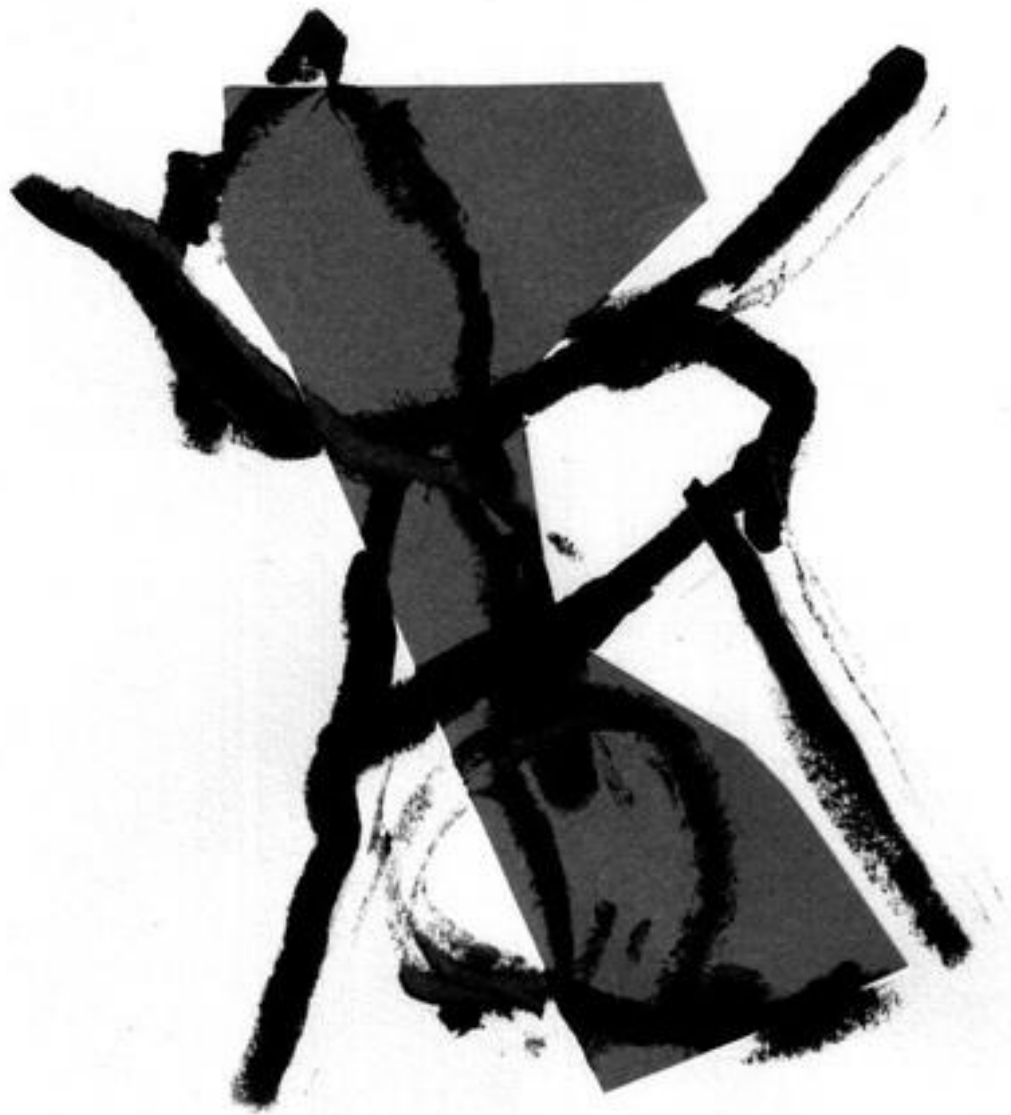
ПОСТСКРИПТУМ

Тарантинушки тоже ощущается – заговорщики слегка играют в его Бешеных псов (только ники, никаких пересечений в жизни, ха-ха-ха).

Единственным героем, преодолевшим колею, стал, как ни странно, формально безумный старик из линии "вор". Его безумие было вызвано обстоятельствами жизни – так получилось, что он стал информатором, но он любил (не в романтическом смысле, а в христианском), и старался понять. Видимо, поэтому.

Действие романа заканчивается под Новый год. «В черноте за окном шёл снег и волшебным блеском блестел под фонарями, разминались перед полуночной канонадой петардисты, медленно проехала машина, за которой долго ещё, как шлейф, тянулась музыка, и Максимчик сказал, почему бы нам до прихода гостей не выпить по глотку за самих себя, и обоим не хотелось подниматься. А потом прозвенел звонок, и мы пошли открывать. Вместе, взявшись за руки. Всё, как я и планировала».

Чтобы оценить эту шутку (судьбы), надо прочитать роман...

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Антология Литературных чтений «Они ушли. Они остались». Том II, часть I, часть II / Сост. Б.О. Кутенков, Н.В. Милешкин, Е.В. Семенова. – М.: ЛитГОСТ, 2019. ч.1 388 с.; ч.2 456 с.

«Страсть к свободному страданию» – таким заголовком поэт и публицист Марина Кудимова в вводной статье «открывает» читателю Антологию. Ушедшие поэты – мальчики, девушки, юноши, зрелые мужчины. Ушли в мир иной до 20-ти, до 30-ти, до 40-ка лет. Тогда, когда поэтическое дарование особенно ярко проявляется, складывается, обостряется. Многие добровольно покинули наш мир. Это особенное издание. Антология и апология смерти. Поэзия крика, души наизнанку, поэзия прощания. Как написал критик, они «на стороне страдания и добра». Они не хотели славы. Самовыражения стесалась их душа. Европейская и русская поэтическая традиция.

Ощущения от текстов – сложные, невыразимые, амбивалентные. Из огромного «списка» поэтов и их «биографий», раньше читал только трех – Николая Рубцова, Геннадия Шпаликова и Александра Башлачева (СашБаш). Мотивы их ухода – глубокое разочарование в действительности конца 60-х – начала 70-х годов у «настороженно тревожного» Рубцова, «нежнейшего» Шпаликова и конца 80-х у «рокового» Башлачева. Это «не сделанная» поэзия – поэзия выплеска души. У единственного поэта – Леонида Аронсона, правообладатели не предоставили редакции тексты. Благо есть в интернете. Ошеломил сверхдуховностью. Ленинградский поэт уровня Бродского. Издание сопровождается интересными критическими статьями и эссе по творчеству всех авторов. К такого рода поэзии не применимо словосочетание – классная поэзия, хорошие или плохие стихи. Стихотворный накал такой, что каждое слово молит о жизни, смерти, прощении и расставании. Но нет жалости, извинения, скорби. Есть глубокий интимный разговор с авторами, один на один о Вечном. «Который поезд на Бессмертье?» – этот «ироничный» вопрос вопросов остается без ответа. Это подлинное поэтическое бытие в сторону смерти. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». Кладу Венок на могилу поэтам. О них можно сказать – ПЛЕЯДА НОВОЙ ВОЛНЫ.

Сергей Быков

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Василий Чердаков «Фата Моргана», Тольятти, 2019г. Тираж 10 экз.

Сразу бросается в глаза необычное название. Ещё более интересно, что так называется одно из его стихотворений. Открываешь его – и ни слова про это. А про что? Про время, Бога и вечный вопрос: что делать? Как стать счастливым? А ответ прост: любить людей, Бога, всю природу, молиться и прочее, прочее... Давно известное и давно забытое... Вообще, от всех его стихотворений отдаёт стариной. Но в них затрагиваются вечные темы: место человека в мире, общественный строй, отношение к власти и деньгам, отношение к людям, к Родине, к Богу. Вечное и ценное через призму прошлого и настоящего видится в оптимистичном ключе. А потому установка «раньше было лучше» работает на ура. Есть и стихотворения об известных событиях или личностях: о фильмах, тв-программах, писателях, политиках...

Какой образ автора возникает во время прочтения? Образ рассудительного, вечно улыбающегося дедушки с оптимистичным взглядом на жизнь. Или дедушки, пытающегося через стихи сделать свой взгляд на жизнь оптимистичнее: отдал бумаге всю боль, всё своё раздражение, и глянь – вроде мысль к положительному привела! Лирический герой почти полностью совпадает с автором. Он не боится правды. А чего он больше всего боится? Кажется, перестать писать. Это равно перестать существовать. Он постоянно рефлексировал: его стихи – мысли по поводу эмоций, которые заставили его мыслить. *Cogito ergo sum*. Редкие, робкие метафоры соседствуют с аллюзиями, вульгаризмами и просторечиями – получается довольно выразительно! И возникает ненарочитая «близость к народу» – хотя есть чёткие «я», «мне», но чаще встречается «нас», «мы», и иногда «вы», «Ваша», и его разговор с самим собой (или это молитва к Богу?) превращается в проповедь: «Ну ладно я, а вы хотите?» (стихотворение «Назад в будущее»).

Так что же такое Фата Моргана? Редкое оптическое явление, говоря простым языком – мираж. Для Василия Чердакова таковым, похоже, является мир. Дав такое название сборнику, Сергей Сумин, скорее всего, хотел кратко обозначить мировоззрение автора, а также, возможно, и указать на то, что поэт Василий Чердаков – совершенно необычное явление!

В век электронных нанотехнологий /поэта божья искра не горит

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Галина Булатова «Я, Бог, любовь и око: стихи, рассказы, эссе» – Казань: изд-во "Ак Буре", 2019. – 160 с.

В этой книге есть всё, что нужно творческому человеку, она обладает каким-то таинственным обаянием. Она захватывает читателя, начиная с обложки и картинок, и не отпускает до последних слов. Поэзию сменяет проза, но она также привлекательна. Немногие авторы могут похвастать столь интересно написанной автобиографией.

Много стихотворений посвящено родным и знакомым местам, значимым событиям. Часто поэзия "на случай" не обладает полнотой художественного замысла, но здесь не так: ни одно из них не лишено целостности. "Если писать, так писать!" – таков посыл, например, стихотворения "Юбилей".

А сколько "милоты" в письмах и "детском лепете"? Столько же, сколько серьёзности, мифологического и философского настроения с лёгкой иронией в "Мальве" или литературных заметках.

Обычная горошина /Племянница кусту /Я кем-то в землю брошена/ И вот – себе расту.

"Тебе": поэтический сборник / составитель А.Лазухин. – М.: Книг-Издат, 2020. – 144 с.

Хотели бы вы увидеть в одной книге работы молодых, малоизвестных поэтов? Провести конкурс между всеми этими "пишущими в соцсетях"? Такой сборник издан Александром Лазухиным, автором ставшего международным проекта "Парень, который читает стихи". В него вошло более 100 стихотворений на тему "Любовь. Семья. Одиночество". Скажем прямо: есть и откровенно слабые работы (удивительно, как они прошли конкурсный отбор), а есть необыкновенно красивые и свежие. И все – абсолютно разные! Проект подразумевает не просто издание сборника: уже сняты несколько поэтических видеоклипов, режиссёры работают над постановкой моноспектакля, запланировано чтение стихотворений под камерный оркестр. Такая своего рода популяризация современной поэзии: мастера подачи представляют мастеров слова. Что из этого получится – увидим в течение 2020 года!

Антон Давыденко

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Елена Карева *Mu precious*. Стихи. Тольятти, 2019 – 153 с.

Книга стихов "Мой драгоценный". На обложке – роза. Первые буквы стихотворений с особыми изящными завитками, как любили делать барышни девятнадцатого века.

И все же это не альбом барышни времен Пушкина. Это сборник стихов тольяттинской поэтессы Елены Каревой. Песнь женского сердца. Противоречивого, ранимого, тянущегося к любви и красоте – но умеющего показать когти в случае необходимости.

"Наверное, из страны полночной душа была занесена, сюда преступной и порочной своей мечтой на крыльях сна", – пишет она. И даже в тех строчках, в которых поэтесса пишет о природе, ощущается ее душа (а, может, в этом и причина особой любви поэтов к теме природы – здесь легче всего говорить о собственной душе? Ведь не о тучках же в самом деле писал Лермонтов в стихотворении "Тучки небесные вечные странники"!).

О природе, казалось бы, уже ничего нового не скажешь. Но нет. Бритвой режет шелк небесный – о чем это? О молодом месяце!

Образ луны превратился в штамп уже во времена Пушкина, оказавшись рядом с розой и музой. Луна как символ тайны, магии, романтики (прогулки под луной). А здесь месяц (он же луна) неожиданно предстает как некая сила, которая непременно принесет с собой нечто новое, неизведанное. Бойтся ли лирическая героиня этой силы? Пожалуй, нет.

Книга Каревой – это Женская Поэзия в лучшем смысле этого слова. Их вполне можно сравнить с бессмертными строчками Анны Ахматовой, Марины Цветаевой и их предшественницы – Сапфо. С Ахматовой поэзию Каревой роднит некоторая камерность, уклончивость, но при этом сила чувств. Это даже не столько стихи, сколько танец – танец женской души...

*Внутри меня болит фарфор/Боясь неосторожных трещин/И грязных
рук мужчин и женщин/ К нему тянущихся на спор*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Полевые цветы. Поэтический альманах. № 2. Москва. 2018. – 395 с.

Само название этого поэтического сборника – "Полевые цветы" будто отражает его содержание. Это скромный и пестрый букет полевых цветов, собранных по всему миру.

Основу "букета" составляет японская поэзия – хокку, хайку, танка и рубаи. Хокку и хайку – короткие стихи без рифмы, больше похожие на живописные миниатюры из нескольких мазков, уже давно перестали быть заморской диковинкой для нашей страны. Они просты и вполне по силам школьникам – но далеки от примитивности. В них нет заглавных букв и знаков препинания – что несколько усложняет их передачу в данном тексте.

Темой хокку может быть что угодно – что и продемонстрировали участники конкурса в номинации "Футбольный цветок". Правда, строчки о футболе излучают безнадежность и ностальгию – как воспоминание о чем-то милом сердцу, но оставшемся в далеком прошлом. На футбольном поле пасутся коровы, футбольный мяч поврежден (*"Что о футболе можешь ты мне рассказать, проколотый мяч?"* Артем Мочалов (победитель конкурса). *"Вечереет, с пробитым мячом играют волны"* (Филмор Плэйс, Минск)).

Гораздо позитивнее звучат строчки о котках у победителей номинации "Кот Марсель" (впрочем, номинация посвящена любым животным, а не только котам). *"Утро. Занято солнце котом на кровати"*.

Украшением букета поэтических миниатюр становятся поэтические жанры из просторов интернета. В том числе самый известный – "пирожки". Тоже короткие стихи и тоже без рифмы – но с изрядной долей перца (а без перца "пирожок" – не "пирожок"). Темой может быть все, что угодно. Хотите о политике – пожалуйста. Хотите о высоких материях – сделайте одолжение. Но, как отметил Михаил Кожин в своей статье о сетевых жанрах: "Материи выглядят пестрыми, а мир, сшитый из них, похож на шапку с бубенцами" [Полевые цветы, 196 с].

А пусть даже и так. Пусть "пирожки" – сетевой праправнук скорморохов и театров Петрушки из древней Руси (по крайней мере, по одной линии "пирожки" определенно ведут свою родословную именно от них). И что же? Разве смог бы наш народ преодолеть суровые зимы, нашествия монголов, сумасбродства царей – если бы не наше исконное народное чувство юмора?

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Но "пирожки" не только ирония над существующей реальностью. Здесь можно все – даже поиронизировать над "царицей наук". Математикой.

*Две параллельные прямые
Живут в эвклидовом мире
и бегают пересекаться
в мир лобачевского тайком*

Но родословная сетевых "пирожков" явно не только наша. Дотошный исследователь найдет у этих (чаще всего безымянных) миниатюр сходство и с хокку. Тоже короткие, тоже без рифмы. Кстати, еще одно сходство пирожков с хокку – отсутствие заглавных букв и знаков препинания. Вот и повод поразмыслить о родственных связях в литературе.
*О человек! Во все века Добро и зло твоя рука Творит, доверься голове.
Немудрено: ведь рук-то две!*(Лидия Жарова)

Алина Науменко

Айдар Хусаинов. Адреналиния. Стихотворения. Уфа. 2018. 44 с.

Как-то мой товарищ по клубу авторской песни сказал по поводу моих песен: "Слушай, так уже никто не пишет!" Та же фраза пришла мне в голову над сборником "Адреналиния". Классический, в духе XIX столетия, стиль, возвышенный слог, довольны выпендрение – даже пафосные – рассуждения о любви, церемонное обращение к женщине...

– Дева, дева, кто ты или что ты? Чем живёшь? Куда свой держишь путь?

Я даже на всякий случай ещё раз на обложку взглянул – ту ли книгу взял?.. а через несколько строф – опять.

Неужели в том найдёшь ты счастье, <...> Чтоб от наглых выходов начальства приходит в немедленный восторг?

Тут же вспомнилась с детства памятная "Колыбельная" Н.А. Некрасова "Будешь ты чиновник с виду и подлец душой". Думаю, автор хорошо знал эту "Колыбельную", как и массу других классических произведений российской и советской литературы.

И такие, как ныне говорят, "пасхалки" разбросаны по всей книге.

И женщину с железною спиной...

То не ветер воеет в чистом поле...

Веет с поля ночная прохлада...

"А так это же постмодернизм! – воскликнул я с восторгом догадливого читателя, – Ну, теперь-то меня не провести!"

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Но глянуть на эти стихи с волшебным мелкоскопом иронии тоже не получается. Почти каждый из них автор начинает с новой серьёзно-высокой ноты и у него хватает терпения дожидаться, пока читатель опять размякнет и поверит в его искренность и чистоту намерений:

В пятнадцать лет и в тридцать лет и в сорок / я горевал, не нужный никому, / что надо мной летают глад и морок...

Поневоле вздохнёшь, что крепкий широкогрудый Айдар сидит в своей Уфе и нельзя уткнуться ему в плечо, сладко замирая от подступающих умильных слёз... А тут он и брякнет некстати:

Когда ж ты станешь мудрою старухой!..

Так что поневоле возрадуешься, что твоих слёз ему не видать. Ну, в общем, американские горки в стихах, да и всё тут. Тем более, что в сборнике нашлось место и Хиллари с Трампом, и Ельцину со Сталиным, и Леонард Коэну с Заболоцким... Искушённый читатель нынче поневоле искушён и как зритель, и ему не впервой видеть, как бегут по мониторам многочисленных медицинских устройств прямые линии, прерываемые резкими импульсами сердечного ритма или мозговой деятельности или какой другой активности. Такая вот Адреналиния...

Ведь это ж человек стоит перед нами, / А мы его – какой он милый добрый, / Какой он ласковый и ну его хватать / И об него смывать всю грязь свою и мерзость...

Евгений Морозов. О том, как ты была всегда. Стихотворения. Москва, ЛитГОСТ, 2019. 108 с.

Наверное, сообщество дворников, к которому и я некоторым образом принадлежу, могло бы поставить Евгению Морозову прижизненный памятник за освящение их обыденности поэтическим светом оранжевых крыл.

Знал, да стыл зимою этой / за окном через стекло / дворник-прожитое лето, дворник-снега намело.

Но обыденность в стихах Евгения Морозова не синоним банальности. Это могут быть *кружевные обои на нищей стене* или *имя одиночества на краю...* То, что существует всегда и везде, наполняет твою память – *Бабочка, рубашка из узоров, дикая струна, звериный нор, трепет земляники, зуд житья...* Чего иногда не хватает для полноты жизни, оправданности существования – *Ещё одна запыхавшаяся мысль, ещё один изгиб благородной шеи, одно нежное слово, слепленное сквозь стыд, <...> и я пойму, как беречь людей...*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В этой обыденности ты вместе с автором вглядываешься в *многозвездье, чтобы читать на диком языке туловище с крыльями в полнеба, и в ней Из чистогана имён позаброшенных, изо всего, что уже сожжено, рыжего времени, звёздного крошева будущий ткач ворожит полотно*. Такая вот метафизика обыденности.

Нередко мне кажутся скудостью фантазии и леностью души попытки говорить о большом, привлекая большие слова. Автору же этой книги вполне хватает маленькой жизни волнистого попугайчика, чтобы дать нам повод всерьёз подумать о любви и смерти.

Очень трудно быть готовым к решению, что маленькая птица так может быть похожа на родное, на облако, на смерть, на человека.

Обыденность жизни героя этой книги подчас совсем не проста, она прорастает сквозь тебя *будтодетское хотение луны и счастья, бодрый ветерок серебряных мыслей, придорожная вера сермяжной травы, несожжённый ковыль тугого отчаянья...* И может быть, если быть внимательным и терпеливым, вдруг поймёшь, что слова этой книги о том, без чего, может быть, не обойтись и тебе.

а прошлое море, а будущность фраз / о счастье наставших побед – / всё это как будто... Но каждый из нас / по-своему ранен на свет.

Алексей Александров. Это были торпеды добра. Стихи 2018-го года. Саратов: Музыка и быт; Амирит, 2018.134 с.

Ко многим из любопытных мест современной литературы читателю, ох, как непросто добратся! Малый, даже мизерный, тираж в эпоху победившего интернета, конечно же, пустяки. Я о том, что, живя в широко разлившемся абсурде, именно абсурдистские стихи воспринять не просто.

Под елочкой не Чкалов просвистел, Шары такие, что наперсток был с ведро. И газированная нефть, Как свежая июньская клубника.

Не торопитесь озадаченно замирать над страницей, это ведь самое начало!

Все ласточки застрахованы, Переименованы и засекречены, С каждой летит военный специалист, Подсказывая на ходу, если она вдруг собьётся.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

К счастью, автор добр к своим читателям, и по тексту щедро рассыпаны хлебные крошки узнаваемых образов

*Всех их надо лечить касторкой, Думает бармалей-педофил,
К единственной маме на свете плывя на плоту, Той, что с мечом
стоит сквозь бури и ветер.*

Это для меня, судорожно цепляющемуся за привычные щепки, хором поют Окуджава с Бродским

Плывут в тоске необъяснимой Некосмонавты в пыльных шлемах.

И для меня же заботливо разложены вспомогательные грабли

Зимы. зимы ждала природа. Снег выпал – началась война.

и спасительные растяжки

По башке ударит инвалид, Свою прикрыв дырявым медным тазом.

Признаюсь, я люблю стихи Алексея Александрова, особенно когда нахожу что-то вроде

Луна, похожа на часы, оставшие на две недели

или

*Жизнь это насилие над бессмертной душой, Когда её держит
за жабры смерть.*

хотя нередко и сам удивляюсь собственной любви

*Мысль изреченная есть лошадь, Все остальное – невозможность
Ее принять за эталон, Запрячь их две в одну повозку.*

Зачастую именно поэтическое наитие позволяет разглядеть наиболее существенные детали нашего мира

*И тогда изо всех щелей Полезут любопытные туристы. От них
нельзя спасти мир, Но можно задержать на время, Прежде чем
вспышки их кэнонов Вскипятят грохочущий космос.*

нашей всемирной паутины

В фейсбучном нашем гетто Легче посох и сума.

И чувствуешь, что с каждой страницей и строфой всё свободнее и легче плыть в океане абсурда, каплей которого стала очередная книга саратовского поэта.

Выдумай язык и молчи на нем.

И такое молчание будет посильнее сотни томов

*Это город Наоборот, / В котором живут звери, / Диктующие
стихи, но вместо слов / У них получают облака и ветер.*

Сергей Пиденко

КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. Попов, «Сок бузины», Челябинск, 2019 г.

В поэзии Александра Попова главной темой является любовь к Родине, проникнутая ностальгией по «белой» дореволюционной России времен его любимой четы поэтов: Анны Ахматовой и Николая Гумилева. Нежностью к прошедшему, страданием и ностальгией проникнуто следующее стихотворение : « Молитвы яблонь на земле Верой облака питают, Руки офицеров не в цене, в мае в белых не играют. Затихает яблонь бал, На погонах звезды тают, Закат красным запылал. В белых в мае не играют.» Строфы этого стихотворения имеют разные индивидуальные окраски, благодаря чему в совокупности они ярко рисуют нам исторический излом нового века: тихую задумчивую Русь, нежную родную природу, чистоту весны и веры обогрил кровавый закат –пожар Революции.

И дальше поэт в стихотворении «Все на свете есть»обличает советскую действительность: «Не урод по форме, Не отравлен адом, Несвободой кормят, Если не из стада». Ведь это именно та действительность, в которой расстреляли его любимого поэта Николая Гумилева и трижды арестовывали, сгубив 20 лет жизни, его сына, Льва Гумилева. Действительность, в которой был всего один выбор : или полностью в стаде, или тюрьма. «Несвободой кормят, Если не из стада»...

Используя олицетворение, автор сравнивает родную землю с девушкой–невестой, Русь и природа персонифицированы, обретают женское лицо: «Доберусь до сосен, Доберусь до бора, Твое платье, осень, Я увижу скоро. До фаты доберусь, До наивности ивы, Вдруг тебя, моя Русь, Я увижу счастливой.» Обратную персонификацию– отождествление конкретной женщины с природой и Ночью, как временем суток, мы увидим далее в стихотворении «Ты вырастаешь из ночи», относящемся к любовной лирике.

Ностальгической нотой любования детством проникнуто следующее стихотворение : « Грядки под боком, Ладоней не видно, Клубники по локоть, готовим повидло, Июль кружит головы, Детство визжит, Ложки столовые, Жить бы да жить!» – в этих строках отчетливо слышны Набоковские мотивы : «Ощущение предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла затопляет память и образует такую сверкающую действительность, что по сравнению с нею паркеро перо в моей руке, и самая рука с гляncем на уже веснушчатой коже, кажутся мне довольно аляповатым обманом. Зеркало насыщено июльским днем. Лиственная тень играет по белой с голубыми мельницами печке. Влетевший шмель,

КНИГА ЗА КНИГОЙ

как шар на резинке, ударяется во все лепные углы потолка и удачно отскакивает обратно в окно. Все так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрет.» (с) Владимир Набоков «Другие Берега». У Александра Попова «Июль кружит головы», а у Владимира Набокова «Зеркало насыщено июльским днем», «Жить бы да жить!»— восклицает Попов, «Все так, как должно быть, ничто никогда не изменится, никто никогда не умрет»— вторит ему Набоков. И есть только одно тонкое различие: Александр Попов в своем ностальгическом стихотворении приземляется точно в детское ощущение Радостного Энтузиазма от жизни в Настоящем Моменте, этот порыв в стихотворении живой и искрящийся, в то время как у Набокова в его ретроспективе заметна грусть и даже хорошо прикрытая боль – Это БЫЛО. Когда-то. Но теперь осталось только на дне Памяти, под слоем потерь.

Таким же солнечным светом и теплом проникнуто удивительное стихотворение «Когда не успел еще родиться». Стихотворение наполнено Любовью к матери и ощущением единения с ней. В нем поэт создает перекличку ощущений от детских снов и ощущений плода в период внутриутробного развития: словно через теплый океан околоплодных вод он видит лучи весеннего солнца и свою юную, молодую маму и свое детство, его беззаботное тепло и детский сон, в котором он, уже подросший ребенок, в свою очередь видит и любимую маму, и себя внутри нее, как ее частицу. Таким образом сон младенца в утробе перетекает в сон ребенка, уже живущего под солнцем и наоборот – сон ребенка является регрессом в сон младенца. Таким образом поэт выводит читателю образ кольца: « Окольцованная счастьем детства, Вся из мамы, ее частица Не под солнцем она– под сердцем.»

В целом поэзия Александра Попова, вдохновленная великой Анной Ахматовой, многогранна и очень лирична.

Ольга Кириатти

О.Бахаревич. «Собаки Европы», Издательство «Время»,2019 г.770 с.

Роман Ольгерда Бахаревича – большое произведение большого мастера. Книга наследует традиции романов-странствий Д.Барнса, А.Картер, Ф.Кафки, Р.Музиля. Бахаревич, как пишут, новая надежда белорусской литературы. Бахаревич пишет смело, действительно, смело. Он экспериментирует с формой, языком, делает неожиданные прыжки в сторону прошлого Белоруссии, Европы и России, использует аргументы улицы

КНИГА ЗА КНИГОЙ

и современного телевидения. В романе – полудетективный сюжет, действие происходит в Берлине, Праге и Минске 2050 года. По жанру это – антиутопия, по стилю – экспериментальный постмодернистский роман. Плюсом идет бонус – бальбута. Что это? Это полноценный выдуманный язык (к роману приложены словарь и грамматика), на котором в оригинале была написана одна из глав.

В романе «Собаки Европы» 6 глав. Все они хороши по своему, но «пятерки» от меня получили бы четыре главы из шести. Глава, о которой стоит всерьез поговорить и думать – описание урока в обычной белорусской школе, из которого сразу становится понятным, куда движется общемировой педагогический процесс. Хороша также и глава о поисках детективом истории жизни умершего в отеле полузабытого поэта. В общем – полное погружение в текст!

Бахаревич не боится браться за серьезные проблемы. Автор затрагивает по-настоящему глобальные вещи: страхи современного горожанина, терроризм, маргинализация деятелей искусства, демократия и ее последствия, уровень агрессии человека, состояние поэзии в эпоху медиа и рекламы. В общем, большой роман, напоминающий о творчестве Д. Джойса, Д. Барнса, Ю. Андруховича, М. Павича, Г. Маркеса. Все, у кого это любимые авторы – читайте новый роман О. Бахаревича – не пожалеете!

Э.Учаров, «Стиходворения», Казань, 2018 г., 316 с.

Поэзия Эдуарда Учарова – отражение наблюдений автора за пространством и тихим струением времени. Эта поэзия неспешна, да и куда торопиться поэзии? Стихи как тихие прогулки: по Казани, по ее улочкам и проспектам, стадионам и дворцам, паркам и садам. Собственно говоря, стихи Эдуарда – это городская поэзия. Обложка книги сразу же отправляет читателя к образам реального казанского двора, к образам светлого детства. Это умиротворяет. Все мы родом из детства. Все мы родом из детских стишков и уличных сказок. Именно оттуда приходит поэзия. А поэзия, возможно, и есть лучший способ умиротворения человека в жестоком и хаотичном мире.

Надо сказать, в стихах книги «Стиходворения» Эдуарда Учарова часто, но не всегда торжествуют уют, дом, сад и рай. В стихотворении «Обломов» сказано: «Грум запрягает праздничный выход трамвая, день

КНИГА ЗА КНИГОЙ

ест от солнца последнюю дольку. Три остановки, но до конечного рая всё не доеду, милая Ольга». Рай близок, совсем рядом.

Это не означает, что мы в нем живем. Жизнь не всегда наполнена счастьем и покоем. В творчестве поэта много напряжения, высоты, встреч с неизбежным и жестоким. Но поэзия каким-то таинственным образом сглаживает ужас существования, приносит радость всем сердцам. Вот это и есть подлинное чудо искусства.

Учаров – поэт городской, но не только казанский. В его текстах можно найти упоминания Москвы, Дагестана, Гольятти и других городов и регионов России. Как раз раздел прозы в книге – это путевые заметки, замечания автора по поводу увиденного из окна поезда или автобуса. Получается здорово. Взгляд тонкого наблюдателя делает объекты выпуклыми и яркими. Иногда одной детали, описания улочки или речки достаточно, чтобы увидеть весь ландшафт.

«Стихотворения» – для чтения. Спокойного, неторопливого, проникновенного. Давайте начнем читать!!

Вот дом, что не меня короновал – /Все старит Лобачевский переулочек.

Виталий Кальпиди. «Философия поэзии», Челябинск, Издательство Марины Волковой, 2019 г. 512 с.

Поэт Виталий Кальпиди назвал свою книгу очень правильно. Да, это философия, да, поэзии. Вот только в России философия поэзии всегда была заключена в форму самой же поэзии. То есть получается, что в поэзии есть философия? Да. А что же есть в философии? Правильно – поэзия! Если это и парадокс, то неслучайный. Книгу можно было бы назвать авторскими комментариями к мировой поэзии. Жанры, что представлены в книге, являются пограничными: для разговорной и письменной речи, для черновика и чистовика, текста и комментария. Итак, в «Философии поэзии» мы можем найти: монолог, манифест, комментарии к дружбе, анализ стихотворения, эссе о поэзии, кодекс поэта, отрывки из дневника, сборник афоризмов, очерк истории создания литературной школы и т.д.

Казалось бы, дичайшая эклектика, однако цельность позиции автора, его постоянное настаивание на определенных позициях в литературе не делает книгу рыхлой. Афоризмы из книги не дают уму успокоения: *«Бог – это дверь. Человек – ключ. А вот войти должен кто-то тре-*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

тий», «Поэт должен писать так, как будто его будут читать еще и мертвые. Или только мертвые» и т.д.

В общем, это очень бодрящая, зудящая, призывающая действовать книга. Прочитав ее, вы сможете узнать, как установить власть слова в отдельно взятом регионе России, сможете понять, как вести себя культуртрегеру в ситуации неизбежного диктата столиц, выяснить, как достать деньги на издание своих книг и много другой полезной информации. К тому же, там все о настоящих больших поэтах – с любовью и всякой нежностью! Порой резко, порой крайне субъективно, порой с криком, но всегда ярко! Чтение книги «Философия поэзии» похоже на опасное путешествие – и захватывает целиком. Поэзия – центр философии Виталия Кальпиди, и он готов отстаивать ее позиции до конца, отстаивать, даже изъяв из поэзии собственно поэзию. Как это? Узнаете, прочитав книгу.

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Андрухович Юрий родился 13 марта 1960 года в Ивано-Франковске, впоследствии ставшим важной географической точкой для ряда других сильных прозаиков, образовавших так называемый «станиславский феномен». Писатель окончил Украинский полиграфический Институт во Львове и литературные курсы при известном Литературном институте Горького в Москве. В 1994 году автор защитил диссертацию, посвященную творчеству Богдана-Игоря Антонича.

Айвенго. Поэт. Родился в 1971 году. Живет в Тройнике. Публиковался в столичных и провинциальных изданиях.

Бахарев Антон (псевдоним Бахарев-Чернёнок) родился в 1980 году в Губахе Пермской области. Учился в Таганрогском пединституте по специальности «учитель русского языка и литературы». Занял первое место на Международном фестивале поэзии в Ялте «Синани-Фест – 2009». Предыдущая публикация в «Знамени» – № 2, 2010, «Огонь к огню». Автор книг стихов «Живи сюда» (Пермь, 2011), «Рилика» (Пермь, 2013). Живёт в Пермском крае.

Близнюк Дмитрий, литератор из Харькова. Публикации: "Знамя", "Нева", "Новая Юность", "Сибирские Огни", "Радуга", "Плавучий Мост", "Южное Сияние", "Невский альма-нах" и др. Лауреат нескольких международных конкурсов. Книги стихов "Сад брошенных женщин" 2018, "Утро глухонемых" 2018. Вышел сборник стихов на английском «The Red Forest» 2018 («Fowlpox press», Canada).

Боярских Екатерина. 1975г. Живет в Иркутске. Окончила филологический факультет Иркутского университета и аспирантуру того же факультета по специальности "история русского языка". Лауреат премии "Дебют" 2000 г. в номинации "крупная поэтическая форма" ("поэма") за текст "Эхо женщин". Стихи публиковались в альманахах, в антологии "Нестолочная литература" (М., 2001)

Быков Сергей. Родился в 1958 году. Доктор психологических наук. Эссеист. Автор множества статей по психологии, культуре и искусству. Живет в Тольятти.

АВТОРЫ

Веревкин Александр, Родился в 1977 г. в Тольятти – художник, участник более 50 коллективных выставок в России, Украине, Германии, Великобритании, США. Персональные выставки проходили в Тольятти, Самаре, Москве. Владелец собственного независимого издательства «Плато Тольятти» в котором был художником и дизайнером более 30 изданий, в том числе поэтических книг разных авторов.

Гаак Инга. Родилась в 1970 г. в г. Мары Туркменской ССР в семье офицера ВВС. Первые публикации стихов состоялись в 1996 г. в литературно-художественном журнале «Черемшан», газете «Димитровград-Панорама». Затем последовали публикации прозы и поэзии в альманахе «Димитровград», городских и областных, а также сетевых литературных журналах. Инга работает библиотекарем в Центральной городской детской библиотеке. Живет в Димитровграде.

Дейч Дмитрий. Родился в 1969 году в Донецке. Жил в Армении, на Крайнем Севере, в Москве и Санкт-Петербурге. С 1995 г. в Израиле. Малая проза Дейча печаталась в антологии «Очень короткие тексты», составленных Максом Фраем сборниках новой прозы «Пять имён», «Секреты и сокровища: 37 лучших рассказов 2005 года», «Укус и крокодилы: лучшие рассказы 2006 года», «Русские инородные сказки», «Прозак», «78», журналах «Многоточие» (Донецк), «Солнечное сплетение» и «Двоеточие» (Иерусалим), «Воздух» (Москва). Живет в Тель-Авиве.

Калинин Вадим, род 1973 г. – российский поэт, прозаик, художник, музыкант. В настоящее время профессионально занимается разработкой программного обеспечения. Является цифровым кочевником (digital nomad). Вместе с женой путешествует по Юго-Восточной Азии. Чаще всего оказывается в городе Хуахин (Таиланд). Окончил Московский государственный университет леса по специальности «ландшафтный дизайн». Один из основателей Союза молодых литераторов «Вавилон». Стихи и рассказы печатались в журналах и альманахах. Отдельно изданы книга прозы «Килограмм взрывчатки и вагон кокаина», сборник стихотворений и графики «Пока» и сборник сценариев «Маленькие вестерны».

АВТОРЫ

Карева Елена – поэт, литературный критик. Родилась в Сызрани. Окончила Куйбышевский медицинский институт. Автор книг стихотворений: "Оранжевые цветы" (1999), "Всего лишь слова" (2002), "Настоящее в прошедшем/прошедшее в настоящем", (2006) "Гори... гори..." (2007), «Му precious» (2019) Стихи и эссе публиковались в "Новом журнале", журналах "Крещатик", "Дети Ра", "Литературная учеба". Живет в Тольятти.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер, литературовед. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Клиновой Иван. Поэт. Родился в 1980 году в Красноярске. Дипломант «Илья-премии», лауреат премии Фонда им. В.П. Астафьева, лауреат премии имени И.Д. Рождественского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Алтай», «Континент», «Интерпоэзия», «Новая юность», «Октябрь» и др. Автор книг стихов «Шапито», «Античность», «Осязание», «Латте-арт», «Варкалось», «Пропан-бутан», «Блукалось». Член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Живёт в Красноярске.

Козырев Андрей живёт и работает в г.Омске. Автор девяти поэтических сборников. Имеет поэтические публикации в журналах «Арион» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и Ночь» (Красноярск), «Север» (Петрозаводск), «Наш современник» (Москва), «Нива» (Алма-Ата), «Гостиная» (Филадельфия) и др. Главный редактор литературного журнала «Менестрель». Глава оргкомитета Международной литературной премии им.И.Ф.Анненского.

Мартышина Анна. Поэт. Живет в Пензе. Публиковалась в альманахе «Графит» и других изданиях.

Тененбаум Александр. Родился в 1981 году. Учился в ТГУ. Пишет стихи, рассказы, либретто, повести, романы, пьесы. Публиковался в альманахе «Графит». Живет в Тольятти.

Щетников Андрей. Родился в 1963 году в Новосибирске. Закончил физический факультет Новосибирского государственного университета. Поэт, переводчик с испанского, английского, украинского языков.